

Костанайская академия Министерства внутренних дел Республики Казахстан
имени Шракбека Кабылбаева

УДК 343.3/.7

На правах рукописи

ЖУБАНДЫКОВА ЛЯЗЗАТ АБИЛКАИРОВНА

**Уголовно-правовые и криминологические аспекты противодействия
насилию в сфере семейно-бытовых отношений**

Образовательная программа 8D12301 – «Правоохранительная деятельность»

Жубандыкова Л.А. Жубандыкова Л.А. Жубандыкова Л.А.
Диссертация на соискание степени
доктора философии (PhD)

Научные консультанты
доктор юридических наук,
профессор
И.Ш. Борчашвили

доктор PhD,
ассоциированный профессор (доцент)
Е.Е. Кайнар

доктор PhD
Е.М. Хакимов

Республика Казахстан
Костанай, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

НОРМАТИВНЫЕ ССЫЛКИ	3
ОБОЗНАЧЕНИЯ И СОКРАЩЕНИЯ	4
ВВЕДЕНИЕ	5
1 СЕМЕЙНО-БЫТОВОЕ НАСИЛИЕ КАК СОЦИАЛЬНАЯ И ПРАВОВАЯ ПРОБЛЕМА	22
1.1 Семейно-бытовое насилие в Казахстане: историко-правовой анализ и современное состояние проблемы.....	22
1.2 Вопросы противодействия семейно-бытовому насилию в нормах международного права и в зарубежной практике.....	37
2 УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НАСИЛИЮ В СФЕРЕ СЕМЕЙНО-БЫТОВЫХ ОТНОШЕНИЙ	51
2.1 Уголовно-правовой анализ семейно-бытового насилия: обоснование системы норм и оценка их динамики в законодательстве Республики Казахстан.....	51
2.2 Направления повышения эффективности уголовно-правовых мер противодействия семейно-бытовому насилию.....	76
3 КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СЕМЕЙНО-БЫТОВОЙ ПРЕСТУПНОСТИ И МЕРЫ ПРОФИЛАКТИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ	105
3.1 Общие параметры криминологической характеристики уголовных правонарушений в сфере семейно-бытового насилия.....	105
3.2 Методы криминологической профилактики семейно-бытового насилия на современном этапе.....	123
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	164
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	171
ПРИЛОЖЕНИЕ А – Результаты социологического опроса осужденных, совершивших уголовные правонарушения в сфере семейно-бытовых отношений.....	189
ПРИЛОЖЕНИЕ Б – Результаты социологического опроса жертв насилия в сфере семейно-бытовых отношений.....	206
ПРИЛОЖЕНИЕ В – Результаты анкетирования сотрудников полиции в рамках диссертационного исследования на тему: «Уголовно-правовые и криминологические аспекты противодействия насилию в сфере семейно-бытовых отношений».....	216
ПРИЛОЖЕНИЕ Г – Анализ статистических сведений.....	221
ПРИЛОЖЕНИЕ Д – Статистика судебных органов.....	224
ПРИЛОЖЕНИЕ Е – Акты внедрения.....	227

НОРМАТИВНЫЕ ССЫЛКИ

В настоящей диссертации использованы ссылки на следующие стандарты:

Конституция Республики Казахстан: принята на республиканском референдуме 30 августа 1995 года.

Уголовный кодекс Казахской ССР: принят 22 июля 1959 года (утратил силу с 1 января 1998 г.).

Уголовный кодекс Республики Казахстан: принят 16 июля 1997 года, №167-І (утратил силу с 3 июля 2014 г.).

Уголовный кодекс Республики Казахстан: принят 3 июля 2014 года, №226-V.

Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан: принят 4 июля 2014 года, №231-V.

Кодекс Республики Казахстан. Об административных правонарушениях: принят 5 июля 2015 года, №235-V.

Кодекс Республики Казахстан. О браке (супружестве) и семье: принят 26 декабря 2011 года, №518-IV.

Закон Республики Казахстан. О профилактике бытового насилия: принят 4 декабря 2009 года, №214-IV.

Закон Республики Казахстан. О профилактике правонарушений среди несовершеннолетних и предупреждении детской безнадзорности и беспризорности: принят 9 июля 2004 года, №591-ІІ.

Закон Республики Казахстан. О профилактике правонарушений: принят 29 апреля 2010 года, №271-IV.

Закон Республики Казахстан. О пробации: принят 30 декабря 2016 года, №38-VІ.

Закон Республики Казахстан. О местном государственном управлении и самоуправлении в Республике Казахстан: принят 23 января 2001 года, №148-ІІ.

Закон Республики Казахстан. О жилищных отношениях: принят 16 апреля 1997 года, №94-І.

Закон Республики Казахстан. О масс-медиа: принят 19 июня 2024 года, №93-VІІІ ЗРК.

Нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан. О квалификации некоторых уголовных правонарушений против жизни и здоровья человека: утв. 11 мая 2007 года, №1.

Нормативное постановление Верховного суда Республики Казахстан. О некоторых вопросах квалификации преступлений, связанных с изнасилованием и иными насильственными действиями сексуального характера: утв. 11 мая 2007 года, №4.

ОБОЗНАЧЕНИЯ И СОКРАЩЕНИЯ

АССР	– Автономная Социалистическая Советская Республика
СНК КазССР	– Совет Народных Комиссаров Казахской Социалистической Советской Республики
ЦИК РСФСР	– Центральный исполнительный комитет Российской Советской Федеративной Социалистической Республики
СССР	– Союз Советских Социалистических Республик
РК	– Республика Казахстан
УК РК	– Уголовный кодекс Республики Казахстан;
УПК	– Уголовно-процессуальный кодекс
КРКоАП	– Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях
КоБС	– Кодекс о браке (супружестве) и семье
КПСиСУ Генпрокуратуры	– Комитет правовой статистики и специальным учётам Генеральной прокуратуры
СНГ	– Содружество независимых государств
ООН	– Организация Объединённых Наций
ГА	– Генеральная Ассамблея
СЕ	– Совет Европы
РФ	– Российская Федерация
СД	– Следственный департамент
ОВД	– Органы внутренних дел
МВД РК	– Министерство внутренних дел Республики Казахстан;
МИО	– местные исполнительные органы
МПО	– местные представительные органы
ст.	– статья
ч.	– часть
п.	– пункт
пп.	– подпункт
г.	– год

ВВЕДЕНИЕ

Общая характеристика работы

Диссертационное исследование посвящено комплексному уголовно-правовому и криминологическому исследованию одного из наиболее проблемных и остросоциальных сегментов современной преступности – семейно-бытовому насилию, обладающему существенными отличительными параметрами детерминации, воспроизводства, тяжестью непосредственных и отдаленных последствий для жертв соответствующих посягательств. К моменту проведения исследования в казахстанском обществе сложилась ситуация беспрецедентного роста фактов семейно-бытового насилия, которая стала приобретать все более критические формы, воплощающиеся в наиболее общественно опасные уголовно-правовые деяния. Специфика исследуемого вопроса связана с тем, что на фоне практически полного общественного консенсуса относительно повышенной опасности семейно-бытового насилия, допустимости государственного вмешательства в частную жизнь граждан при наличии угрозы безопасности одному или нескольким членам семьи, сама криминологическая картина соответствующего сегмента преступности имеет характер трудноразрешимой проблемы, что связано с деформацией нравственно-психологических установок у значительной части общества, кризисом института семьи, а также с дефектами законодательной и правоприменительной деятельности, которая нередко имела непоследовательный характер. Несмотря на значительное количество предпринятых законодательных попыток, связанных со стремлением воздействовать на преступность в сфере семейно-бытовых отношений, до настоящего времени сохраняется значительная часть вопросов, которые требуют дальнейшего внимания и адекватного разрешения.

В содержании диссертационной работы исследованы вопросы, соотносимые с ключевыми задачами таких программных и стратегических документов Республики Казахстан как:

1. Концепция семейной и гендерной политики в Республике Казахстан до 2030 года, утвержденная Указом Президента Республики Казахстан от 6 декабря 2016 года №384.

2. План действий в области прав человека и верховенства закона, утвержденный Указом Президента РК от 8 декабря 2023 года №409.

3. Концепция обеспечения общественной безопасности в партнерстве с обществом на 2024–2028 годы (в сфере профилактики правонарушений), утвержденная постановлением Правительства РК от 29 декабря 2023 года №1233.

4. Дорожная карта по усилению защиты прав ребенка, противодействию бытовому насилию и решению проблем суицидального поведения среди подростков на 2020–2023 годы, утвержденная постановлением Правительства РК от 30 марта 2020 года №156.

Актуальность темы исследования. Конституционные основы функционирования казахстанского общества содержат необходимый

фундамент для того, чтобы каждая семья, равно как и каждый отдельно взятый человек находился в состоянии максимальной защищенности своих наиболее значимых прав, свобод, ценностей. Статьей 1 Конституции Республики Казахстан в качестве высших ценностей государства признается человек, его жизнь, права и свободы; статья 17 провозглашает недопустимость насилия, жестокого или унижающего обращения; в свою очередь, статья 27 устанавливает защиту брака, семьи, отцовства, материнства и детства, за нарушение которых следует административная или уголовная ответственность [1].

Человек как высшая ценность государства является одновременно и ресурсом общества не только в рациональном, социально-экономическом аспекте, но и с позиции духовного компонента, предполагающего позитивный потенциал при условии воспитания в благополучной, бесконфликтной среде, исключая факты применения даже минимальных форм насильственного воздействия. Казахское общество, в конечном итоге, формируется за счет всех проживающих в стране людей, а неблагополучие значительной части общества в связи с подверженностью актам семейно-бытовой агрессии имеет риски трансформации в последующие акты насилия, что создает крайне неблагоприятный фундамент для дальнейшего развития нации, подрывает ее устои, расшатывает наиболее значимую систему ценностей.

Осознание высокой степени значимости защиты семьи, а также особо уязвимых категорий граждан – женщин и детей, способствовало выработке массивного международно-правового инструментария. Так, соответствующие вопросы акцентируются Всеобщей декларацией прав человека (1948) [2], Конвенцией ООН о правах ребенка (1989) [3], Декларацией основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью (1985) [4], Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН Активизация усилий в целях искоренения всех форм насилия в отношении женщин (2007) [5] и др.

Принят и ряд специальных международно-правовых документов, непосредственно направленных на выработку стратегий и рекомендаций для формирования национальных законодательств в вопросах противодействия семейно-бытовому насилию: Декларация о ликвидации дискриминации в отношении женщин (1967) [6], Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (1979) [7], Факультативный протокол к Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (1999) [8], Декларация об искоренении насилия в отношении женщин (1993) [9], Типовые стратегии и практические меры по искоренению насилия в отношении женщин в области предупреждения преступности и уголовного правосудия (1997) [10]; Пекинская декларация (по положению женщин) (1995) [11], Конвенция Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием (2011) [12], Конвенция Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуального насилия (2007) [13] и другие.

Семья традиционно рассматривается как значимый социальный фактор, но также семья имеет решающее значение для формирования отдельно взятой

личности, является фундаментом для реализации наиболее значимых потребностей человека в моральной, материальной и духовной поддержке. Насилие в любой отдельно взятой семье – это всегда крайне опасный сигнал для всего общества, поскольку любой насильственный инцидент, особенно их повторение в течение продолжительного времени, причиняет вред не только конкретному потерпевшему, но и его близким, а, в последующем, может быть транслировано и будущим поколениям, исходя из установленных социальных законов модификации и эскалации насилия в межпоколенном взаимодействии.

Несмотря на то, что общая доля ежегодно совершаемых в семейно-бытовой сфере уголовных правонарушений является относительно небольшой (в 2017-2023 гг. она не превышала 0,66%), насильственное поведение в семье относится к тем проявлениям криминальной действительности, которые воспринимаются как наиболее опасная деструкция. Кроме того, высокая латентность семейно-бытового насилия не только констатируется исследователями, но и прямо выявляется при изучении материалов уголовных дел по преступлениям соответствующего вида. Нередки ситуации, когда потерпевшие до момента привлечения виновного лица к уголовной ответственности подвергались насилию на протяжении длительного времени, иногда в течение многих лет, что приобретает особенно опасные формы, когда речь идет о насилии над детьми, в том числе, и в форме сексуализированного насилия.

Данные официальной статистики, формируемой КПСиСУ Генеральной прокуратуры РК, ежегодно фиксируют объем отдельных видов уголовных правонарушений, совершаемых в сфере семейно-бытовых отношений. Так, за десять месяцев 2024 г. в общем объеме убийств (ст. 99 УК РК) совершены в семейно-бытовой сфере - 23,7% (10. 2023 г. – 21,9%; 10. 2022 г. – 19,6%; 10. 2021 г. – 21,7%; 10. 2020 г. – 15,15%; 10. 2019 г. – 15,5%; 10. 2018 г. – 15,3%; 10. 2017 г. – 9,6%); аналогично умышленного причинения тяжкого вреда здоровью (ст. 106 УК РК) - 15,9% (10. 2023 г. – 16,9%; 10. 2022 г. – 18,4%; 10. 2021 г. – 19,1%; 10. 2020 г. – 19,8%; 10. 2019 г. – 17,6%; 10. 2018 г. – 15,3%; 10. 2017 г. – 8,4%); умышленного причинения средней тяжести вреда здоровью (ст. 107 УК РК) - 10,8% (10. 2023 г. – 11,1%; 10. 2022 г. – 10,9%; 10. 2021 г. – 11,2%; 10. 2020 г. – 11,6%; 10.2019 г. – 10,4%; 10. 2018 г. – 7,7%; 10.2017 г. – 3,04%); истязаний (ст. 110 УК РК) – 33,3 % (10. 2023 г. – 18,7%; 10. 2022 г. – 7,1%; 10.2021 г. – 25%; 10. 2020 г. – 8,3%; 10. 2019 г. – 28,5%; 10. 2018 г. – 0%; 10.2017 г. – 12,5%); угроз (ст. 115 УК РК) - 7,5% (10. 2023 г. – 6,08%; 10. 2022 г. – 4,9%; 10. 2021 г. – 3,7%; 10. 2020 г. – 6,8%; 10. 2019 г. – 9,2%; 10. 2018 г. – 4,5%; 10. 2017 г. – 1,1%).

Значительная часть случаев убийств и причинения тяжкого вреда здоровью при превышении пределов необходимой обороны (статьи 102 и 112 УК РК) за десять месяцев 2024 г. констатировались как совершенные в семейно-бытовой сфере – 66,6% (10. 2023 г. – 75%; 10. 2022 г. – 37,5%; 10. 2021 г. – 50%; 10. 2020 г. – 50%; 10. 2019 г. – 33,3%; 10. 2018 г. – 83,3%; 10. 2017 г. – 50%) и 37,5% (10. 2023 г. – 36,8%; 10. 2022 г. – 31,7%; 10. 2021 г. –

51,5%; 10. 2020 г. – 32,4%; 10. 2019 г. – 42,5%; 10. 2018 г. – 26,9%; 10. 2017 г. – 20%) [14].

Несмотря на заметно меньшую долю семейно-бытового фактора насильственных и ненасильственных половых посягательств, учитывая крайне высокую степень латентности данных преступлений, они требуют признания в качестве одной из наиболее опасных форм семейно-бытового насилия, особенно когда в качестве жертвы выступают малолетние или несовершеннолетние лица.

Динамика законодательных изменений за весь период функционирования Уголовного кодекса Республики Казахстан (далее – УК РК) редакции 1997 г. (утратил силу) [15] и Уголовного кодекса Республики Казахстан (далее – УК РК) редакции 2014 г. [16] свидетельствует об однозначном векторе в сторону последовательного повышения репрессивности санкций, включения дополнительных квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков. Так, в рамках состава ст. 124 УК РК при первоначальной санкции в 3 года ограничения или лишения свободы (УК РК 1997 г.) к настоящему времени максимальное наказание при наличии особо квалифицирующих признаков составляет 17 лет лишения свободы. При этом Законом РК от 15 апреля 2024 г. №72-VIII совершение развратных действий стало наказуемым в отношении лиц, не достигших 16-летнего возраста [17].

Лица, погибшие или получившие телесные повреждения в результате внутрисемейных конфликтов, прочно занимают первое место среди различных категорий потерпевших от насильственных преступлений, причем преобладающую группу среди них составляют женщины и дети.

Как отмечается в Концепции семейной и гендерной политики в Республике Казахстан до 2030 года, каждая четвертая женщина на протяжении жизни подвергается жестоким видам обращений, и каждый второй ребенок в возрасте от 2 до 14 лет испытывает жесткие формы наказания в собственных семьях [18]. Нередко сами женщины также становятся виновными в совершении насильственных актов в семейно-бытовой сфере, что само по себе противоречит женскому естеству, поскольку на протяжении всей истории криминологических исследований в качестве аксиомы действует утверждение, что физическая агрессия не характерна для женского типа поведения и реализации тех или иных потребностей. Пострадавшие дети, в свою очередь, являются самой уязвимой категорией в силу своего социального статуса, полной зависимости от взрослых лиц, по причине чего всегда есть риски длительной виктимизации, постоянной ретравматизации, приводящих к стойким психическим и психологическим проблемам и даже дисфункциям.

Несмотря на формирование к настоящему времени многофункционального механизма противодействия семейно-бытовому насилию в Казахстане, до настоящего времени вопросы эффективности национальных методик вызывают сомнения, поскольку они не стали сдерживающим фактором эскалации данного негативного социального явления. Именно по этой причине тема семейно-бытового насилия в настоящее время обладает приоритетной актуальностью и требует тщательного исследования,

как результатов всей последовательности проводимых реформ, так и поиска новых, дополнительных защитно-предупредительных инструментов.

Степень научной разработанности темы диссертационного исследования. Теоретической основой изучения аспектов насильственной преступности, включая сферу семейно-бытовых отношений нам послужили труды советских, современных казахстанских и российских ученых по истории государства и права, конституционному, административному, уголовному праву, криминологии. Результаты изученных научных исследований образуют основу современного учения о криминологическом исследовании вопросов семейно-бытового насилия и практики противодействия. Это труды таких ученых, как Н.М. Абдирова, С.Н. Абельцева, Г.А. Аванесова, А.Н. Агыбаева, Т.К. Акимжанова, Е.С. Акимжанов, Ю.М. Антоняна, Ж.К. Асанова, Л.С. Алексеева, А.Н. Ахпанова, М.М. Бабаева, К.А. Бакишева, И.Н. Беляева, М.С. Баймурзина, К.Ж. Балтабаева, И.Ш. Борчашвили, А.Е. Волковой, К.И. Джаянбаева, А.И. Долговой, Б.Ж. Жунусова, А.Н. Ильяшенко, Е.И. Каиржанова, И.И. Карпеца, М.С. Кемали, Е.П. Кима, И.В. Корзуна, Е.С. Кудайбергенова, В.Н. Кудрявцева, Н.Ф. Кузнецовой, Г.М. Миньковского, Н.Д. Мухамедьянов, А.М. Нечаевой, Р.Т. Нуртаева, П.Г. Пономарева, С.М. Рахметова, А.И. Рарога, В.П. Ревина, Г.М. Резника, И.И. Рогова, С.М. Сапаралиевой, Л.В. Сердюка, Л. Сыдыковой, Е.Г. Самовичева, А.М. Сабырбаева, Т.А. Сидоренковой, С.Б. Соболевой, О.В. Старкова, А.Д. Тарковского, Б.Г. Тугельбаевой, А.Д. Хамзаевой, В.С. Харламова, В.И. Шахова, Д.А. Шестакова, В.Е. Эминова, М. Югай и других.

Вместе с тем, к настоящему времени отсутствует комплексное уголовно-правовое и криминологическое исследование вопросов семейно-бытового насилия и практики противодействия ему в РК, которое учитывало бы все произошедшие за последние годы изменения в законодательстве, правоприменительной практике, структуре данного сегмента преступности. В этом смысле данное диссертационное исследование может восполнить возникший пробел и выступить источником теоретической, статистической, эмпирической систематизации ключевых вопросов, связанных с проблематикой семейно-бытового насилия в РК.

Цель диссертационного исследования – комплексный анализ социально-правовых, уголовно-правовых и криминологических аспектов насилия в сфере семейно-бытовых отношений, разработка теоретических и прикладных основ противодействия такому насилию в виде научно-обоснованных предложений по совершенствованию законодательства, правоприменения и практики предупреждения соответствующих уголовных правонарушений.

Достижение данной цели стало возможным посредством решения следующих частных научно-исследовательских **задач**:

- исследование исторических предпосылок современной детерминации семейно-бытового насилия в казахстанском обществе;

- анализ международно-правовых актов, зарубежного законодательства и правоприменительной практики на предмет сопоставления с казахстанской моделью противодействия семейно-бытовому насилию;
- обособление группы уголовных правонарушений, связанных с семейно-бытовым насилием с уточнением специфических параметров уголовной ответственности;
- поиск и обоснование дополнительных механизмов уголовно-правовой защиты от актов семейно-бытового насилия;
- общий криминологический анализ (с учётом деликтологического фактора) динамики, уровня и структуры семейно-бытовой насильственной преступности;
- обоснование и выработка мер криминологической профилактики насильственной семейно-бытовой преступности.

Научная новизна диссертационного исследования обусловлена тем, что в нем исследованы актуальные вопросы семейно-бытового насилия в Казахстане с учетом всей совокупности внесенных законодательных изменений, неравномерной законодательной практики в вопросах определения юрисдикционной сферы ответственности за акты семейно-бытового насилия, осуществленных теоретических разработок и накопленного правоприменительного опыта. В работе реализован принципиально новый подход, выразившийся обособлением самостоятельной группы уголовных правонарушений, связанных с семейно-бытовым насилием, определением специфических параметров уголовной ответственности, обусловленных особенностью регулируемой сферы общественных отношений. Теоретически обоснован целый ряд изменений, которые носят принципиально новый, концептуальный характер, однако являются востребованными именно с позиции противодействия семейно-бытовому насилию. Проведенный криминологический анализ позволил осуществить принципиально новую методологически обоснованную постановку акцентов по вопросам предупредительного воздействия на насильственную семейно-бытовую преступность.

Объектом диссертационного исследования стали общественные отношения, детерминирующие семейно-бытовое насилие, возникающие в посткриминальном периоде в связи с актами криминального насилия в семье, а также правовые отношения, связанные с установлением уголовно-правовых запретов за различные формы проявления данного вида насилия и реализуемые в ходе профилактического воздействия на соответствующий сегмент преступности.

Предмет диссертационного исследования составили положения Конституции РК, уголовное, уголовно-процессуальное, уголовно-исполнительное, административно-деликтное, брачно-семейное и иное отраслевое законодательство; другие нормативные правовые акты, программные документы, стратегии, концепции, разрабатываемые в целях противодействия семейно-бытовому насилию; акты официального толкования высшей судебной инстанции РК; практика судов по рассмотрению дел в сфере

семейно-бытового насилия; комментарии экспертов и практических работников правоохранительных органов; статистические данные КПСиСУ; результаты социологических исследований, а также выявленные закономерности возникновения насильственной преступности в семейно-бытовой сфере и эффективность отечественных и зарубежных правоприменительных методик.

Методологическая база и методы исследования. Избранный для проведения исследования методологический инструментарий является традиционным для правовых исследований и достаточным для получения достоверного и объективного теоретического знания, поскольку основан на сбалансированном сочетании общенаучных и частно-научных методов познания социальных явлений и процессов. В качестве основополагающего метода исследования был избран диалектический метод познания, который позволил установить реальные и предполагаемые детерминанты семейно-бытового насилия в Казахстане в их совокупности и взаимосвязи. Индуктивно-дедуктивный метод активно использовался при обособлении отдельных моментов уголовно-правовой и криминологической оценки и сведения их к общему результату; метод анализа и синтеза был востребован при оценке законодательных детализаций в регламентации уголовной ответственности за семейно-бытовое насилие. Активно также был использован метод моделирования (при обосновании отдельных изменений в нормы действующего законодательства Республики Казахстан, а также по вопросам правоприменительной практики).

В систему частно-научных методов диссертационного исследования были включены: историко-правовой (при оценке динамики развития норм права в различные периоды казахстанской государственности); сравнительно-правовой (при изучении норм международно-правовых актов, а также зарубежного законодательства); социологический (для получения достоверной оценки исследуемой системы общественных отношений, повышении уровня достоверности формулируемых выводов и предложений); статистический (позволяющий проиллюстрировать динамику семейно-бытового насилия в Республики Казахстан за период с 2017 по 2023 гг.); структурно-функциональный (при построении системы норм, направленных на защиту жертв семейно-бытового насилия); формально-логический (в целях уточнения законодательных предписаний и их унификации, повышения уровня законодательной техники уголовного законодательства); контент-анализа теоретических источников, публикаций в СМИ и доступных информационно-коммуникационных ресурсах (при анализе экспертных оценок, правоприменительной практики, оценке уровня общественного настроения по исследуемому вопросу и т.д.); метод конструктивно-критического анализа (позволивший осуществить научно-исследовательскую ревизию теоретических разработок по исследуемому вопросу) и др.

Эмпирическая база исследования. В основу доказательственной базы выдвигаемых в диссертационной работе положений вошли результаты эмпирических исследований, в частности:

- социологического опроса в виде анкетирования 350 лиц, осужденных за совершение насильственных преступлений в сфере семейно-бытовых отношений и отбывающих наказание в виде лишения свободы в 14 учреждениях средней и максимальной безопасности КУИС МВД РК в Мангыстауской, Атырауской, Актюбинской, Костанайской, Павлодарской, Восточно-Казахстанской, Карагандинской, Алматинской областях и г. Шымкент (Приложение А);

- результаты социологического исследования 100 жертв семейно-бытового насилия, обратившихся за помощью в кризисные центры частного фонда «Қорғау-Астана» г. Астана, кризисный центр «Жансая» г. Алматы, кризисный центр Общественного фонда «Дамыту» г. Костанай, кризисный центр для жертв бытового насилия по Мангыстауской области, Центр социальной неотложной помощи «Рай», кризисный центр для жертв бытового насилия по Атырауской области, кризисный центр «Үміт», Центр развития и социальной помощи населению «Мой дом», кризисный центр г. Усть-Каменогорск, кризисный центр г. Актобе, кризисный центр г. Темиртау (Приложение Б);

- результаты социологического исследования среди 1790 сотрудников подразделений следствия, дознания и местной полицейской службы территориальных подразделений ОВД (Приложение В);

- изучения 350 материалов уголовных дел по уголовным правонарушениям, насильственного характера, совершенным в сфере семейно-бытовых отношений;

- статистические данные КПСиСУ Генеральной прокуратуры РК, Верховного суда РК, Министерства внутренних дел Республики Казахстан (Следственный департамент, Комитет административной полиции, Комитет уголовно-исполнительной системы) о лицах, совершивших правонарушения в сфере семейно-бытовых отношений, а также об их жертвах (женщинах и несовершеннолетних) (Приложения Г, Д);

- статистические сведения Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан.

Положения, выносимые на защиту. Новизна осуществленного диссертационного исследования преимущественно нашла отражение в следующих основных положениях, выносимых на защиту:

1. Факт подверженности проблеме семейно-бытового насилия всех стран мирового сообщества, подтверждаемый обширной системой мер, предпринимаемых государствами в вопросах противодействия данному негативному явлению, не позволяет вести речь о безусловном влиянии исторических факторов развития семейных отношений в Казахстане на высокие показатели семейно-бытового насилия в современных условиях. Вместе с тем, имеет место специфическая дивергенция (противоречие) элементов современного социума с ренессансом атрибутивного восприятия традиций казахстанского общества, вступающих в явное противоречие и приводящих к особому фону ментального восприятия семейно-бытового насилия как некоего следствия патриархальных устоев казахстанского общества.

2. В целях достижения единообразия в уголовно-правовой оценке семейно-бытового насилия, а также установления равновесного квалификационного учета фактора совершения насильственного деяния в сфере семейно-бытовых отношений необходимо:

- дополнить ст. 3 УК РК новым пунктом 18-2, включающим перечень уголовных правонарушений, относящихся к сфере семейно-бытового насилия, который предлагается сформулировать следующим образом: *«уголовные правонарушения, относящиеся к сфере семейно-бытового насилия, – деяния, предусмотренные статьями 99, 101, 102, 105, 106, 107, 108-1, 109-1, 110, 111, 112, 115, 120, 121, 121-1, 122 и 124 настоящего кодекса, если они совершены в семейно-бытовой сфере»*, что позволит упорядочить последующую практику выработки уголовно-правовых мер воздействия в отношении семейно-бытовой насильственной преступности, а также более адресно вести статистический учет с включением социометрических показателей;

- все составы уголовных правонарушений, входящие в предложенный перечень, дополнить квалифицирующим признаком *«совершенное в отношении лица, находящегося с виновным в семейно-бытовых отношениях»*;

- изменить критерии пенализации ч. 1 ст. 108-1 УК РК *«Умышленное причинение легкого вреда здоровью»* с переносом соответствующего деяния в группу преступлений небольшой тяжести, что будет явным отражением приоритетности уголовно-правовой охраны соответствующих общественных отношений по сравнению с целями оптимизации процедур досудебного производства;

- определение понятия *«семейно-бытовые отношения»*, включенное в Закон Республики Казахстан *«О профилактике бытового насилия»* от 4 декабря 2009 года №214-IV [19] требуется изменить следующим образом: *«семейно-бытовые отношения – отношения между супругами, бывшими супругами, лицами, проживающими или проживавшими совместно, в связи с фактическим супружеством (сожителем), близкими родственниками, родственниками (на основе социального и биологического родства), свойственниками, лицами, имеющими общего ребенка (детей)»*, что необходимо для спецификации более расширенного субъектного состава актов семейно-бытового насилия в сравнении с легальными дефинициями близкого родства, свойства и других параметров социального и биологического родства в нормах смежного законодательства.

3. Обоснованы концептуальные изменения подхода к уголовно-правовой оценке ряда обстоятельств, имеющих преимущественное значение в рамках противодействия семейно-бытовому насилию:

- требуется комплексный пересмотр возрастных групп потерпевших от насильственных половых преступлений, который должен учитывать как социально-криминологическую действительность (рост посягательств соответствующего вида на детей младших возрастных групп), так и медицинские факторы (критерии травматичности, рисков последующего вреда для здоровья и т.п.), в целях их более глубокого ранжирования и установления соответствующих параметров уголовной ответственности (в частности,

дополнительное выделение группы потерпевших, не достигших 12-летнего возраста);

- исключить признак заведомости в случаях: 1) указания на состояние беременности потерпевшей во всех составах преступлений, где имеет место посягательство на женщину исключительно как на биологический организм, одновременно дополнив данным признаком ст.ст. 106,107,108-1, 109-1 УК РК, ввиду необходимости признания беременности естественным состоянием, производным от соответствующего гендера, потенциальная возможность которого должна охватываться интеллектуальным моментом умысла виновного лица в момент посягательства; 2) указания на несовершеннолетний возраст потерпевшего в аналогичных случаях, поскольку повышенная степень уголовно-правовой защиты данных лиц от насилия определяется именно физиологическим (возрастным) критерием, исключая дополнительные социальные оценки.

4. Обоснована необходимость повышения эффективности норм уголовного законодательства в вопросах оценки правомерности необходимой обороны и ответственности за ее превышение путем:

- включения в ч. 3 ст. 32 УК РК дополнительного абзаца следующего содержания: *«Не является превышением необходимой обороны причинение вреда посягающему вследствие страха, испуга, замешательства, а также в случаях, когда обороняющийся ранее подвергался насилию со стороны посягающего лица.»* (с одновременным исключением ст. 66 из УК РК).

- дополнения п. 17 Нормативного постановления Верховного Суда РК от 11 мая 2007 г. №2 [20] следующей формулировкой: *«Для установления факта предшествующего насилия со стороны нападавшего лица в отношении оборонявшегося за основу принимаются все обстоятельства, подтверждающие такое насилие – обращения в правоохранительные органы, привлечение к административной или уголовной ответственности за акты насильственного поведения нападавшего в отношении оборонявшегося; медицинские документы, свидетельские показания и другие фактические данные, независимо от того, получали они в прошлом правовую оценку или нет».*

5. Проведенный общий криминологический анализ с учетом деликтологического фактора (административных правонарушений) по побоям и умышленному причинению легкого вреда здоровью за период с 2017 по 2023 годы свидетельствует о следующих значимых факторах:

- выявленные статистические «перепады», связанные с изменением сферы правовой юрисдикции, дают основания для прогноза, что количество регистраций побоев (ст. 109-1 УК РК) и случаев умышленного причинения легкого вреда здоровью (ст. 108-1 УК РК) заметно сократится;

- в отношении личности семейно-бытового насильника следует вести речь об особом «состоянии опасности», ограниченном именно сферой семейно-бытовых отношений и характеризующимся рисками повторения насильственных инцидентов в замкнутых семейно-бытовых коммуникациях, что требует учета всех лиц, допуская административные правонарушения в

сфере семейно-бытового насилия до факта криминализации побоев и умышленного причинения легкого вреда здоровью;

- статистически доказано, что декриминализация побоев и умышленного причинения легкого вреда здоровью по причине свойства самодетерминации (самовоспроизводства) семейно-бытовой преступности в виде эскалации и цикличности стала *специфическим акселератором* (стимулятором роста) семейно-бытового насилия в стране;

- свойство самодетерминации (самовоспроизводства) семейно-бытового насилия подтверждается в рамках регионального подхода, поскольку области, ранее демонстрировавшие наибольший уровень административно-правовой деликтности в сфере семейно-бытового насилия (Восточно-Казахстанская, Карагандинская, Алматинская, Павлодарская, Костанайская область), представлены негативными тенденциями и в уголовно-правовых формах анализируемого сегмента преступности.

С учетом международно-правовых документов, зарубежного опыта и сложившейся тенденции предупредительного воздействия на факты семейно-бытового насилия, формулировка понятия «профилактика семейно-бытового насилия», используемая в настоящее время в Законе РК «О профилактике бытового насилия» должна быть дополнена указанием на цель *аксикреации* («психологическое оздоровления») жертвы семейно-бытового насилия, которую в системе основных понятий закона следует определить как *«мероприятия, направленные на формирование у жертвы семейно-бытового насилия новых установок поведения, а также восстановления утраченных положительных установок, направленные на формирование психологической защиты от последующих актов насилия»*.

6. В системе аксикреации жертвы семейно-бытового насилия первоочередной задачей является ее дистанцирование (сепарация) на первоначальных посткриминальных стадиях до отпадения рисков повторных насильственных инцидентов. В связи с чем обоснован комплекс изменений в законодательные акты РК:

Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан (далее – УПК РК) [21]: 1) ст. 371 УПК РК следует дополнить частью 1-1 следующего содержания: *«В случаях, когда несовершеннолетнее лицо является свидетелем или потерпевшим по одному из преступлений, перечисленных в пункте 18-2 статьи 3 Уголовного кодекса Республики Казахстан, а подозреваемым, обвиняемым является член семьи, в качестве законного представителя привлекаются органы опеки и попечительства»*; 2) в ч. 1 ст. 217 УПК РК (регламентирующую процедуру депонирования показаний потерпевшего и свидетеля) включить новое обстоятельство: *«наличие опасности для жизни и здоровья свидетеля, потерпевшего»*; 3) ч. 1 ст. 398 УПК РК, регламентирующая вопросы, подлежащие отражению в резолютивной части приговора, дополнить п. 12 следующего содержания: *«решение о запрете осужденному к лишению свободы за преступления, предусмотренные пунктом 18-2 Уголовного кодекса Республики Казахстан, поддерживать в период отбывания наказания любые формы связи с потерпевшим, если об этом ходатайствует сам потерпевший,*

иные заинтересованные лица либо суд сам придет к выводу о необходимости данной меры».

Закон РК «О пробации» [22]: 1) ст. 13 следует дополнить новой ч. 1-1 со следующей формулировкой: «Досудебная пробация применяется в обязательном порядке по делам о семейно-бытовом насилии в случаях, если к подозреваемому, обвиняемому не применена мера пресечения в виде содержания под стражей»; 2) ст. 14 необходимо дополнить ч. 2-1, которую изложить в следующей редакции: «По делам о семейно-бытовом насилии службой пробации составляется: в течение 3-суток краткий досудебный доклад с рекомендацией следственному судье о санкционировании запрета на приближении в порядке ст. 165 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан; в течение срока досудебного расследования полный досудебный доклад с рекомендациями суду относительно необходимости применения мер, предусмотренных ст. 98-3 Уголовного кодекса Республики Казахстан».

Уголовный кодекс РК: 1) ст. 44 УК РК следует дополнить ч. 1-1 следующего содержания: «При назначении ограничения свободы лицу, совершившему деяние, предусмотренное пунктом 18-2 статьи 3 настоящего Кодекса, применение мер, указанных в ч. 1 ст. 98-3 настоящего Кодекса, является обязательным. Запрет на проживание в одном жилище с потерпевшим устанавливается сроком на три месяца и может быть продлен вплоть до окончания срока назначенного наказания»; 2) аналогичное изменение должно быть включено в ст. 63 УК РК (дополнение ч. 3-1).

7. Механизм защиты жертв семейно-бытового насилия должен охватывать все сферы правового регулирования и носить комплексный, межотраслевой характер, в связи с чем обоснована необходимость объединения всех существующих нормативно-правовых актов, касающихся вопросов профилактики правонарушений (Закон РК от 9 июля 2004 г. №591-ІІ «О профилактике правонарушений среди несовершеннолетних и предупреждении детской безнадзорности и беспризорности» [23]; Закон от 4 декабря 2009 г. №214-ІV «О профилактике бытового насилия» [19]; Закон РК от 29 апреля 2010 г. №271-ІV «О профилактике правонарушений» [24]) в рамках единого закона, что позволит исключить дублирования, терминологические разночтения и различные подходы к формам и методам профилактического воздействия. Кроме того, обоснована необходимость дополнения национального законодательства следующим дополнительным защитным инструментарием:

- с учетом центрального места местных органов власти в качестве субъектов профилактического воздействия на правонарушения и преступность, следует повысить их роль в деятельности по адресной помощи семьям, пострадавшим от семейно-бытового насилия, посредством введения правила обязательного (независимо от обращения) оказания социально-правовой помощи лицам, совершившим акты семейно-бытового насилия, с их участием в психокоррекционных программах, а также семьям (членам семей), пострадавшим от данного насилия, с целью чего п. 29 ст. 27 и п. 26 ст. 31 Закона РК от 23 января 2001 г. №148-ІІ «О местном государственном

управлении и самоуправлении в Республике Казахстан» [25] дополнить формулировкой: «...а также на обязательной основе оказывает комплексную социально-правовую помощь лицам, совершившим акты бытового насилия, и их семьям на основе специально разработанных программ».

- включение в Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях (далее – КРКоАП) [26] новой ст. 453-1, которую изложить следующим образом:

Распространение информации, а равно публичные высказывания, связанные с оправданием семейно-бытового насилия, в том числе, с обвинением жертвы, дискриминационными высказываниями по гендерному признаку и любой иной формой искажения, независимо от цели соответствующей деятельности...

Деяние, предусмотренное частью первой настоящей статьи, совершенное повторно в течение года после наложения административного взыскания, а также лицом, уполномоченным на выполнение государственных функций или лидером общественного мнения...

Примечание. Для целей настоящей статьи лидером общественного мнения признается лицо, которое в силу своей профессиональной деятельности и иных обстоятельств способно оказывать информационное воздействие на значительный круг лиц».

Распространение информации, а равно публичные высказывания, связанные с оправданием семейно-бытового насилия, в том числе, с обвинением жертвы, дискриминационными высказываниями по гендерному признаку и любой иной формой искажения, независимо от цели соответствующей деятельности.

Деяние, предусмотренное частью первой настоящей статьи, совершенное повторно в течение года после наложения административного взыскания, а также лицом, уполномоченным на выполнение государственных функций или лидером общественного мнения.

Примечание. Для целей настоящей статьи лидером общественного мнения признается лицо, которое в силу своей профессиональной деятельности и иных обстоятельств способно оказывать информационное воздействие на значительный круг лиц»;

- в Кодекс Республики Казахстан «О браке (супружестве) и семье» (далее по тексту КоБС РК) [27] следует внести следующие изменения: 1) в ч. 3 ст. 10 КоБС РК установить исключительное право самих лиц, желающих вступить в брак до достижения общего брачного возраста (в целях исключения элементов принуждения со стороны родителей и других родственников к вступлению в брак несовершеннолетнего лица); 2) ч. 2 ст. 17 КоБС РК, регламентирующая возможность расторжения брака в одностороннем порядке, должна быть дополнена пунктом следующего содержания: «совершил акты семейно-бытового насилия либо уголовное правонарушение, посягающее на жизнь и здоровье другого супруга или несовершеннолетних детей».

Степень достоверности и апробация результатов исследования заключается в том, что основные результаты диссертации опубликованы в 12

работах, из которых: 1 статья – в рейтинговом журнале *Balkan Social Science Review*, входящем в базу SCOPUS, 4 статьи – в изданиях, рекомендованных Комитетом по обеспечению контроля в сфере науки и высшего образования Министерства науки и высшего образования; 1 статья – в международном журнале РИНЦ, 5 статей – в материалах международных научных конференциях, 1 научно-практическое пособие. Публикации были подготовлены автором единолично и в соавторстве:

1. Combating domestic violence: developing legislative and socio-organizational measures to protect women in Kazakhstan // *Balkan Social Science Review*. – 2024. – Vol. 23. – P. 213-235.

2. Семейно-бытовое насилие: проблемы диспаритета законодательных мер воздействия // *Гылым-Наука: международный научный журнал*. – 2022. – №4(75). – С. 149-157.

3. К проблеме признания общественной опасности преследования, совершаемого в сфере семейно-бытовых отношений // *Хабаршы-Вестник: международный научный журнал*. – 2023. – №1(79). – С. 239-246.

4. Актуальные вопросы уголовно-правовой регламентации психологического и эмоционального насилия, совершаемого в сфере семейно-бытовых отношений // *Учёные труды Алматинской академии МВД Республики Казахстан: научное периодическое издание*. – 2023. – №4(77). – С. 323-336.

5. Уголовно-правовые меры противодействия семейно-бытовому насилию: необходимость преодоления противоречий и поиск дополнительных ресурсов // *Гылым-Наука: международный научный журнал*. – 2024. – №1(80). – С. 145-154.

6. Проблемы применения признака заведомости в уголовном праве: влияние на защиту женщин и несовершеннолетних // *Мир закона* – 2024. – №9, 10 (269-270) (РИНЦ). – С. 114-125.

7. Семейно-бытовое насилие в Республике Казахстан: актуальные оценки состояния и динамики // *Материалы международной научной конференции молодых учёных, магистрантов и докторантов, посвященной 30-летию органов внутренних дел Республики Казахстан: Кабылбаевские чтения (Костанай: Костанайская академия МВД РК им. Ш. Кабылбаева, 2022. – С. 215-226).*

8. Актуальные вопросы совершенствования законодательства Республики Казахстан по противодействию семейно-бытовому насилию // *Материалы международной научно-практической конференции: Организация и деятельность органов внутренних дел на современном этапе: проблемы и пути решения (Костанай: Костанайская академия МВД РК им. Ш. Кабылбаева, 2022. – С. 58-67).*

9. К проблеме соразмерности наказаний за насилие в сфере семейно-бытовых отношений // *Материалы международной научно-практической конференции: Проблемы противодействия гендерному насилию на современном этапе», посвященной Международному дню борьбы с дискриминацией (Алматы: Алматинская академия МВД РК им. М. Есболатова, 2023. – С. 62-65).*

10. Об историко-правовых аспектах насилия в сфере семейно-бытовых отношений // Материалы международной научно-практической конференции: Факторы семейно-бытового насилия и их профилактика (Актобе: Актюбинский юридический институт МВД РК им. М. Букенбаева, 2023. – С. 25-33).

11. Законодательные инициативы по защите жертв домашнего насилия в уголовном процессе // Материалы международной научно-практической конференции: Уголовная ответственность и особенности профилактики насилия в отношении женщин и несовершеннолетних (Актобе: Актюбинский юридический институт МВД РК им. М. Букенбаева, 2024. – С. 74-78).

12. Профилактика насилия в семье: научно-практическое пособие (Алматы: ADALKITAP, 2023. – 194 с.).

Достоверность исследования подтверждается положительной апробацией материалов диссертационного исследования, в связи с чем получены акты внедрения (Приложение Е):

1. Результаты научного исследования «Признание общественной опасности деяний «Побои» и «Умышленное причинение лёгкого вреда здоровью», как видов физического насилия, требующих уголовно-правовых механизмов защиты» выразившиеся в проекте предложений о внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Республики Казахстан, в части криминализации статей «Побои» и «Умышленное причинение лёгкого вреда здоровью» – решением рабочей группы при Комитете законодательства и судебно-правовой реформе Мажилиса Парламента Республики Казахстан вошли в основу Закона по внесению изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам оптимизации Уголовного, Уголовно-процессуального и Уголовно-исполнительного кодексов.

2. Результаты научного исследования «Преследование, как общественно опасное деяние» выразившиеся в проекте предложений о внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Республики Казахстан, в части введения новой статьи, предусматривающей уголовную ответственность за деяние «Преследование» – решением рабочей группы при Комитете законодательства и судебно-правовой реформе Мажилиса Парламента Республики Казахстан признаны актуальными и заслуживающими внимания для совершенствования уголовного законодательства Республики Казахстан.

3. Материалы диссертационного исследования «Уголовно-правовые и криминологические аспекты противодействия насилию в сфере семейно-бытовых отношений» – внедрены в служебную деятельность Управления организации работы дознания Следственного департамента МВД Республики Казахстан, для использования при разработке мер по профилактике и предупреждению семейно-бытовой преступности.

4. Результаты экспресс-анализа зарубежного опыта по противодействию насильственной преступности в сфере семейно-бытовых отношений – внедрены в научную деятельность межведомственного научно-исследовательского института Академии правоохранительных органов Генеральной прокуратуры Республики Казахстан и вошли в содержание исследования «Международный

опыт по противодействию и предупреждению семейно-бытового насилия (на примере практики стран Центральной Азии и СНГ», проведенного по поручению Совета Безопасности Республики Казахстан).

5. Материалы диссертационного исследования «Уголовно-правовые и криминологические аспекты противодействия насилию в сфере семейно-бытовых отношений» – вошли в основу учебной программы и научно-теоретического фонда Центра по подготовке сотрудников по защите женщин от насилия Актюбинского юридического института МВД Республики Казахстан имени М. Букенбаева.

6. Научно-практическое пособие «Профилактика насилия в семье», выполненное в соавторстве с коллективом авторов Костанайской академии МВД Республики Казахстан имени Ш. Кабылбаева – внедрено в оперативно-служебную деятельность подразделений местной полицейской службы Департамента полиции Костанайской области.

Материалы исследования могут быть использованы в нормотворческой, научно-исследовательской, правоприменительной и образовательной деятельности субъектов противодействия семейно-бытовому насилию.

Теоретическая и практическая значимость диссертационного исследования. Теоретическая значимость диссертационного исследования определяется высоким уровнем систематизации выработанных к настоящему времени подходов к определению уголовно-правового понятия семейно-бытового насилия, его причин и условий, глубокой контекстной проработке динамики законодательных изменений на протяжении всего развития казахстанского законодательства, что позволит исследованию стать базой для проведения последующих изысканий в рамках соответствующей и смежной проблематики.

Практическая значимость исследования преимущественно определяется тем, что в нем обоснованы отдельные новые подходы к определению сущности семейно-бытового насилия как особого социального феномена, а также значительным набором обоснованных предложений по изменению и дополнению действующего уголовного, уголовно-процессуального, административного законодательства, других нормативных правовых актов Республики Казахстан, актов официального судебного толкования, которые позволят усовершенствовать общий правовой механизм противодействия семейно-бытовому насилию.

Структура и объем диссертации обусловлены характером изучаемых вопросов, уровнем разработанности темы исследования, логической последовательностью излагаемых аспектов. Диссертация состоит из введения, трех разделов, включающих шесть подразделов, заключения, списка использованных источников и приложений. Диссертационное исследование выполнено в объеме, который соответствует требованиям, предъявляемым Комитетом по обеспечению контроля в сфере науки и высшего образования Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан.

1 СЕМЕЙНО-БЫТОВОЕ НАСИЛИЕ КАК СОЦИАЛЬНАЯ И ПРАВОВАЯ ПРОБЛЕМА

1.1 Семейно-бытовое насилие в Казахстане: историко-правовой анализ и современное состояние проблемы

К настоящему времени проблема семейно-бытового насилия в Казахстане приобрела характер проблемы общенационального масштаба, что привело к изданию значительного количества адресных и смежных нормативных правовых актов, которые нередко носили характер прямо противоположных и взаимоисключающих решений (в частности, муссирование на протяжении последних лет вопроса определения сферы ответственности за менее опасные формы физического насилия в виде побоев и умышленного причинения лёгкого вреда здоровью). В этом смысле примечательно, что советский период развития казахстанского общества практически не был связан с обозначением проблем семейно-бытового насилия, что следует объяснить, скорее, не отсутствием его проявлений, а тем, что политика государства имела иные ориентиры, по причине чего проблема семейно-бытового насилия не обособлялась от иных видов криминального насилия.

Как указывает по этому поводу в своей докторской диссертации В.С. Харламов, «в советский период насилие в семье не могло стать значимой социальной проблемой в стране Советов, поскольку в ее уголовно-правовой доктрине приоритетными объектами защиты были государственные интересы и государственная собственность. Криминологам и другим специалистам, занимавшимся вопросами внутрисемейных преступлений, приходилось преодолевать достаточно сильное противодействие для освещения данной проблемы, которая на государственном уровне была своего рода табу» [28]. Соответственно, отсутствие предметных исследований не позволяет устанавливать четкие социально-исторические корреляции существующей в настоящее время проблемы семейно-бытового насилия с теми или иными процессами, деформациями, искажениями, которые могли иметь негативную детерминацию на протяжении достаточно длительного времени. При этом в настоящее время проблему семейно-бытового насилия в Казахстане, равно как и в большинстве других стран азиатского региона, принято соотносить с традиционностью уклада жизни, патриархальностью казахстанского общества, традиционно зависимым положением женщины в семье и т.д. Более того, нередко высказываются суждения и относительно существенного влияния регионального фактора, поскольку, действительно, ментальность населения, специфика построения семейно-бытовых, родственных отношений в настоящее время имеет определенные отличия в различных регионах Казахстана.

Вопрос относительно того, насколько критический рост семейно-бытового насилия в настоящее время можно ставить в зависимость от специфической деформации традиций казахской семьи, требует рассмотрения отдельных исторических этапов развития казахского общества, в котором регулирование родовых, семейных отношений относилось к одним из приоритетных вопросов норм обычного права казахов. Одним из традиционных

делений исторических этапов развития казахского общества является выделение следующих периодов: с древнейших времен (от эпохи палеолита) до периода формирования и развития Казахского ханства (XIV - начало XVIII в.); период колониальной зависимости Казахстана от Российской империи или, как альтернативная характеристика данного этапа – период российской экспансии, протектората (XVIII в. - первой четверти XX в.); время нахождения в составе Советского Союза (1922-1991); период после обретения политической независимости по причине распада СССР (с 1991 г. по настоящее время).

В целях анализа исследуемых вопросов в отмеченные временные промежутки, мы использовали историографические сведения различных лет, изложенных учеными, как Е.А. Абиль, Н.С. Ахметова, С.П. Вареникова, Л.Н. Гумилёв, К.Ч. Кудайбергенов, С.З. Зиманов, М.С. Кемали, М.М. Ковалевский, С.Г. Кляшторный, И.В. Корзун, Т.М. Культелеев, А. Левшин, В.С. Осколков, Л.М. Сатанова, А.С. Сман, Т.И. Султанов, В. Тронов, С.Л. Фокус, А.Э. Эрдынеев, М. Югай и многих других, мнение которых, считаем важным для выстраивания объективной картины эволюции не только общественного сознания, но и правовой системы, в части регламентации противодействия насильственной преступности в важном для государства институте «семьи».

Как отмечается в работе А.Э. Эрдынеева, «по мнению Ф. Энгельса является поэтапное введение ограничений на кровосмешение - промискуитет (неупорядоченность половых отношений между соплеменниками, отсутствие стабильных семейных пар), причём каждый этап трансформации сопровождался новой формой семейно-родовых отношений...» [29]. Соответственно, поэтапный отказ от кровосмешения проходил ряд стадий: кровнородственная связь (ограничение половых отношений по вертикали, т.е. между поколениями, однако братья и сестры всё равно могут являться супругами); пуналуальная семья (ограничение половых отношений внутри поколения, между детьми одной матери); парная семья (состоящая из родителей и их детей, однако мужчине принадлежит право «сожителствования» с любой другой женщиной); моногамная семья (традиционная семья, хотя до настоящего времени имеются страны, в которых полигамия является разрешенным явлением).

Первоначальная семья, по мнению М.М. Ковалевского, представляла собой групповой брак, с системой родства по женской линии, т.к. факт отцовства невозможно было установить, в принципе. Такая экзогамная семья предопределяла особую роль женщины, одной из составляющих которой являлось значительное экономическое влияние её труда в обеспечении жизнедеятельности общины [30]. Данные факторы способствовали появлению в XIX веке теории «матриархата» (более ранее название «гинекократия» от фр. *généocratie*), представляемой И.Я. Бахофеном, Л.Г. Морганом и другими - эпохой преобладания роли женщины в семье, хозяйстве, в общественной жизни [31].

В последствии, теория матрицентрированного общества была поставлена под сомнение рядом зарубежных исследователей (Goldberg, Vamberger, Brown, Eller, Бутовская М.), выводы которых исходили из двух позиций:

1) существовании матриархата только в отдельных племенах, основой общественного строя которых является жёсткая иерархия подчинения мужчин женщинам;

2) отрицание существования матриархального общества в истории. Однако обе позиции объединяет сужение понимания «матриархата» до понятия «политическая власть» [32-34].

В свою очередь, следующая группа исследователей, считающая более корректным использование термина «матриальная линия», отмечает, что она являлась первой формой упорядоченного эгалитарного общества, где власть не принадлежала никакому конкретному полу, т.е. имело место равенство женщины и мужчин [35]. Одним из представителей данного направления является Гимбутас, Айслер, которые в своих работах вместо термина «матриархат» используют термины «матриальное общество» (matristicsociety) или «гилания», под которыми они понимают «партнёрскую» общественную систему, в которой женщины занимали почётное место, но не угнетались мужчинами [36].

Анализируя вышеприведённые теории, следует признать, что в рассмотренные исторические периоды женщины играли решающую роль в структуре семейно-родовых отношений. Впоследствии, в связи с развитием скотоводства, металлургии, ведением войн, роль мужчины возвысилась, что стало одним из самых радикальных революций в истории человечества [37]. По мнению Энгельса, это стало решающим фактором для перехода к «патриархату», дабы имущество наследовал не род, а потомки по отцу» [29, с. 144-145]. Результатом такой общественной эволюции человека, в ходе борьбы за улучшение генофонда, и стало образование традиционной семьи. С этого периода брак трансформируется в пожизненный союз мужчины и женщины, с целью создания семьи и продолжения патриархальной линии родства.

Вместе с тем, несмотря на установление главенства отцовского рода, значительное влияние женщин на общественные отношения сохранялось вплоть до эпохи великих тюркских каганатов. Е.А. Абель, отмечает, что женщина у саков выступала в роли как матери и жрицы, так воина и политика [38]. Так, важнейшие источники истории сакских племен, к числу которых относятся труды Геродота, отмечают воинственность, смелость и бесстрашие сакских женщин в I тысячелетии до н.э. (царица массагетов - Томирис и савроматов - Зарина). Более того, археологические памятники на территории Казахстана (курганы принцесс, жриц, а также воинов-амазонок) являются бесспорными доказательствами большой роли сакских женщин в политической системе, а также материальной и духовной культуре общества [39]. Характерной особенностью особого отношения была и сакрализация женского начала, благодаря которой, женщине присваивалась близость с

покровительницей домашнего очага – верховной языческой богиней Умай, которой кочевники поклонялись даже с приходом ислама [40].

Ряд авторов отмечают, что в VI-XII вв. одним из ключевых элементов степной демократии тюркских государств являлось равноправное положение мужчин и женщин, что также отражалось и в семейно-брачных отношениях, несмотря на одобрение обычаями кочевого народа как моногамного, так и полигамного типов брака [41, 42]. По этому поводу Л.Н. Гумилёв отмечает, что «полигамия, не делала тюркскую женщину бесправной, более того отношение к ней было почтительным: сын, входя в юрту, кланялся сначала матери, а потом отцу. Женщина, мать, сестра, дочь в среде тюрков окружались любовью и заботой, порабощение их считалось гибелью потомства, народа, а также государства в целом. Думается, что ограничение прав женщины в кочевом мире - явление позднее и, возможно, связанное с тем общим упадком, который постиг Среднюю Азию в послемонгольский период» [43].

Регламентация социально-политических отношений в период правления Монгольской империи в конце XII - XVI веков осуществлялась сводом законов Ясы Чингисхана, представлявшим собой кодификационное монгольско-феодалное право, основанное на положениях обычно-правовых норм. Требование беспрекословного подчинения им преследовало цель объединения кочевого народа под сильной централизованной властью, путём установления строгого порядка и дисциплины в обществе, не оставляя без внимания семьи. «В годы, предшествовавшие правлению Чингисхана, дети не слушали отцов, младшие - старших; муж не имел доверия к жене, а жена не следовала повелению мужа: свекры смотрели неблагожелательно на невесток, а невестки не уважали свекров: большие не воспитывали малых, а малые не соблюдали наставления старших и т. п. По этой причине были воры, лжецы, возмутители и разбойники. Таково было это племя без порядка, без смысла» [44].

Строгий контроль над семейной и домашней жизнью кочевников устанавливался Джасак - вторая часть Ясы, содержащего нормы уголовного права и религиозные запреты. Последние, в свою очередь, были основаны на признанном на территории Улуг Улуса норм мусульманского права (ханифитского мазхаба). Согласно Джасак, виновные карались смертью за убийство, блуд, многоженство, супружескую неверность жен и мужей. Однако уже в XV веке, после ослабления роли Ясы Чингисхана, сфера мусульманского права сокращается, в качестве источника права начинает применяться адат – обычное право [45].

Как отмечает С.З. Зиманов, «удивительную жизнеспособность и стойкость казахское право проявляло перед влиянием иннонациональных систем, пережило свою эпоху и продолжало сохранять и выполнять регулятивную, управленческую, объединительную, охранительную и гуманистическую функции» [46]. Система внутрисемейных отношений в период Казахского ханства в XV-XVII вв. основывалась на принципе идеализации порядков классической патриархальной семьи, характерной чертой которой являлась неограниченная власть её главы – отца или мужа – над другими её членами. Значительную роль в этом, как отмечает И.В. Корзун,

сыграла экономическая составляющая межродовых отношений кочевого народа [47].

По мнению ряда исследователей, (С.Л. Фокус, В. Тронов, Т.М. Культелеев, А.Л. Могилевский, И.В. Корзун и др.) в казахском обществе устанавливалось бесправное положение женщин и детей, являвшихся собственностью мужа и рода. В семье женщина вела себя в соответствии со строго усвоенными с детства стереотипами, основанными на покорности и безысходности. Статус женщины как «эксплуатируемого класса», полностью устранил её от какого-либо участия в общественных и государственных делах; при этом почти вся материально-трудовая деятельность номадов была возложена на женское население; мужское же, в свою очередь, занималось только защитой родовой территории от врагов и выпасом скота [48-51].

Иная точка зрения прослеживается у другой группы авторов (Л.Н. Гумилёв, М.К. Козыбаев, Х.А. Аргынбаев, М.С. Муканов, Е.Л. Марков, А.С. Сман), которые отмечают факт уважительного отношения к женщинам в семье и обществе. Такое отношение они объясняют тем, что «женщина казашка была более свободна в сравнении с женщинами других народов Средней Азии, принимала активное участие во внутрисемейных отношениях, помогая мужу по хозяйству, а в случаях его отсутствия самостоятельно решала все житейские вопросы. По их мнению, такая женщина пользовалась уважением и имела авторитет не только в семье, но и в ауле». Поэтому, «в общественных и семейных делах им принадлежит решающий или во всяком случае очень важный голос...» [52-54]. Вместе с тем, правовые нормы, связанные с формами брака, многоженством, уплатой калыма, ставили женщину, по мнению большинства авторов, в подчиненное положение, а действующие патриархально-феодальные отношения устанавливали господство мужчин и имущественное неравенство в казахском обществе. По указанию А. Левшина, «...киргизы соблюдают многоженство. ... они приобретают их покупкою, которая называется калым и возрастает с количеством жен» [55].

Однако, справедливости ради, необходимо отметить, что почтительное отношение к женам соблюдалось и при полигамных браках: так, особым уважением пользовалась старшая жена – «байбице», и большим вниманием младшая «токал», каждая из которых имела своё обособленное хозяйство, которым могла распоряжаться наряду с мужем. Адат не ограничивал, подобно исламу, количество жен, однако многоженство встречалось редко. Муж не имел право распоряжаться приданым жены, при разводе приданое оставалось за ней. Кроме того, вдова получала права главы семьи до совершеннолетия сыновей при условии проживания среди родственников мужа [37, с. 116, с. 119-120].

В целях обеспечения сохранения детей и имущества в пределах семьи или рода, женщина, в случае смерти мужа, передавалась к брату или ближайшим родственникам мужского пола покойного, что являлось браком по левирату (аменгерству) [56]. Данное обстоятельство по мнению Л.Н. Гумилёва объясняется тем, что институт аменгерства предусматривал охрану прав вдовы, т.к. новый муж должен был заботиться о ней и защищать её как свою жену, тем самым вдова не оказывалась покинутой на произвол судьбы [57].

Как отмечает Н.С. Ахметова, по мере усиления поляризации между членами кочевого общества, санкционированные обычно-правовые нормы, первоначально базировавшиеся на нравственных началах в человеке, со временем стали обслуживать интересы господствующих слоёв общества [58]. В результате такой трансформации интересов в числе самых незащищенных слоев общества остались женщины, которых обычно-правовые нормы ставили в подчиненное положение, а действующие патриархально-феодалные отношения устанавливали господство мужчин [56, с. 31-33]. Данные негативные тенденции понижения общественного статуса женщин, и детерминируемое ими насилие в отношении жен и детей сохранялось до XIX века [59]. Основание тому были как экономическая выгода, охраняемая обычным правом, так и неверное применение норм шариата, признание предписаний которого в виде «вечно установленных и неизменных» узаконивало дискриминацию в отношении женщин [60].

Так, по мнению С.М. Сапаралиевой, женщина не могла в полной мере пользоваться предоставленными ей исламом гражданскими правами, так как, во-первых, исторически сложившийся стереотип главенства мужчины над женщиной не давал ей возможности нарушить законы предков. Во-вторых, женщины не знали о предоставленных им правах, поскольку многие из них были неграмотны, а единственными людьми, умеющими читать и толковать Коран были имамы, которым была на руку их неграмотность [61]. Это приводило к тому, что шариат был не в состоянии изменить те правила казахского общества, которые были установлены тысячелетними традициями (адатом) [57, с. 33].

Осуществленное Г. Тленчиевой исследование прав женщин в Казахстане показывает, что семейное насилие в мусульманских семьях опиралось, прежде всего, на экономическую зависимость женщины от мужа, который, заплатив выкуп (калым), считал жену своей собственностью. А так как его размер был весьма значителен, нередко имело место обеднение семьи молодого мужа, что в свою очередь становилось причиной грубого обращения с женой и обременение её непосильной работой [62]. Поэтому «жизнь женщины, – как отмечается в труде Л.С. Фокус, – оценивалась в половину стоимости жизни мужчины, она была разменной монетой в расчетах по куну, в уплате судебных взысканий и вообще в платежах между собственниками; ею платили долги и ею же делали подарки. Даже в «половой свободе» женщины ограждался лишь денежный интерес ее отца или мужа, и даже верность ее собственнику-мужу ценилась лишь как то, что эта верность была предпосылкой законности наследников мужа» [48, с. 184].

Такое обречение женщины на рабскую покорность при патриархально-феодалных отношениях кочевого народа, согласно исследованиям ряда учёных (В. Тронов, Т.М. Культелеев, А.Л. Могилевский) [49, с. 3-82; 50, с. 230; 51, с. 28], приводило к довольно частым самоубийствам женщин. При этом, по причине значительного влияния шариата, за доведение до самоубийства не была предусмотрена ответственность, что усугубляло и без того критическое положение женщин. Более того, женщина, покончившая свою жизнь

самоубийством, как описывает В. Тронов, подвергалась дискриминации и после смерти, т.к. её не отпевали и хоронили отдельно от других умерших [49, с. 84].

В известной мере отношения господства и эксплуатации распространялись и на детей. Так, отцы по своей воле женили сыновей, определяли размеры наследства, продавали несовершеннолетних дочерей за калым, нередко были случаи продажи детей в рабство, в том числе, родители фактически были вольны убить своих детей [63].

С презрением относились к «незаконнорожденным» детям, родившимся от невест, рабынь, наложниц, вдов и замужних женщин, в результате прелюбодеяния. В отличие от детей, родившиеся у засватанной девушки от ее жениха или у рабыни от хозяина, а также у вдовы от братьев покойного мужа, которые считались «членами семьи своего отца», незаконнорожденные дети были бесправны, и после смерти матери переходили в ее отцовский род, где также были отверженными. Полусвободными считались дети, родившиеся от раба и свободной женщины, которые находились в услужении у того семейства, к которому относился принадлежал их отец [64].

Вместе с тем, отдельные деяния, совершенные на почве семейно-брачных отношений в нарушение патриархальных устоев кочевого общества, по обычному праву казахов могли быть признанными преступлением («жаманқылық», «жаман іс»), а предусмотренная ответственность за них регулировалась нормами «адата», т.е. обычным правом кочевого народа, передаваемым из поколения в поколение. Позднее большинство разрозненных норм обычного права, были систематизированы и вошли в официальные законодательные установления:

- хана Касыма – «Қасымханның қасқажолы» («Светлый путь Касым хана», начало XVI в.);
- хана Есима – «Есімханның ескі салған жолы» («Исконный путь хана Есима», первая четверть XVII в.);
- хана Тауке – «Жеті Жарғы» (также именуемое как «Семь уложений хана Тауке», последняя четверть XVII – начало XVIII в.).

Кроме того, данные правовые памятники официально закрепили законность суда биев [65]. Последние, по мнению академика С.З. Зиманова пользовались большим успехом в кочевом народе для разрешения тяжёлых дел и достижения справедливости, т.к. не всё предусматривалось нормами Жеті Жарғы [66]. В связи с чем, их решения в виде судебного прецедента - «практика суда биев» («бийдің билігі») и положений съезда биев («ереже»), также стали считаться источниками права [67]. Однако и те, и другие не являлись письменными источниками, т.к. передавались из уст в уста, видоизменяясь из поколения в поколение, исходя из потребностей общественно-экономической жизни кочевого народа.

Кроме вышеуказанных норм казахского обычного права, для разрешения преступлений в рассматриваемой сфере отношений, стали применяться и нормы мусульманского права – шариата, которые по многим вопросам семейного права зачастую совпадали и дополняли друг друга. Однако, как отмечает Т.М. Культелеев, нормы обычного права казахов и предписания

шариата законодательно укрепили патриархально-феодалные отношения, путём утверждения господствующего положения мужчины, признавая его свободным, полноправным лицом с полным набором юридических прав и устанавливая неравноправное положение женщины [64, с. 306].

В структуре уголовно-правовых норм обычного права казахов, входившего в состав семи уложений Жеті Жарғы, доминирующее положение занимали вопросы имущественной ответственности, которая имела множество вариантов и форм, таких как «айып» или «тоғыз», представлявшими собою штраф, выплачиваемый ценными вещами или тоғызами (девятью головами скота) и кун («құн») - рассматривался как плата роду убитого или потерпевшего, тем самым освобождала от кровной мести или смертной казни [68].

Т.М. Культелеев отмечает, что такие виды убийств, как детоубийство, отцеубийство и мужеубийство, в казахском обществе встречались редко, но если они и имели место, то несмотря на превалирование материальной ответственности в уголовном обычном праве кочевых казахов, за них предусматривалось самое строгое наказание, в виде смертной казни или изгнания из рода [64, с. 312] (таблица 1).

Таблица 1 – Перечень преступлений, предусмотренных Сводом законов хана Тауке «Жеті Жарғы», совершавшихся в области семейно-брачных отношений

<i>В отношении мужчин (главы семьи)</i>	<i>В отношении женщин (жён)</i>	<i>В отношении детей (малолетних, несовершеннолетних)</i>
1) за убийство жены, - выплачивался «құн»	1) за убийство мужа женщиной, - в случае непростения её со стороны родственников, - смертная казнь; - в случае нахождения женщины в положении беременности, - пребывает изгоем до самой смерти; 2) за супружескую неверность со стороны женщины, застигнутую с любовником, - смерть от мужа; 3) за убийство женщиной ребёнка, прижитого не от своего мужа, - смертная казнь.	1) за убийство родителей детьми, - смертная казнь; 2) за оскорбление родителей детьми, в том числе рукоприкладством, - прилюдное устыжение преступника (сыну на шею ему надевали грязный войлок, лицо мазали сажей, копотью, сажали задом наперед на корову или осла, возили по аулу и били плетью. Пристыженный, при всем народе давал торжественное обещание вторично не совершать преступления. Дочь отдавали для наказания по произволу матери.)
Примечание – Составлено по источнику [69]		

Как видно из приведённых данных, законами Тауке фактически провозглашалась полная безнаказанность отца, как за телесные повреждения и доведение до самоубийства членов семьи, так и за убийство своих детей и жены; за убийство, в частности, предусматривалась возможность избежать строгого наказания путём уплаты куна в пользу сородичей жены.

В то время как мужеубийство считалось крайне общественно опасным деянием, за которое безальтернативно применялась смертная казнь [48, с. 167].

В целом, можно вести речь о весьма ограниченной субъектности женщин и детей, когда естественно принадлежащее благо фактически признавалось не за самой женщиной (ребенком), а за главой патриархальной семьи. Именно таким образом оценивались случаи посягательств на половую неприкосновенность замужней женщины или засватанной девушки - как грубейшее нарушение прав главы патриархальной семьи, - и влекло за собой расстройство существующих семейных отношений: муж должен был развестись с изнасилованной женой, так как оставаться с ней в супружестве для него считалось позором. Таким образом, данное преступление, для мужа означало потерю одного из членов его семьи, а потому оно по своему последствию приравнивалось к убийству [64, с. 337].

Нарушение же супружеской верности со стороны женщины расценивалось как крайне тяжкое преступление, по факту совершения которого «виновная» преследовалась мужем, его сородичами, а также своими родителями и родственниками, - в случае рассмотрения дела на суде биев.

Если же муж заставлял жену на месте прелюбодеяния, то имел законное право убить её. Тогда как мужчина, совершивший прелюбодеяние, преследовался только со стороны мужа изменившей женщины и его сородичей. Очень строгая ответственность предусматривалась за кровосмешение (половое сношение лиц, состоящих между собой в родственных отношениях до седьмого колена), которая каралась смертной казнью. Однако ввиду некоторых особенностей условий быта и резко отрицательных взглядов народа на кровосмешение, такие преступления в казахском обществе были редким явлением [69, с. 253].

Следует отметить, что жалобы детей на родителей, совершивших преступления против них, не принимались и, более того, по нормам Жеті Жарғы, домочадцы освобождались от обязанности доносить на главу семьи, совершившего преступления, в связи с непозволительностью токового, что является еще одним подтверждением незыблемости патриархальных принципов всевластия главы семейства. Связь с посторонними лицами, согласно нормам Жеті Жарғы, считалась преступлением и предусматривало взыскание куна, как правило «девушками» или «слугами», т.к. наказание в виде скота считалось позором для потерпевшей стороны.

Таким образом, несмотря на то что правовое положение женщин казахского общества нельзя назвать бесправным по сравнению с другими народами Центральной Азии, все-таки в кочевом обществе укоренился значительный перевес в сторону явного преобладания правового положения мужчин над женской частью населения. Как отмечал И.В. Корзун, «... гражданское право в первую очередь защищало имущественные и социальные права мужчины, отказывая женщине в праве наследования и в признании ее дееспособности. В уголовном праве отражалась четкая дифференциация пола как объекта преступления, субъекта преступления и, наконец, объекта наказания» [70].

Следующим историческим этапом, повлиявшим на сознание людей, и отразившимся в действовавших нормах обычного права, стал период нахождения Казахстана в колониальной зависимости от Российской империи, когда в результате централизации власти метрополии и дальнейшей колонизации права биев постепенно сокращались, а на их смену приходили общеимперские буржуазные суды. Именно в этот период расширился перечень деяний, совершаемых в семейной сфере, подлежащих уголовному наказанию. Например, в поздних нормах обычного права, убийство мужем жены, перешло в разряд обычного убийства. Так, в записях обычного права казахов Младшего жуза, произведенных в 40-х годах XIX века, указывалось: «Кто убьёт жену свою, с того взыскивается ближайшим родственникам её кун, какой положен за постороннего убитого» [71]. А вот в Ереже, которое было утверждено на Чарском съезде в 1885 году, было иное установление: «За убийство мужа женою или женою мужа куна не полагается». Случайное убийство не влекло за собой уголовной ответственности [72]. Иными словами, это является доказательством того, что в различных регионах по-разному подходили к вопросам наказания за преступления в сфере семейно-бытовых отношений.

По мнению Т.М. Культелеева, появление указанных норм в обычном праве, по-видимому, явилось следствием ослабления патриархальной власти мужа как главы семьи и прямым влиянием законов метрополии не только на казахское обычное право, но и на общественные процессы, происходившие в этот временной период. Однако преступные действия, совершаемые в отношении женщин и детей, продолжали оставаться безнаказанными даже вопреки нормам уголовного законодательства царизма, вплоть до Октябрьской революции [64, с. 229-316]. По этому поводу С.Н. Кожоналиев отмечает, что «... царские власти, чтобы усилить угнетение «во вновь приобретенных краях» узаконивали такие патриархально-родовые пережитки, как кун, айып, калым, многоженство, браки малолетних и т.д.» [73].

Лишь в конце XIX и начале XX вв., как акцентирует внимание М. Югай, ситуация в нормах казахского обычного права начинает меняться, что явилось прямым следствием ослабления патриархальной власти главы семьи под влиянием российского имперского права и ослаблением исламского шариата [56, с. 33]. Так, согласно пункту 16 Ереже, принятом в 1899 года на Айгыркомгенском чрезвычайном съезде биев, женщина наделялась правом уйти от мужа, если она подвергалась физическому насилию, при этом с собой могла забрать своё приданное, однако дети оставались в семье отца. Также пункт 17 устанавливал освобождение женщины от обязанностей соблюдения обычая аменгерства (вид левирата), с предоставлением возможности вступить в брак по своему усмотрению. За нарушение данных норм, Ереже устанавливало ответственность: «Если отец и брат отдаёт замуж девицу против её воли, а она подаст жалобу, тогда следует наложить штраф на отца её за безжалостный поступок со своей дочерью (пункт 12)» [71, с. 131-135].

Соответственно, расширение правоспособности женщин происходило поэтапно; в свою очередь, ответственность за нарушение их прав реализовывалась в рамках заявительного характера, поскольку только в таком

случае осуществлялось разбирательство. Существенные изменения норм казахского обычного права по отношению к женщине в сторону расширения ее правоспособности, хотя и носили декларативный характер, но уже признавали естественное право женщин распоряжаться своей личностью. С отменой рабства и постепенным распадом патриархальных отношений такие действия, как убийство родителями своих детей, убийство мужем жены, а также жены и ее любовника, уличенных в прелюбодеянии, и т.п. (что считалось законными для обычного права), со второй половины XIX века стали признаваться преступлениями, - тем самым традиционное обычное право казахов постепенно включалось в орбиту общеуголовного имперского законодательства, но с сохранением отдельных местных условий.

По мнению ряда авторов, (Т.М. Культелев, М.Г. Масевич, Г.Б. Шакаев), значительная трансформация правового регулирования в сфере противодействия внутрисемейному насилию началась с приходом советской власти. Начало тому было положено принятием в октябре 1920 года на первом Учредительном съезде Советов Декларации прав трудящихся Киргизской (Казахской) АССР, которая установила равноправное положение женщины в обществе. В соответствии с данной Декларацией и Декретами ЦИК и СНК КазССР от 28 декабря 1920 года «Об отмене калыма у киргиз» и Народного Комиссариата Юстиции «О брачном праве киргизов», были отменены калым, многоженство, выдача замуж несовершеннолетних, аменгерство, сорорат и другие обычаи патриархально-феодалного быта. Нарушение данных установлений, согласно постановлению ЦИК РСФСР от 16 октября 1924 года «О дополнениях Уголовного Кодекса для автономных Республик и областей», квалифицировалось как уголовно наказуемое деяние. Эти положения действовали на территории Казахстана в период 1924-1929 годов, в свою очередь нормы казахского обычного права вместе с шариатом, «de facto» и «de jure» отныне теряли свою правовую силу [71, с. 4-455].

Кроме того, нормы, закрепляющие равноправие мужчин и женщин во всех областях (государственной, хозяйственной, культурной и общественно-политической жизни) нашли своё отражение в первой Конституции КазССР 1937 года, процесс их реализации был направлен на достижение всеобщей грамотности, доступа к здравоохранению, социальной защиты, вовлечения в производственную и общественную деятельность, выдвижение на руководящие должности женщин. Все это обусловило то, что женщины в СССР получили весомый социальный статус. Такого рода интенсивные изменения в части развития эмансипации мусульманских женщин, в свою очередь, были подкреплены идеологией научного коммунизма, жестко запрещавшего не только основы религиозного права (шариата), но и обычного права [64, с. 66].

Форсированная компания по изменению взаимоотношений полов, подрывая основы средневекового подхода к мусульманской семье, оскорбляла понятие мужского достоинства многих мусульман того времени.

В результате за два года в Туркестане было убито почти 2,5 тысячи женщин за их попытки к «раскрепощению», несмотря на ужесточение уголовной ответственности за подобные деяния. Но, в целом, быстрый прогресс

в изменении положения женщин в корне изменили традиционный мир женщин Центральной Азии, приблизили регион в большей мере к европейским, нежели к азиатским стандартам [60, с. 34]. Постепенно на смену сложившейся на протяжении тысячелетий авторитарной семье, основанной на господстве мужа как главы семьи и его единоличной власти при решении всех хозяйственных, бытовых и социальных вопросов, стала приходиться семья эгалитарная, базирующаяся на равных правах и активном участии жены, мужа и других членов семьи во всех семейных делах [59, с. 19-20].

Как подчеркивает А.М. Махмутов, исследование преступлений в сфере семейно-бытовых отношений началось только в советский период, т.к. только в этот период данные виды деяний были объявлены общественно опасными [74]. При этом, как было указано в начале данного подраздела, предметных криминологических исследований семейно-бытового насилия в СССР практически не было, поскольку признание подобной проблемы, равно как и внимание к проблемам отдельно взятой семьи не соответствовало идеологическим основам советского общества. В советский период традиционная казахская семья претерпела ряд кардинальных преобразований, которые были обусловлены трансформацией традиционного мышления, что, конечно же, не всегда имело свои положительные моменты.

Так, если в кочевом обществе появление неполных семей было исключено укладом жизни, обычаями, традициями и религиозными установками, то в период советского государственного управления, с расширением прав женщин данное явление появляется в жизни общества.

Трансформация традиционной семьи в современную – происходило не в одночасье, а шла вместе с постепенным изменением в ментальности общества, в психологии семьи, во взаимоотношениях между мужчиной и женщиной, которые менялись от поколения к поколению. Этот процесс не был завершён в советский период. Однако несмотря на это, неоспоримым является факт, что началом коренной трансформации традиционной семьи в современную, явилось именно установление советской системы управления.

Наряду с положительными сдвигами, негативным следствием проводимой политики стало жесткое и принудительное вытеснение традиционных семейных ценностей на «задворки» общественно значимых приоритетов. Более того, семейные отношения вообще не рассматривались как значимый объект правовой охраны, что, в большей степени, объяснялось отрицанием со стороны государства существования в стране преступлений на бытовой почве. Подобные признания привели бы к умалению чести и достоинства советской семьи, которая декларировалась как одна из лучших и крепких в мире. Это было серьезной ошибкой, приведшей к отклонению от борьбы с преступностью на бытовой почве, препятствовало выработке новых форм и методов эффективного предупреждения и пресечения такого вида преступлений. Под воздействием этой формалистской государственной идеологии, законодатель отказался от вычленения в структуре УК самостоятельной главы о преступлениях против семьи [75].

М.С. Кемали отмечает, что устранение такого рода упущения в семейной политике путём коррекции государственных идеологических установок, нацеленных на укрепление «новой советской семьи», было начато принятием Постановления СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 31 мая 1935 г. «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности», в которых была подчеркнута важнейшая роль семьи в воспитании детей и установлена ответственность родителей за ненадлежащую заботу о подрастающем поколении [76].

В Конституции СССР впервые в истории советских конституций, были сформулированы основополагающие нормы о государственной помощи семье, об охране материнства, о правах и обязанностях супругов, родителей и детей. Провозглашенное равноправие женщины и мужчины в семейных отношениях закрепляло право женщин на расторжение брака, что являлось новшеством в советском обществе. Причем, в большинстве случаев при определении места жительства несовершеннолетних детей приоритет отдавался матери. Кроме того, защищалось право на взыскание алиментов и на получение выплат от государства (пенсии) по утере кормильца [28, с. 126].

Вместе с тем, однобокая политика государства, ограниченная только закреплением социального статуса женщин и игнорирующая потребность в её уголовно-правовой защите от насилия в семье, способствовала увеличению уровня преступности в сфере семейно-бытовых отношений. Впоследствии, как отмечает в своём исследовании М.Д. Байназарова, в период 1981-1985 гг., устойчиво составлял 84-86%, причем основную массу потерпевших составляли женщины двух возрастных групп – 18-30 и 30-40 лет. Большинство преступлений в семье (56,5%) совершалось в отношении супругов и сожителей, в том числе бывших. Кроме того, и в республиках Центральной Азии, насильственное поведение в семье выражалось и доведением женщин до самоубийства через саможжение [77].

В этой связи Ф.А. Байрамов справедливо отмечал, что уголовно-правовые нормы, «...охраняющие равноправие женщин в брачно-семейных отношениях, являются недостаточно эффективными из-за несоответствия фактическому положению женщин...» [78]. Отказ в признании данной социальной проблемы на государственном уровне объяснялся приоритетностью защиты в уголовно-правовой доктрине государственных интересов и государственной собственности, поэтому изучением преступлений, совершенных в семейно-бытовой сфере занимались только в криминологии, да и в весьма ограниченном объеме. Принятый в 1959 г. УК КазССР расширил перечень деяний, ориентированных на защиту личных, семейных, имущественных и иных интересов членов семьи, однако уголовно-правовые нормы, предусматривавшие их охрану от преступного насилия, были рассредоточены в разных главах уголовного закона. Такое исторически терпимое отношение общества и государства к насилию в семье имело место вплоть до 90-х годов.

После обретения независимости Республика Казахстан официально признала наличие проблемы насилия в семье, ратифицировав Конвенции ООН «О ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин» (1979) [7], «О политических правах женщин» (1952) [79], «О гражданстве замужней

женщины» (1957) [80] и, присоединившись практически ко всем основным международным обязательствам в области обеспечения гендерного равенства, в том числе, по искоренению насилия в отношении женщин. Декларативные (рекомендательные) и обязательные положения, указанных международных документов нашли своё отражение в национальном законодательстве в виде нормативных правовых актов, явившихся правовым фундаментом в становлении института защиты жертв от семейно-бытового насилия. Основным из них стал Закон Республики Казахстан от 4 декабря 2009 года №214-IV «О профилактике бытового насилия» [19], направленный на профилактику семейно-бытового насилия и создание безопасных условий для потенциальных жертв, оказания им необходимой медицинской, психологической, правовой и иных видов социальной помощи. В целях обеспечения профилактики правонарушений в рассматриваемой сфере, в МВД Республики Казахстан созданы подразделения по защите прав женщин от насилия, во всех областях страны открыты кризисные центры, для предоставления жертвам семейно-бытового насилия медико-социальных, социально-правовых, социально-психологических услуг, а также временное размещение в приютах.

Поэтапные законодательные инициативы нашли свое отражение в Концепции гендерной политики от 27 ноября 2003 г. (утратило силу постановлением Правительства РК от 30.09.2010 г. №994), в Стратегии гендерного равенства в Республике Казахстан на 2006-2016 годы [81] от 29 ноября 2005 года, и в Концепции гендерной и семейной политики в Республике Казахстан до 2030 года от 6 декабря 2016 года [18], последняя из которых особо выделяет принцип нулевой терпимости ко всем видам бытового насилия. Особый статус данному вопросу придает и созданная при Президенте Республики Казахстан Национальная комиссия по делам женщин и семейно-демографической политике. Безусловной заслугой такого движения стало развитие эмансипации, направленной на развитие женщины как личности, её участие в широкой общественной жизни и ничем не ограниченного профессионального роста. Однако «обратной стороной медали» таких изменений стала утрата традиционного семейного уклада, что, очевидно, и стало одной из основных детерминант роста случаев семейно-бытового насилия в обществе.

Развитие законодательства и правоприменительной практики в вопросах противодействия семейно-бытовому насилию имеет место на протяжении всех последних лет, что привело к последовательному принятию значительного количества нормативных правовых актов, которые предметно будут исследованы в последующих подразделах данного исследования.

Таким образом, обобщая различные периоды развития казахстанского общества, можно констатировать, что история показывает сложность и многогранность всего процесса развития многовековых семейных традиций и устоев, сочетает в себе как положительные моменты, так и негативные стороны этого процесса. Так, с древнейших времен, историческое закрепление домашней работы за женщиной, реализация мужчин в общественном «служении» предопределило восприятие женского пола всеми культурами в

качестве зависимого от отца, мужа, опекуна, как особого «объекта собственности», что способствовало развитию морального права мужчины контролировать и наказывать членов семьи «за непокорность» почти до XX века. Таким образом, первоначальный период становления семейных отношений характеризуется тотальной зависимостью детей и жены от главы семьи, в силу чего насилие в семье не относилось к разряду преступлений. Соответственно, *семейно-бытовое насилие является частью исторически сложившихся обстоятельств, выразившихся в формировании патриархального сознания, одобряющего применение разных форм насилия как инструмента преодоления межличностного конфликта на современном этапе.*

Если древнему и средневековому периодам характерен классический патриархальный уклад жизни семьи, со всеми вытекающими последствиями, то с момента колониальной зависимости Казахстана от Российской империи постепенно меняется отношение государственной власти к традиционной системе отношений, что *со сменой поколений, привело к трансформации взглядов не просто отдельных индивидов, а общества в целом на безнаказанность отца семейства в отношении своих домочадцев, хотя все еще был силен опыт предков, как удачный и хорошо зарекомендовавший себя метод воспитания.* При этом, его применение обосновывалось абсолютно благими целями. Эта идея и легла в основу существующего на тот момент законодательства.

Следующий исторический период характерен тем, что с середины XVIII века и до второй половины XX века, метрополия, централизуя свою власть, путем вмешательства в кочевую жизнь казахов, называя этот процесс не иначе, как «благое просвещение инородцев», стала менять обычное право казахов на имперские законы, которые явились базой для будущего изменения менталитета всей нации в целом. Поворотным моментом в изменении сознания и взглядов на патриархальные устои, стало *насильственное внедрение принципа равноправия между всеми членами семьи, который, так и не решил всех существующих проблем в сфере бытового насилия в семье, поскольку отдельные его принципы имели явный декларативный характер* на фоне якобы самой счастливой советской семьи. При этом, положительным моментом явилось пристальное внимание к проблеме защиты материнства и детства. *Уголовная ответственность была введена как за жестокое обращение со стороны детей по отношению к родителям, так и со стороны родителей по отношению к своим детям. Женщины и дети наделялись не только определенными новыми правами, но и рассматривались как наиболее уязвимые, викарные лица, заслуживающие особой защиты, что выразилось в появлении новых составов преступлений.*

С приходом новых экономических отношений в СССР в конце 80-х, начале 90-х годов, окончательно стала очевидной неэффективность старой советской системы противодействия преступности в семейно-бытовых отношениях. После распада СССР наступил период действия современного уголовного законодательства. Его особенностью стало осознание *государством важности роли семьи в обществе, а, соответственно, и*

попыток всесторонней его защиты, как от внешних неблагоприятных факторов, так и от внутренних. Такое признание первоначально нашло свое отражение в УК Республики Казахстан 1997 г., и в последующем, получило дальнейшее развитие в УК РК 2014 года, хотя отдельные взаимоисключающие процессы закрепления ответственности за акты бытового насилия постоянно вызвали неоднозначные оценки. Несмотря на повышенное внимание законодателя к проблеме семейно-бытового насилия, значительная часть вопросов до настоящего времени требует дальнейшей проработки и решения.

1.2 Вопросы противодействия семейно-бытовому насилию в нормах международного права и в зарубежной практике

Накопленный за долгое время мировой опыт противодействия преступности различных видов к настоящему времени нашел документальное закрепление в соответствующих стандартах и рекомендациях ООН. Значительная часть документов прямо или косвенно касается и проблемы преодоления повсеместного роста семейно-бытового насилия, а соответствующие рекомендации могут способствовать более успешному выстраиванию национальной модели противодействия данному негативному социально-правовому явлению. Значимость проблемы эффективного противодействия насилию в сфере семейно-бытовых отношений, которым в первую очередь подвержены женщины и дети, была осознана на международном уровне в середине XX в., что ознаменовалось принятием ряда международных стандартов, позволяющих выработать единые подходы во внутригосударственной политике. С обретением политической независимости Республика Казахстан присоединилась к международно-правовым договорам, закрепляющим право личности на свободу от насилия и ликвидацию различных форм дискриминации в семейно-бытовой сфере.

Источниками норм международного права, касающихся защиты семьи, являются Всеобщая Декларация прав человека (1948) [2], Конвенция ООН о правах ребёнка (1989) [3], Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью (1985) [4], Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН «Активизация усилий в целях искоренения всех форм насилия в отношении женщин» (2007) [5] и др.

Общепризнанные нормы и принципы международного права, представленные во Всеобщей декларации прав человека ООН, заложили основы систематизированной оценки правовых возможностей человека, как на международном, так и на национальном уровнях. Провозглашаемые Декларацией положения обращены не только к юридическим конструкциям, но и к нравственным императивам человечества, что стало насущно необходимым после кардинальных военно-политических событий, коснувшихся всего мира в конце первой половины XX в. Так, статья 1 Декларации провозглашает: «Все люди рождаются свободными и равными в своём достоинстве и правах. Они наделены разумом и совестью и должны поступать в отношении друг друга в духе братства». Применённая дефиниция «дух братства» подразумевает несовместимость ни с какими посягательствами на человеческое достоинство,

включая и семейно-бытовое насилие, подчеркивает идею дружественности, бесконфликтности, ненасильственного урегулирования споров и разногласий. основополагающие же права на жизнь, на свободу, на личную неприкосновенность каждого человека установлены в статье 3 Декларации. Право каждого человека иметь признание его правосубъектности провозглашает ст. 6, что стало отправной «точкой» подхода международных правовых актов к оценке человеческого достоинства [2].

Наиболее высокую юридическую силу в вопросах противодействия семейно-бытовому насилию на территории РК имеют ратифицированные государством международные пакты о гражданских, политических, экономических, социальных и культурных правах, согласно которым, государства-участницы подтверждают приверженность всеобщему уважению и соблюдению прав и свобод человека, в том числе признают семью естественной, основной ячейкой общества, имеющей право на защиту со стороны общества и государства. Так, согласно Международному пакту о гражданских и политических правах, государства должны принять надлежащие меры для обеспечения эффективного средства правовой защиты любому лицу, права и свободы которого нарушены, в т.ч. обеспечение равенства прав и обязанностей супругов, а также прав каждого малолетнего ребенка на защиту со стороны семьи, общества и государства. (1966 г. ст. 23). Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (1966), устанавливает обязанности по охране и оказанию помощи семье, в особенности, пока на ней лежит забота о несамостоятельных детях и их воспитании.

К настоящему времени в международном сообществе общепринятой является идеологема, что насилие в семье является особо общественно опасным явлением, которое не позволяет соблюдать концепцию невмешательства в частную жизнь, поскольку речь идет о безопасности внутри соответствующего микросоциума. К документам, непосредственно касающимся вопросов противодействия семейно-бытовому насилию, относятся: Декларация о ликвидации дискриминации в отношении женщин (1967) [6], Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (1979) [7], Факультативный протокол к Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (1999) [8], Декларация об искоренении насилия в отношении женщин (1993) [9], Типовые стратегии и практические меры по искоренению насилия в отношении женщин в области предупреждения преступности и уголовного правосудия, принятые резолюцией 52/86 Генеральной Ассамблеи от 12 декабря 1997 года [10]; Пекинская декларация (по положению женщин) (1995) [11], Конвенция Совета Европы по предотвращению и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним (2011) [12] и другие.

Вопросы защиты детей от насилия регламентируют следующие международные правовые акты: Конвенция о правах ребенка (1989) [3], Руководящие принципы Организации Объединенных Наций для предупреждения преступности среди несовершеннолетних (Эр-Риядские руководящие принципы) (статьи 11-19; 1990 г.), Конвенция Совета Европы о

защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуального насилия, являющейся первым международным договором о предотвращении сексуального насилия над детьми в доме или семье (Лансаротская конвенция, СДСЕ №201, 2007 г.) [13] и другие.

Ряд из вышеперечисленных международных стандартов ратифицированы Республикой Казахстан и имплементированы в национальное законодательство, что возлагает на государство ответственность не только перед собственными гражданами, но и перед международным сообществом. Более того, в соответствии с Конституцией Казахстана, международные договоры, в том числе, в сфере борьбы с семейно-бытовым насилием, выступают приоритетной частью национального права Республики Казахстан, регулирующего общественные отношения по противодействию данному виду насилию.

К настоящему времени аксиоматичным является утверждение, что практически все женщины-жертвы семейно-бытового насилия сталкиваются с дискриминацией по гендерному признаку, поскольку это один из самых весомых факторов, детерминирующих насилие в семье. В связи с чем, заслуживает внимания ратификация Республикой Казахстан международных документов, одним из которых стала Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (1979), ставшим неким универсальным стандартом в сфере противодействия семейно-бытовому насилию. Страны-участницы данной Конвенции приняли на себя обязательства осуждения дискриминации в отношении женщин во всех её формах и проведения политики бескомпромиссной ликвидации такой дискриминации, принятия мер, направленных на изменение социальных и культурных моделей поведения мужчин и женщин с целью искоренения предрассудков и упразднения обычаев и иной практики, основанной на идее неполноценности или превосходства одного из полов или стереотипности роли мужчин и женщин (статья 5). Для рассмотрения положения женщин в странах-участницах, в том числе для рассмотрения сообщений о фактах нарушения положений Конвенции, учрежден Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин, компетенция которого была признана путём подписания и последующей ратификации странами-участницами Факультативного протокола к Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (1999).

Инструментарий международных стандартов ООН, посвященных защите человеческого достоинства женщин и их благополучия, включает Декларацию ООН об искоренении насилия в отношении женщин (1993) статья 1 которой характеризует насилие как любой акт воздействия, совершенный на основании полового признака, причиняющий или способный причинить физический, половой или психологический ущерб либо страдание женщинам. В зависимости от места или значимости совершения насилия в отношении женщин, Декларация разграничивает данное деяние на:

- 1) физическое, половое и психологическое насилие, которое имеет место в семье, включая нанесение побоев, половое принуждение в отношении девочек, насилие, связанное с приданным, изнасилование жены мужем,

повреждение женских половых органов и другие традиционные виды практики, наносящие ущерб женщинам, внебрачное насилие и насилие, связанное с эксплуатацией;

2) физическое, половое и психологическое насилие, которое имеет место в обществе в целом, включая изнасилование, половое принуждение, половое домогательство и запугивание на работе, в учебных заведениях и в других местах, торговлю женщинами и принуждение к проституции;

3) физическое, половое и психологическое насилие со стороны или при попустительстве государства, где бы оно ни происходило.

В соответствии со статьей 4 Декларации, государствами должна обеспечиваться помощь женщинам и детям, подвергшимся насилию, в частности, в реабилитации, лечении, консультировании, медицинском и социальном обслуживании, создании соответствующих служб и программ, в применении любых других мер безопасности, физической и психологической поддержки. Также в документе имеются явно выраженные ориентиры на необходимость профессиональной подготовки сотрудников правоохранительных органов, занимающихся расследованием и предупреждением актов насилия в отношении женщин, учитывающий понимание особых потребностей женщин [9].

Помимо вышеуказанных международных актов, направленных на защиту женщин от насилия, в 1994 году Республикой Казахстан ратифицирована Конвенция о правах ребёнка, ставшая универсальным документом ООН, ориентирующим на необходимость обеспечения благополучия ребёнка в семье, поскольку дети достаточно часто становятся жертвами семейно-бытового насилия, подвергаясь побоям, жестокому и унижающему обращению, имеющему характер «псевдовоспитания», а также сексуальному насилию со стороны близких им людей. Согласно ч. 2 ст. 6 Конвенции, государства-участники должны обеспечить «максимально в возможной степени выживание и здоровое развитие ребёнка», в связи с чем, согласно ст. 19, они «принимают все необходимые законодательные, административные, социальные и просветительные меры с целью защиты ребенка от всех форм физического или психологического насилия, оскорбления или злоупотребления, отсутствия заботы или небрежного обращения, грубого обращения или эксплуатации, включая сексуальное злоупотребление, со стороны родителей, законных опекунов или любого другого лица, заботящегося о ребёнке» [3]. Фактически ст. 19 Конвенции перечисляет противоправные формы поведения, относящиеся к семейно-бытовому насилию (физическое, психологическое, сексуальное, экономическое). Такие меры защиты включают разработку социальных программ для поддержки ребёнка и лиц, которые о нём заботятся, а также предупреждение и выявление, сообщение, передачу на рассмотрение, расследование, возбуждение судебных процедур.

Исключительно высокую степень физической, нравственной и психологической деструкции имеет сексуальное насилие над детьми, часто встречаемое в сфере семейно-бытовых отношений, сочетающее в себе воздействие на неприкосновенность тела человека, его психику и духовную

сферу. Поэтому Конвенция в ст. 34 устанавливает обязанность государств-участников относительно выработки комплекса мер по оказанию помощи детям, пострадавшим от любого вида насилия или вооружённых конфликтов, путём содействия физическому и психологическому восстановлению и социальной реинтеграции ребёнка.

Из перечня ратифицированных договоров также следует выделить Конвенцию против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (1984), Венскую декларацию о преступности и правосудии: ответы на вызовы XXI века (2001) и Бангкокскую декларацию «Взаимодействие и ответные меры: стратегические союзы в области предупреждения преступности и уголовного правосудия» (2005). Принятая 6 июня 2014 года на 26-й сессии Совета ООН по правам человека Женевская резолюция «Защита семьи», сигнализирует об особой озабоченности проблемой криминализации семейно-бытового насилия, проявляемую мировым сообществом [82]. Детальное описание механизма подачи жалоб пострадавшими от семейного насилия с последующим алгоритмом действий компетентных органов и должностных лиц отражено в «Модельном законодательстве о насилии в семье», принятом и рекомендованном ООН (1996). Здесь зафиксированы права жертв, порядок действий государственных органов, в том числе, полиции, по реагированию на факты насилия в семье и дальнейшей защите прав жертв насилия, обязанности полицейских, служащих юстиции и суда, описана процедура обращения и выдачи охранный ордера, отражены меры, направленные на оказание экстренной помощи, а также помощи не экстренного, восстановительного и оздоровительного характера [83].

Наряду с универсальными международными стандартами ООН, существуют региональные стандарты Совета Европы, которые также имеют существенное значение в борьбе с семейно-бытовым насилием. И хотя эти стандарты не являются непосредственно действующими в Республике Казахстан, они могут быть восприняты в качестве ориентира развития национальной правовой системы в контексте противодействия семейно-бытовому насилию, поскольку государство заинтересовано в любой эффективной модели, правовой конструкции, которая способна повлиять на негативные тенденции в данной сфере.

Одним из таких региональных стандартов является Конвенция Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием (далее – Стамбульская Конвенция), содержащая достаточно чёткий механизм противодействия семейно-бытовому насилию и обеспечения защиты его жертв, основанный на приоритете интересов последних. В ст. 3 Стамбульской Конвенции раскрывается понятие насилия в отношении женщин и домашнего насилия, поскольку в документе эти термины постоянно используются в обобщенном виде [12].

Насилие в отношении женщин трактуется как «нарушения прав человека и форма дискриминации в отношении женщин и означает все акты насилия по гендерному признаку, которые приводят или могут привести к физическому,

сексуальному, психологическому или экономическому ущербу, или страданиям в отношении женщин, включая угрозы таких актов, принуждение или произвольное лишение свободы, независимо от того, происходит ли это в публичной или частной жизни». Также данная норма определяет виды домашнего насилия, к которым отнесены «все акты физического, сексуального, психологического или экономического насилия, которые происходят в кругу семьи или в быту, или между бывшими или нынешними супругами, или партнёрами, независимо от того, проживает или не проживает лицо, их совершающее, в том же месте, что и жертва». Таким образом, Стамбульская Конвенция акцентирует внимание на необязательности совместного проживания жертвы и виновного в насилии и тем более не сводит его к семейно-бытовым отношениям (что характерно для национальной модели противодействия семейно-бытовому насилию в РК).

В соответствии с ч. 2 ст. 5 Стамбульской Конвенции, государства-участники должны принимать законодательные и профилактические меры для того, чтобы предупреждать, расследовать, привлекать к ответственности и обеспечивать компенсацию жертвам насилия. В ст. 23 упоминается убежище для жертв; в ст. 24 - организация «горячих» телефонных линий; в ст. 25 -консультационная помощь специалистов, медицинское и судебно-медицинское обследование. «Должная государственная компенсация, - указывается в ст. 30 Конвенции, - присуждается тем, кто пострадал от серьёзных физических травм или нарушения здоровья, в той мере, в какой данный ущерб не покрывается иными источниками, такими как лицо, совершившее акты насилия, или же страхованием или государственным медицинским и социальным обеспечением. Это не исключает возможности для Сторон требовать возврата предоставленной компенсации со стороны лица, совершившего акты насилия, при условии должного обеспечения безопасности жертвы» [12].

Стамбульская Конвенция требует от государств-участников, чтобы все акты домашнего физического насилия преследовались в уголовном порядке (ст. 35), а ст. 36 раскрывает признаки сексуального насилия, причем, близкими к сексуальному насилию формами противоправного поведения названы: насильственный брак, который рекомендуется рассматривать как уголовно наказуемое деяние (ст. 37 Стамбульской Конвенции), насильственный аборт и насильственная стерилизация (ст. 39 Стамбульской Конвенции), сексуальные домогательства. Очевидно, данные формы насилия с точки зрения перспектив криминализации следует рассматривать в качестве своего рода футурологического аспекта развития национального и административного права. В данном случае заметим, что термин «репродуктивное насилие» уже также получает свое развитие в теории и в рамках обсуждения на международных площадках, причем, помимо указанных в Стамбульской конвенции видов принуждения также нередко отдельно выделяется принуждение к беременности, а также принуждение к прерыванию беременности по признаку пола эмбриона.

В соответствии со ст. 40 Стамбульской Конвенции, сексуальные домогательства включают в себя недопустимые действия, означающие

необходимость принятия мер, «чтобы любая форма нежелательного вербального, невербального или физического поведения сексуального характера с целью или последствиями нанесения ущерба достоинству человека, в частности, путём создания угрожающих, враждебных, унижающих достоинство, оскорбительных и агрессивных условий, подвергалась уголовным или юридическими санкциями». Эти формы поведения, по существу, подразумевают не только требования сексуального характера, но и нежелательные прикосновения, высказывания с унижительным сексуальным контекстом. Их рекомендуется преследовать, прежде всего, в рамках уголовного законодательства. В данном случае следует отметить, что Законом РК от 15 апреля 2024 г. впервые введена норма, учитывающая подобные рекомендации, - ст. 121-1 «Приставания сексуального характера к лицам, не достигшим шестнадцатилетнего возраста».

Согласно ст. 56 Стамбульской конвенции, государства-участники должны всемерно обеспечивать защиту жертв домашнего насилия и их близких от запугивания, мести, вторичной виктимизации, что должно достигаться за счет минимизации контактов в помещениях суда, правоохранительного органа между агрессором и его жертвой. Также в анализируемом документе обращается внимание на: немедленное реагирование на защиту жертвы (ст. 50); оценку риска насилия и виктимизации, и управления данными рисками (ст. 51); срочные запретительные приказы (ст. 52); приказы об ограничениях или защите (ст. 53); непосредственные меры защиты (ст. 56); расследования и процедуры, не связанные с заявлением жертвы (ст. 55) [12].

Благодаря реализации политико-правовой идеи открытости общества и государства международным стандартам в области прав человека, Казахстаном переняты лучшие достижения мирового опыта применительно к профилактике семейно-бытового насилия. Историко-правовым свидетельством намерения государства создать необходимый организационно-правовой механизм стало принятие 4 декабря 2009 года Закона Республики Казахстан «О профилактике бытового насилия» №214-IV (далее – Закон) [19]. Закон в своём содержании установил виды семейно-бытового насилия и закрепил принципы его предупреждения, определил субъектный состав и их компетенцию в реализации профилактических мер.

Отдельного внимания заслуживает анализ зарубежного законодательства в вопросах установления ответственности за акты семейно-бытового насилия. Так, КоАП Украины от 7 декабря 1984 года установил противоправность совершения домашнего насилия и насилия по признаку пола, невыполнения срочного запретного предписания, несообщения о месте своего временного пребывания (ст. 173-2) [84]. Домашнее насилие согласно указанной норме, - это насилие, совершенное по признаку пола, то есть умышленное совершение любых действий (бездействия) физического, психологического или экономического характера (применение насилия, не повлекшее телесных повреждений, угрозы, оскорбления или преследования, лишения жилья, еды, одежды, другого имущества или средств, на которые потерпевший имеет предусмотренное законом право и т.д.), в результате чего мог быть или был

нанесен вред физическому или психическому здоровью потерпевшего. Отдельной нормой КоАП Украины (ст. 39-1), прописано, что в случае совершения домашнего насилия или насилия по признаку пола суд при решении вопроса о наложении взыскания за административное правонарушение вправе одновременно решить вопрос о направлении виновного лица на прохождение специальной программы, предусмотренной Законом Украины «О предотвращении и противодействии домашнему насилию» или Законом Украины «Об обеспечении равных прав и возможностей женщин и мужчин».

КоАП Азербайджанской Республики (КоАП АР) в ст. 158 закреплена административная ответственность за нарушение законодательства о предотвращении бытового насилия. В ч. 1 ст. 158 указан вид экономического насилия в быту: «применение незаконных ограничений экономического характера на бытовой почве, то есть действия, направленные на лишение лицом другого лица имущества, доходов, находящихся в его собственности, владении или пользовании, создание экономической зависимости, сохранении подобной зависимости или злоупотребление ею» [85]. Ч. 2 ст. 158 содержит норму об административной ответственности за «психическое насилие на бытовой почве», сопровождаемое действиями, направленными на умышленное причинение лицом другому лицу психического давления или создание нетерпимых психических условий. В свою очередь, ответственность за семейно-бытовое насилие по КоАП Республики Беларусь (КоАП РБ), закреплена статьей 10.1. «Умышленное причинение телесного повреждения и иные насильственные действия либо нарушение защитного предписания». Согласно ч. 2 указанной статьи, наступает ответственность за нанесение побоев, не повлекшее причинения телесных повреждений, умышленное причинение боли, физических или психических страданий, совершенные в отношении близкого родственника, члена семьи или бывшего члена семьи, либо за нарушение защитного предписания.

Исследование вариантов установления административно-правовой деликтности в различных зарубежных моделях представляет интерес постольку, поскольку на протяжении длительных периодов времени (последний период с июля 2017 г. по июнь 2024 г.) ответственность за побои и умышленное причинение легкого вреда здоровью в РК реализовывалась в рамках КоАП РК. В настоящее время, учитывая то обстоятельство, что весь сегмент семейно-бытового насилия в Казахстане трансформирован в сферу уголовно-правовой юрисдикции, эффективность административно-правовых предписаний в рамках зарубежных моделей несколько утрачивает свою значимость в плане сравнительно-правового анализа. В целом же, зарубежное законодательство демонстрирует различные подходы к регламентации ответственности за семейно-бытовое насилие. При этом преобладающая сфера юрисдикции (административно- или уголовно-правовая) имеет вторичное значение, поскольку эффективность противодействия в большей степени следует связывать с правоприменительной практикой, подходами со стороны

государства и правоохранительных органов, применением реабилитирующих и корректирующих программ, элементов восстановительного правосудия и т.д.

Сравнительное благополучие в вопросах противодействия семейно-бытовому насилию демонстрируют страны, в которых приняты профильные законодательные акты, непосредственно касающиеся проблемы. Так, к примеру, в Молдове и Кыргызстане случаи внутрисемейного насилия сократились на треть после принятия подобных законов, а в США число внутрисемейных убийств сократилось в четыре раза. При этом многие страны (например, Норвегия, Сербия) идут по пути практически тотальной криминализации любых проявлений семейно-бытового насилия. В ряде стран (Великобритании, Германии, Франции) введена ответственность за насильственный брак. В отдельных странах Европы прослеживается явная тенденция к ужесточению наказаний, применяемых в отношении лиц, совершивших сексуальные преступления (в том числе в отношении членов семьи), особенно когда речь идет о детях. Некоторые страны обеспечивают законодательную защиту также партнеров и бывших супругов (Азербайджан), сожителей и бывших сожителей (Болгария), соседей, проживающих совместно в пределах жилого помещения, и интимных партнеров (Бельгия) [86].

Нередко используется практика расширительного подхода к кругу лиц, подпадающих под защиту посредством издания актов о запрете домашнего насилия. В Испании, например, охраняемые законом семейные отношения определяются как отношения с супругом или бывшим супругом либо несупружеские романтические и сексуальные отношения лиц, проживающих отдельно, равно как и отношения между членами семьи или домохозяйства - старшими и младшими поколениями, кровными родственниками, лицами, проживающими совместно, а также несовершеннолетними или лицами с ограниченными возможностями, находящимися на попечении или под опекой. А, например, Закон Индонезии № от 2004 года «О ликвидации насилия в домохозяйстве» распространяет свое действие, в том числе, и на домашних работников [87].

Как уже было отмечено ранее, во многих странах большинство форм семейно-бытового насилия криминализированы. Так, Уголовный кодекс Дании содержит две главы, в которых имеется регламентация ответственности за совершение преступлений, связанных с бытовым насилием. Глава 23, в целом посвящена преступлениям против семейных отношений. Так, в §213 предусмотрено: «(1) Любое лицо, которое пренебрежением или унижительным обращением оскорбляет своего супруга, своего ребенка или любого зависимого от него лица, не достигшего возраста 18 лет, или любое лицо, с которым оно состоит в кровном или брачном родстве по прямой линии, или которое, умышленно уклоняясь от содержания или участия в содержании таких лиц, доводит их до нищеты, подлежит тюремному заключению на любой срок, не превышающий двух лет, или при смягчающих обстоятельствах - простому заключению под стражу». В §244 Главы 25 установлено, что «любое лицо, которое совершает насильственное деяние против другого лица или иным образом нападает на это лицо, подлежит штрафу или простому заключению под

стражу, или тюремному заключению на любой срок, не превышающий одного года и шести месяцев» [88].

В Израиле уголовная ответственность предусматривается Законом об уголовном праве Израиля от 1977 года, в котором установлены 4 вида преступлений, вытекающих из семейно-бытовых отношений: тяжкое телесное повреждение (ст. 333), ранение (ст. 334), телесное повреждение и ранение при отягчающих обстоятельствах (ст. 335): (алеф): «Тот, кто совершает преступление, предусмотренное статьей 333, в отношении члена его семьи, наказывается тюремным заключением сроком на десять лет»; (бет): «Тот, кто совершает преступление, предусмотренное статьей 334, в отношении члена его семьи, наказывается удвоенным наказанием, предусмотренным за преступление». Причем, определение понятия «член семьи» включает «...лицо, которое было в прошлом членом его семьи, и оно является его супругом, включая сожителя как супруга; несовершеннолетним либо беспомощным, в отношении которых преступник является ответственным».

Статья 351. Преступления против половой неприкосновенности в семье и преступления против половой неприкосновенности, совершённые лицом, ответственным за беспомощного включает: (алеф): «Тот, кто совершает изнасилование, предусмотренное статьей 345 (алеф), либо акт содомии, предусмотренный статьей 347 (бет) в отношении несовершеннолетнего лица, которое является членом его семьи, а равно в отношении беспомощного и при этом он является лицом, ответственным за беспомощного, то он наказывается тюремным заключением сроком на двадцать лет»; (бет): «Тот, кто вступает в половое сношение с женщиной в возрасте от четырнадцати лет до двадцати одного года, и она является членом его семьи, а равно тот, кто совершает акт содомии в отношении лица в возрасте от четырнадцати лет до двадцати одного года и он является членом его семьи, наказывается тюремным заключением сроком на шестнадцать лет» [89].

В Швеции квалифицируется как уголовное преступление нанесение побоев детям, мужу, жене или партнёру в гражданском браке. Мужчина, прибегающий к насилию над женщиной в близких отношениях, может быть привлечён к уголовной ответственности за нарушение неприкосновенности личности при отягчающих обстоятельствах. Так, УК Швеции предусматривает: «Кто совершит против близкой или близкого ей ранее лица преступление, связанное с оскорблением и тяжёлым нарушением ее самочувствия по причине тяжёлого нарушения неприкосновенности, наказывается лишением свободы от шести месяцев до 6 лет» [90].

По законодательству Франции бытовое (домашнее насилие) по отношению к тому или иному члену семьи считается отягчающим обстоятельством, и, в зависимости от совершенного преступления, может серьезно увеличить тюремный срок. Так, в случае убийства жены мужу грозит пожизненное тюремное заключение (в отличие от 30-летнего срока заключения при прочих обстоятельствах) Введен законодательный запрет под страхом уголовного наказания осуществлять психологическое насилие в семейно-бытовой сфере. В 2014 году законом введено использование специальных

телефонных устройств - «тревожной кнопки», с помощью которой жертва домашнего насилия в случае угрозы может немедленно вызвать полицию. Охранный ордер, выдаваемый судьей по семейным делам, запрещает насильнику входить в контакт со своей жертвой в течение шести месяцев (это максимальный срок) [91].

Однако число судебных постановлений по защите жертв насилия остается во Франции весьма скромным, в отличие, например, от Испании, которая считается одной из самых передовых стран в борьбе с семейным насилием. Так, Закон Испании «О комплексных мерах защиты от насилия по гендерному признаку» охватывает меры, направленные на предотвращение всех форм домашнего насилия или насилия со стороны интимного партнера, защиту от такого насилия и уголовное преследование нарушителей; Закон «О судебной системе» ввел институт судов по делам о насилии в отношении женщин, Закон «О трудящихся» содержит нормы о защите прав женщин, ставших жертвами насилия по гендерному признаку [92].

В Германии с 1 января 2002 г. действует закон о защите от насилия в семье («*Gewaltschutzgesetz*»), согласно которому лицо, виновное в семейном насилии, должно покинуть дом. Полиция имеет право удалить обидчика из квартиры и запретить ему появляться в ней на срок до 10 дней, в течение которых жертва посещает врача с целью засвидетельствования телесных повреждений и обращается с заявлением в ближайший суд. Суды рассматривают такие заявления достаточно оперативно, кроме того, до окончания рассмотрения заявления суд может запретить обидчику не только входить в квартиру, но и подходить к жертве ближе определенного расстояния. Суд также вправе ограничить контакты лица, совершившего насилие в семье, с жертвой насилия и детьми (например, может запретить приближаться к ним на расстояние менее 50 метров). Если же жертва насилия в семье имеет небольшие доходы, то она вправе рассчитывать на государственную помощь [93].

7 августа 2006 г. в Бразилии был принят Закон «О противодействии насилию в семье». Данный закон позволяет арестовывать агрессора не только за преступление, но и в тех случаях, когда нахождение его на свободе угрожает здоровью или жизни жертвы. Преступления, совершённые в отношении женщин в семье, рассматриваются в специальных судах, причем, данный закон защищает от физического, психологического и сексуального насилия, в том числе, и надомных работников [94].

Австрийский Федеральный Акт по защите от домашнего насилия, принятый в 1997 году, в настоящее время включает систему активного гражданского контроля над решениями сотрудников медицинской системы, полиции и судов в отношении пострадавших от домашнего насилия. Фактически в Австрии сформирована модель, которая связывает взаимными обязательствами негосударственные кризисные центры (*Intervention Centers*), органы полиции, медицинские центры (которые позволяют выявить домашнее насилие на ранних стадиях) и муниципальные власти, причем, пострадавшие от домашнего насилия имеют право обратиться к любому из перечисленных органов. В функционировании модели ключевая роль принадлежит

некоммерческим организациям, за которыми закреплены функции интервенции и гражданского контроля над решениями правоохранительных структур.

В Австрии система защиты от домашнего насилия состоит из следующих действий: удаление агрессора на период от 10 до 20 дней из жилища; обращение пострадавшего за долгосрочным «защитным ордером»; механизм немедленной помощи пострадавшим от бытового насилия; применение предписаний о выселении (выдается полицией) и защитных предписаний (выдаются судом). По факту соответствующих предписаний нарушитель сдает ключи от жилища, взяв из дома только самые необходимые вещи (документы, одежду, предметы личной гигиены и т.д.), он также имеет право воспользоваться услугами специальных кризисных комнат, финансируемых за счет государства. Защитное предписание предусматривает защиту от тех же преступлений, что и предписания о выселении, выносимые полицией, и действуют на срок до 6 месяцев, а в отношении других мест (место работы, детский сад) - на срок до 1 года [95].

В начале 90-х годов в США сложилось неблагоприятное положение с насильственной преступностью, в связи с чем, 13 сентября 1994 года был принят Закон о контроле над насильственной преступностью и правоприменяющих органах (*Violent Crime Control and Law Enforcement Act, 1994*). Также в США функционирует более 1,5 тысяч различных программ по работе с агрессорами. Первые в мире программы для мужчин-агрессоров появились в конце 1970-х годов в Бостоне, когда мужские психологические группы создавались на базе кризисных центров для женщин.

Кроме того, в США функционирует более 200 специализированных судов, которые занимаются делами о насилии в семье, для которых характерен сравнительно больший процент обвинительных приговоров. В каждом штате США существует отдельное законодательство по предупреждению и борьбе с насилием в семье. К примеру, профильным законодательным актом в штате Иллинойс является Акт по борьбе с насилием в семье («*Illinois Domestic Violence Act*»). Согласно этому Акту, охранный ордер - судебное предписание, запрещающее лицу, которое совершило насилие в семье, совершать определённые действия или, наоборот, требующее от него совершения определённых действий. Охранный ордер можно получить двумя путями: в гражданском суде (отдельно или одновременно с другой гражданской процедурой, например, разводом); в уголовном суде в связи с предъявлением уголовного обвинения. В свою очередь, в штате Иллинойс созданы суды для рассмотрения дел, связанных с насилием в сфере внутрисемейных отношений, рассматривающие как уголовные, так и гражданские иски. Жертва насилия в семье может получить один из трёх видов охранных ордеров (чрезвычайный охранный, временный, постоянный), которые вносятся в Реестр охранных ордеров штата – компьютерную систему учёта, используемую судьями и правоохранительными органами, причем, охранные ордера действительны во всех штатах [96].

Канаде, провозгласившей политику «нулевой терпимости» к бытовому насилию, принадлежит одно из ведущих мест в мире в противодействии

данному явлению. Причем, благополучная практика сложилась и без наличия единого федерального законодательства. В частности, в провинции Альберта принят Акт защиты от насилия в семье, а в провинции Манитоба утверждены три типа консультационных программ для лиц, совершивших семейное насилие: 24-часовые занятия группового консультирования (предлагаются на 6 языках); 84-часовая программа интенсивной терапии (для тех, кто освобожден от наказания условно); 300-часовая программа (для тех, кто находится под стражей). Кроме того, существуют программы индивидуального консультирования лиц, совершивших насилие в семье. В Виннипеге с 1990 г. действует Суд по делам насилия в семье, созданный для рассмотрения случаев насилия в отношениях супругов, по отношению к детям и лицам пожилого возраста. Кроме того, в качестве компонента обвинительного процесса создана Программа защиты женщин («*The Women's Advocacy Program*»), обеспечивающая поддержку женщинам на всех этапах взаимодействия с правозащитной системой [87, с. 156].

В зарубежной практике в качестве средства противодействия насилию в семье широко применяется «охранный ордер», который включает непосредственную защиту от насилия и угроз насилием, гарантии безопасности потерпевших и лиц, находящихся на их иждивении, гарантии сохранности их имущества, материальную помощь без разрыва существующих отношений с ответчиками. Институт охранного ордера в различных странах претворяется в жизнь под такими различными наименованиями, как «временный охранный ордер» и «судебный ордер», предусмотренными Модельным законодательством ООН. Так, применяется термин «охранный приказ» (США), «официальное предупреждение» (Украина), «приказ об охране» (Турция), «судебный приказ о защите» (Бразилия). Выдача охранного ордера в этих странах является «защитной» или «чрезвычайной» мерой. Имеется ряд стран, в которых расширены возможности для применения охранных ордеров и полномочия органов внутренних дел (Австрия, Новая Зеландия, Швеция). На территории ЕС 6 июня 2013 года принято решение о введении в действие единого «охранного Евро-ордера» [96, б. 4-468].

Несоблюдение требований охранного ордера влечет различные санкции. К примеру, в Болгарии нарушитель задерживается органами полиции с уведомлением прокуратуры; в Великобритании, Испании, Южной Африке, Турции невыполнение требований охранного ордера криминализовано и влечет наказание вплоть до лишения свободы; в Турции лицо, нарушившее положения приказа об охране, может быть осуждено на срок от 3 до 6 месяцев тюремного заключения. В Грузии в мае 2006 г. был принят Закон «О пресечении насилия в отношении женщин или (и) насилия в семье, защите и оказании помощи жертвам насилия», согласно которому охранный ордер может предусматривать прохождение обязательного курса обучения, ориентированного на изменение насильственного отношения и поведения. Закон Кыргызской Республики от 27 апреля 2017 г. №63 «Об охране и защите от семейного насилия» предусматривает два вида охранных ордеров – временный и судебный, последний из которых имеет срок от 1 до 6 месяцев. Причем, согласно

кыргызской модели профилактики семейно-бытового насилия, заявить о насильственном инциденте может любое лицо (сосед жертвы, родственник, прохожий и т.д.) [87, с. 163-168].

Таким образом, подводя итог исследованию международных аспектов противодействия семейно-бытовому насилию и отдельным фрагментам зарубежного опыта, с помощью которых было проиллюстрировано общее состояние современной антикриминальной практики различных государств по вопросам противодействия семейно-бытовому насилию, можно отметить следующее:

1. Международно-правовые нормы содержат к настоящему времени рекомендации, которые направлены на формирование таких национальных моделей противодействия семейно-бытовому насилию, которые исключали бы последующие риски для жертв бытового насилия, были связаны с применением оперативных мер реагирования сразу же после произошедшего насильственного инцидента, включали бы различные механизмы более или менее длительного дистанцирования жертвы и виновного лица, компенсационные механизмы, а также инфраструктуру по оказанию необходимой социальной помощи пострадавшему лицу. Вопросы относительно рекомендуемых мер наказания международно-правовые стандарты не содержат, относя их решение к ведению национального законодателя.

2. Зарубежная практика различных государств представлена различными вариантами регламентации, причем, в странах дальнего зарубежья многие предписания существенным образом отличаются от приемов регулирования в казахстанском законодательстве, могут быть оценены в качестве чрезмерно казуистичных либо, напротив, имеющих чрезмерно обобщенные формулировки. При этом опыт наиболее благополучных стран в вопросах противодействия семейно-бытовому насилию свидетельствует о том, что успешность данной деятельности лишь отчасти зависит от строгости правовых предписаний, поскольку существенное значение имеют целый ряд иных факторов организационного, идеологического, социально-психологического характера.

2 УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НАСИЛИЮ В СФЕРЕ СЕМЕЙНО-БЫТОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

2.1 Уголовно-правовой анализ семейно-бытового насилия: обоснование системы норм и оценка их динамики в законодательстве Республики Казахстан

При всей интенсивности обсуждения проблемы семейно-бытового насилия в Казахстане, четких критериев отнесения того или иного конкретного уголовного правонарушения именно к данному сегменту преступности до настоящего времени нет. При этом имеются все основания для утверждения, что сфера семейно-бытовых отношений является самостоятельным объектом уголовно-правовой охраны, который до настоящего времени непосредственно в УК РК никоим образом не обособлен. Фактически общий массив уголовных правонарушений, который может быть маркирован как акты семейно-бытового насилия, является результатом суммирования конкретных актов насильственного поведения в семейно-бытовой сфере.

Учитывая то обстоятельство, что в регулярно формируемых отчетах КПСиСУ Генпрокуратуры РК в настоящее время отражается графа «Количество правонарушений, совершенных в семейно-бытовой сфере», следует признать допустимым оформление соответствующей сферы общественных отношений (т.е. соответствующего объекта) с помощью оценки соответствующих данных официальной статистики. Так, обособляя уголовные правонарушения, в рамках которых совершены деяния именно в сфере семейно-бытовых отношений представлено заметными количественными показателями, можно добиться эмпирически обоснованного оформления перечня деяний, которые наиболее типичны именно для сферы семейно-бытовых отношений.

Соответственно, методология предлагаемого анализа и расчетов заключается в следующем. Во-первых, исследуя графу «Количество правонарушений, совершаемых в сфере семейно-бытовых отношений», следует выделить те составы уголовных правонарушений, в которых количественные показатели являются наиболее заметными (предваряя результаты проведенного анализа, следует отметить, что практически тотально это уголовные правонарушения против личности). Во-вторых, непосредственно определить группы уголовных правонарушений, которые можно отнести именно к самостоятельной группе, имеющей специфический объект уголовно-правовой охраны, возможно с помощью расчета объема совершения конкретных уголовных правонарушений в сфере семейно-бытовых отношений в общем объеме уголовных правонарушений данного вида. В-третьих, учитывая, что объектом исследования являются именно уголовно наказуемые акты насильственного поведения в семейно-бытовой сфере, соответствующие деяния в качестве конститутивного признака должны содержать элементы насилия в тех его разновидностях, которые определены в рамках Закона РК «О профилактике бытового насилия».

В результате проведенного анализа ежегодных данных «О зарегистрированных уголовных правонарушениях» за период с 2020 по 2023 годы по Республике Казахстан, мы вывели количественные показатели отдельных видов преступных деяний, которые указаны в приведенной ниже таблице 2.

Таблица 2 – Статистические сведения о зарегистрированных уголовных правонарушениях, наиболее часто совершаемых в сфере семейно-бытовых отношений (в разрезе 2020-2023 гг.)

Виды УП	2020 год		2021 год		2022 год		2023 год	
	всего УП	из них в ССБО (%)	всего УП	из них в ССБО (%)	всего УП	УП в ССБО (%)	всего УП	УП в ССБО (%)
99	631	115 (18,22)	579	141 (24,3)	520	108 (20,8)	472	108 (22,8)
101	6	5 (83,3)	7	4 (57,1)	3	1 (33,3)	6	4 (66,6)
102	10	3 (30)	3	1 (33,3)	11	7 (63,6)	6	5 (83,3)
106	1931	413 (21,4)	1820	374 (20,6)	1840	368 (20)	1806	337 (18,6)
107	2658	354 (13,3)	2572	359 (13,9)	2525	321 (12,7)	2576	336 (13)
110	32	6 (18,7)	16	7 (43,7)	19	2 (10,5)	22	4 (18,2)
112	46	14 (30,4)	53	23 (43,4)	49	15 (30,6)	47	17 (36,2)
115	210	25 (11,9)	116	14 (12)	136	10 (7,35)	140	10 (8,7)
120	598	32 (5,35)	536	14 (2,6)	386	14 (3,6)	401	16 (4)
121	283	24 (8,5)	300	18 (6)	247	13 (5,26)	301	15 (5)
122	322	3 (0,9)	340	5 (1,5)	284	0 (0)	310	8 (2,6)
124	113	8 (7)	140	10 (7,145)	94	9 (9,6)	106	3 (2,8)

Из полученных данных (таблица 2) мы видим, что корреляция количественных показателей обозначенных уголовных правонарушений, в разрезе отчетных периодов 2020-2023 годов, в целом, подтверждается, поскольку, в ежегодном режиме воспроизводятся одни и те же закономерности:

- во-первых, подавляющее большинство уголовных правонарушений, совершаемых в семейно-бытовой сфере, относимы к составам уголовных правонарушений против личности (то есть в подавляющем объеме имманентно относятся к группе насильственных посягательств);

- во-вторых, имеется ряд иных составов уголовных правонарушений, в которых фактор совершения в семейно-бытовой сфере выявлен единичными случаями (это могут быть и насильственные, и ненасильственные деяния);

- в-третьих, при построении группы уголовных правонарушений, которые в рамках УК РК четко можно отнести к деяниям с признаками семейно-бытового насилия, следует отталкиваться не только от четких количественных показателей, но и от установленных наукой криминологических закономерностей, в особенности, с точки зрения степени латентности тех или иных посягательств.

Кроме того, единичные случаи совершения деяния в сфере семейно-бытовых отношений отмечены в отчете КПСиСУ также в контексте уголовных правонарушений против собственности, хулиганства, самоуправства и некоторых других.

В результате анализа статистических данных, следует отметить, что фрагментарные акты криминального поведения в сфере семейно-бытовых отношений зарегистрированы в рамках иных статей УК РК:

- в 2020 г. - ст. 126 УК РК (1 случай); ст. 149 УК РК (6 случаев); уголовные правонарушения против собственности (общее количество – 3 случая) и др. [97];

- в 2021 г. - ст. 126 УК РК (5 случаев); ст. 140 УК РК (3 случая); ст. 149 УК РК (4 случая); уголовных правонарушений против собственности (общее количество – 6 случаев) и некоторые др. [98];

- в 2022 г. - ст. 125 УК РК (2 случая); ст. 126 УК РК (2 случая); ст. 140 УК РК (2 случая); в различных составах уголовных правонарушений против собственности (общее количество – 11 случаев); хулиганство (1 случай – крайне низкий показатель [99];

- в 2023 г. - ст. 125 УК РК (1 случай); ст. 140 УК РК (2 случая); ст. 149 УК РК (5 фактов); ст. 311 (1 факт) [100].

Среди прочих уголовных правонарушений, зарегистрированных в сфере семейно-бытовых отношений также выделяются высокими показателями ст. 104 УК РК – 55 и 12 (21,81%) и ст. 114 УК РК – 122 и 19 (15,6%).

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что ст. 105 УК РК «Доведение до самоубийства», несмотря на значительное количество зарегистрированных случаев в рассматриваемом периоде (2021-2023) практически не обозначается в семейно-бытовой сфере (в частности, в 2020 г. в статданных отмечено 2 случая доведения до самоубийства в семейно-бытовой сфере, а в более поздних периодах данные представлены нулевыми показателями). Поскольку в качестве основного метода определения искомой группы был обозначен метод статистического анализа, то, соответственно, для включения состава ст. 105 УК РК в группу уголовных правонарушений, сопряженных с семейно-бытовым насилием, требуются дополнительные аргументы.

В контексте приведенных ранее статистических рядов следует обратить внимание на двух основных аспектах, которые требуют разъяснения. Во-первых, это возможность отнесения к системе уголовных правонарушений, связанных с насилием в сфере семейно-бытовых отношений деяний, совершаемых по неосторожности (ст. 104 и ст. 114 УК РК). Во-вторых, разъяснения требуют также и сравнительно невысокие пропорции совершения в сфере семейно-бытовых отношений посягательств на половую свободу и половую неприкосновенность.

Обращаясь к вопросу относительно возможности отнесения ст. 104 УК РК и ст. 114 УК РК к группе уголовных правонарушений, сопряженных с насилием в сфере семейно-бытовых отношений, следует отметить, что до настоящего времени в теории уголовного права превалирует точка зрения относительно того, что неосторожные деяния, даже причинившие существенный физический вред, вплоть до наступления смерти (причем, даже не одному, а большему количеству потерпевших) не могут быть отнесены к сегменту насильственной преступности.

При этом вопрос до настоящего времени сохраняет свою дискуссионность, что объяснимо с точки зрения того, что неосторожная преступность в целом, равно как и в сфере семейно-бытовых отношений может иметь крайне противоречивые параметры характеристики, при которых деяния могут существенным образом отличаться друг от друга. Это могут быть случаи причинения смерти по неосторожности, например, при неосторожном обращении одного из членов семьи с той или иной бытовой техникой; также это могут быть и ситуации, когда, например, родители допускают передозировку лекарственного препарата и причиняют смерть по неосторожности своему ребенку, и многие другие варианты.

Однако, неосторожность далеко не всегда бывает столь «безобидной», как иногда оценивают ее в рамках теоретических исследований (в частности, при противопоставлении с умышленной формой поведения виновного лица). Так, если член семьи допускает неосторожное причинение смерти другому лицу по причине общего, систематического пренебрежения вопросами безопасности, регулярного употребления алкоголя или наркотических средств, то в данном случае есть все основания к тому, чтобы расценивать подобное поведение как особое насилие в сфере семейно-бытовых отношений, поскольку весь характер поведения складывается во вполне конкретный паттерн, подпадающий под общие параметры семейно-бытового насилия. В последнем случае, как минимум, негативному воздействию подвергается именно безопасность членов семьи, а факт неосторожного причинения смерти – это своего рода результат общего пренебрежительного отношения к своим обязанностям и нивелирования ценности здоровья и жизни членов семьи.

В этом смысле совершенно прав Ю.М. Антонян, который указывал, что акт неосторожного поведения может стать результатом гораздо более глубоких дефектов в мотивационной сфере человека, в том числе, и частным проявлением озлобленности, агрессии, ненависти и т.д. [101]. Это обстоятельство в полной мере применимо к ранее смоделированным ситуациям неосторожного причинения физического вреда в сфере семейно-бытовых отношений.

Вопрос существенных диспропорций санкций уголовно-правовых норм в случаях причинения равного вреда при умышленной и неосторожной формах вины нередко становится предметом критического анализа исследователей. Представляется вполне обоснованным мнение Н.Д. Евлоева относительно того, что восстановление социальной справедливости в рамках наказаний, назначаемых за преступления, совершенные по неосторожности, имеет в большей степени декларативный характер [102].

Если за «простое» убийство одного человека по ст. 99 УК РК в настоящее время предусмотрена санкция от 8 до 15 лет лишения свободы, то за причинение смерти по неосторожности одному человеку (ст. 104 УК РК) максимальное наказание составляет 3 года лишения свободы (возможно также и ограничение свободы); в случае же причинения смерти по неосторожности двум и более лицам наказуемость не превышает 5 лет лишения свободы (причем, также возможно и ограничение свободы) [15]. Здесь следует

учитывать, что конструкция «двум и более лицам», в целом, означает, что смерть может быть причинена нескольким лицам или даже десяткам лиц (следует учитывать, что в УК РК есть специальные составы преступлений, в которых неосторожное причинение смерти двум и более лицам влечет более строгую ответственность).

Однако, хотелось бы отметить, что в рамках данного исследования анализируемый вопрос имеет значение исключительно в том контексте, насколько обоснованным будет включение ст. 104 УК РК и ст. 114 УК РК в группу уголовных правонарушений, сопряженных с семейно-бытовым насилием непосредственно в УК РК.

Для сравнения, в уголовных законах отдельных стран ближнего зарубежья имеется возможность отнесения неосторожных преступлений, в том числе, и к категории тяжких, что предполагает целый ряд уголовно-правовых последствий, связанных с назначением наказания, освобождением от уголовной ответственности и наказания и т.д. (в частности, такое решение имеет место в УК Российской Федерации, УК Молдовы) [103, 104].

Подводя итог рассмотренному теоретическому вопросу, следует признать, что неосторожная преступность все-таки имеет ситуационный характер, что идет вразрез с признаками феномена семейно-бытового насилия, которое, как уже отмечалось, чаще всего имеет циклический характер, сопряжено с элементами постепенной эскалации насильственных паттернов и т.д. Несмотря на то, что отдельно взятый случай причинения смерти или тяжкого вреда здоровью члену семьи по неосторожности может быть частным проявлением общего неблагополучия, тем не менее, в строгом смысле, к акту семейно-бытового насилия они быть причислены не могут.

Что же касается отнесения преступлений против половой свободы или половой неприкосновенности к формируемой группе уголовных правонарушений, сопряженных с семейно-бытовым насилием, то это едва ли может вызвать возражение, поскольку именно половые посягательства (особенно в отношении несовершеннолетних и малолетних лиц) относятся к одним из наиболее деструктивных, порождающих целый ряд критически вредных последствий для лица, подвергшегося данному насилию.

При этом, как показали ранее проведенные расчеты объема совершения деяний, предусмотренных ст. 120, ст. 121, ст. 122, ст. 124 УК РК, в сфере семейно-бытового насилия относительно общей численности регистрируемых преступлений соответствующих видов, их процент существенно ниже, чем в рамках иных составов уголовных правонарушений. Тем не менее, факты сексуализированного насилия в семье, особенно в отношении несовершеннолетних и малолетних лиц, вызывают наиболее острый резонанс и общественное осуждение. Представленные параметры объема семейно-бытового насилия по указанным составам (ст. 120 – 4%; ст. 121 – 5%; ст. 122 – 2,6%; ст. 124 – 2,8%) в целом коррелируют с данными, приведенными авторами специальных исследований по вопросам инцестного насилия (кровосмесительное насилие) в зарубежных странах [102, с. 134-138].

Вместе с тем, Г.Б. Дерягин отмечает, что в ходе исследований соответствующие показатели могут быть значительно выше (до 10% в США, до 13% в Новой Зеландии и др.) [105].

В криминологии имеется безоговорочный консенсус относительно того, что половые посягательства, в целом, относятся к одному из наиболее латентных видов уголовных правонарушений; что же касается половых посягательств в сфере семейно-бытового насилия, то в данном случае латентность возрастает на порядок, поскольку как сам потерпевший (потерпевшая), так и другие члены семьи по тем или иным причинам нередко стремятся к тому, чтобы скрыть соответствующую информацию. В частности, отмечается, что «...потерпевшие чаще всего не обращаются в органы внутренних дел с заявлением, не желая портить «биографию» лицам, состоящим в семейно-бытовых отношениях. Наиболее латентными являются преступления против половой неприкосновенности, совершаемые в семье» [106].

Такого рода заключение подтверждается и результатами изучения судебной практики, в ходе проведенного диссертационного исследования. Так, анализ 90 материалов уголовных дел, вынесенных в отношении 88 осужденных мужского пола показывает, что половые посягательства, выраженные статьями 120, 121 УК РК, и совершенные в отношении лиц, несовершеннолетнего и малолетнего возраста (от 4 до 15 лет) в 67% случаев имело латентный характер. Сексуальные посягательства на детей и подростков в семье в среднем продолжаются 2 года, почти во всех случаях сексуальные действия осуществлялись без согласия жертв.

Последний тезис является весьма значимым, поскольку может возникнуть вопрос относительно допустимости отнесения ст. 122 и ст. 124 УК РК к деяниям в сфере семейно-бытового насилия.

В рамках конструктивного построения составов данных преступлений признак насилия не выступает в качестве обязательного – напротив, он фактически отрицается законодателем, чем и определяется особый характер данных посягательств. Тем не менее, специфические свойства потерпевших от данных преступлений являются достаточным аргументом для признания своего рода «насилия без насилия», поскольку в обоих случаях нарушаются определенные элементы общей структуры неприкосновенности личности (половой – до момента наступления так называемого «возраста согласия»; нравственно-психологической – в контексте абсолютного запрета на сексуализированное поведение в отношении лиц, не достигших определенного возраста).

В рамках отмеченного аспекта требуют особого учета следующие обстоятельства.

Во-первых, в ст. 122 УК РК законодатель не ставит вопрос уголовной ответственности в зависимости от наличия или отсутствия согласия лица, не достигшего 16-летнего возраста.

Во-вторых, сам факт вмешательства в сексуальную сферу незрелого в половом и социальном плане несовершеннолетнего следует расценивать как

особый вид насилия даже если при этом не было применено непосредственного физического или психического воздействия.

В-третьих, применительно именно к сфере семейно-бытовых отношений насильственный аспект усугубляется также и тем, что несовершеннолетний неизбежно находится в зависимости от взрослого лица: у него отсутствует возможность по собственному усмотрению принять решение о своем местопребывании; подростки данной возрастной группы, как правило, не имеют экономической и иной социальной самостоятельности; виктимность в сфере семейно-бытовых отношений лиц соответствующих возрастных групп существенно выше по причине постоянного пребывания с лицами, допускающими соответствующие криминальные инциденты и т.п.

В качестве дополнительного аргумента можно привести обстоятельство, при котором все изменения, которые вносились в УК РК 1997 г. и УК РК 2014 года детализированы, совокупно касались, в том числе, данных двух статей, что является свидетельством их непосредственной относимости к анализируемой сфере общественных отношений.

Отдельного рассмотрения, требует вновь введенный в УК РК состав деяния – совершение непристойных действий сексуального характера в отношении лица, заведомо не достигшего шестнадцатилетнего возраста, предусмотренного ст. 121-1. Согласно диспозиции данной нормы, указанные действия могут быть сопряжены с предложениями, в том числе с использованием сетей телекоммуникаций, включая сеть Интернет, или прикосновениями сексуального характера.

Законодатель установил данное деяние в качестве «универсального», т.е. его совершение возможно как в рамках общественных, так и семейно-бытовых отношений, однако во всех случаях цель закона – защита личной неприкосновенности и психоэмоционального здоровья несовершеннолетнего лица, не достигшего шестнадцатилетнего возраста.

Важно подчеркнуть, что в отличие от понуждения к половому сношению, мужеложеству, лесбиянству или иным действиям сексуального характера (ст. 123 УК РК), совершаемому путём шантажа, угрозы уничтожением, повреждением или изъятием имущества либо с использованием материальной или иной зависимости потерпевшего, совершение непристойных действий сексуального характера, сопровождается назойливыми, надоедливими прикосновениями сексуального характера, демонстрацией половых органов, мастурбацией, непристойными выражениями или циничным, открытым предложением лица вступить с ним в сексуальный контакт при отсутствии шантажа, угрозы с целью получения сексуального удовлетворения.

Такие действия не носят насильственного характера, однако, как отмечают ряд исследователей (А.А. Юдина, С.В. Векленко, А.В. Стулов) они направлены на реализацию целей, связанных с настойчивым, упорным стремлением добиться желаемого в сфере удовлетворения своих половых потребностей [107, 108].

Эти деяния, совершаемые между лицами, находящимися в зависимом положении друг от друга (например, родители (сожители) и дети или другие

члены семьи), т.е. в условиях семейных отношений часто сопровождаются продолжительным психоэмоциональным воздействием на потерпевших, что усугубляет последствия для жертв. Так, судебная практика показывает, что 67,8% несовершеннолетних потерпевших подвергались в течение продолжительного времени нежелательным прикосновениям, непристойным высказываниям и показу половых органов, что часто становилось подготовкой к более тяжким сексуальным посягательствам. Из-за совместного проживания с преступником и отсутствия других взрослых они оставались в уязвимом положении, что приводило к более серьезным последствиям.

Таким образом, действия, предусмотренные статьей 121-1 УК РК, могут рассматриваться в контексте семейно-бытовых отношений.

Соответственно, в вопросах отнесения половых посягательств к группе уголовных правонарушений, сопряженных с семейно-бытовым насилием (безусловно, при наличии факта их совершения именно в семейно-бытовой сфере) преобладающее значение имеет не столько процент выявленных фактов совершения данных деяний, сколько то обстоятельство, что они составляют самостоятельную и требующую учета группу деяний, непосредственно отражающих специфику насилия в семейно-бытовой сфере.

Следует отметить, что факты семейно-бытового насилия и, в целом, неблагополучия в семье, называются в качестве основных детерминант суицидов со стороны лиц несовершеннолетнего и молодого возраста со стороны ВОЗ. Многие исследователи также при оценке доведения до самоубийства несовершеннолетних лиц отмечают, что в значительном количестве случаев именно насильственные инциденты в семье приводят к тому, что они начинают вести асоциальный образ жизни, попадают в зависимость от алкоголя, наркотиков и т.д., что в итоге приводит к суициду или попытке суицида [106, с. 6].

В частности, как показал анализ материалов уголовных дел, одной из причин частых попыток совершения суицида среди малолетних и несовершеннолетних являются половые преступления со стороны лиц, состоящих в семейно-бытовых отношениях (родитель, сожитель родителя, родственник) – 5 фактов (6,5%), из них среди потерпевших несовершеннолетнего возраста – 2, малолетнего возраста – 3.

Что касается оценки каждого отдельно взятого случая доведения до самоубийства (ст. 105 УК РК), то, очевидно, попадание в графу «совершение в семейно-бытовой сфере» имеет место (как, в частности, в 2 случаях, отмеченных в 2020 г.) только в тех ситуациях, когда факт суицида был напрямую связан с признаками деяния, описанными в диспозиции статьи, если оно было совершено членом семьи. В подобных случаях всегда следует учитывать то обстоятельство, что имеется существенная разница между понятиями «причина» и «повод» суицида или покушения на суицид.

При регистрации уголовного правонарушения по ст. 105 УК РК может не быть явных свидетельств тому, что причиной суицида было именно неблагополучие или факты насилия в семье, поскольку, как правило, на поверхности обнаруживается именно повод, а не причина.

Обращаясь к последнему нормативному акту, внесшему тотальные изменения в законодательство по вопросам противодействия семейно-бытовому насилию (Закон РК от 15 апреля 2024 г. №72-VIII) [17], отметим, что вопросам доведения до самоубийства уделено значительное внимание, что свидетельствует о том, что законодатель непосредственно увязывает качество соответствующего уголовно-правового запрета и правоприменительной практики с профилактикой семейно-бытового насилия. Так, в частности, подвержено изменению само название ст. 105 УК РК, которая в новом варианте именуется как «Доведение до самоубийства, склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства», что, соответственно отражается и на объективной стороне уголовно наказуемого поведения за счет добавления альтернативных действий (склонение, содействие).

При этом максимальное наказание по ч. 3 ст. 105 УК РК, т.е. за факт совершения деяния в отношении несовершеннолетнего, увеличено с 8 до 9 лет лишения свободы. Кроме того, этим же Законом в УК РК вводится новый состав уголовного правонарушения, предусматривающий уголовную ответственность за пропаганду самоубийства при отсутствии признаков уголовного правонарушения, предусмотренного ст. 105 УК РК. Именно по указанным причинам будет закономерным утверждение, что несмотря на слабо выраженные количественные показатели в отношении случаев доведения до самоубийства в семейно-бытовой сфере, данный состав также должен быть включен в группу деяний, сопряженных с семейно-бытовым насилием.

В целом, нельзя не отметить, что методология отнесения того или иного деяния именно к семейно-бытовой сфере в рамках статданных КПСиСУ является не вполне очевидной. Так, в структуре насильственных уголовных правонарушений против личности соответствующая связь обнаруживается гораздо проще по той причине, что имеется интеракция виновного лица и потерпевшего (то есть один член семьи причиняет физическое или психическое насилие другому члену семьи). Что же касается иных видов уголовных правонарушений, то соответствующие взаимодействия могут не иметь очевидного характера. В частности, бывший супруг (супруга), осуществляющий преследование бывшей супруги (супруга), может осуществить акт вымогательства под угрозой распространения тех или иных сведений или причинения вреда здоровью.

Аналогичным образом можно представить и ситуации умышленного уничтожения имущества лица, находящегося в тех или иных отношениях с виновным (например, невесты, жениха, бывшего супруга), но к текущему периоду совместно не проживающих. Исходя из сложившейся трактовки семейно-бытовых отношений, соответствующие деяния могут и не быть включены в статистику как совершение именно в семейно-бытовой сфере. Таким образом, методология учета семейно-бытового характера преступления в данных КПСиСУ требует четких, унифицированных критериев (к настоящему времени критерии соответствующего учета вообще не известны).

Итак, для решения вопросов системного учета и построения эффективной системы противодействия семейно-бытовому насилию на основе

закономерностей, выявленных в статистических данных КПСиСУ Генпрокуратуры РК, а также приведенной теоретической аргументации в качестве самостоятельной группы уголовных правонарушений, сопряженных с семейно-бытовым насилием, следует выделить уголовные правонарушения, предусмотренные следующими статьями УК РК: ст. 99 (убийство); ст. 101 (убийство, совершенное в состоянии аффекта); ст. 102 (убийство при превышении пределов необходимой обороны); ст. 105 (доведение до самоубийства, склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства), ст. 106 (умышленное причинение тяжкого вреда здоровью); ст. 107 (умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью); ст. 110 (истязания); ст. 111 (причинение вреда здоровью в состоянии аффекта); ст. 112 (причинение тяжкого вреда здоровью при превышении пределов необходимой обороны); ст. 115 (угроза); ст. 120 (изнасилование); ст. 121 (насильственные действия сексуального характера); ст. 121-1 (совершение непристойных действий сексуального характера в отношении лица, заведомо не достигшего шестнадцатилетнего возраста); ст. 122 (половое сношение или иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим 16-летнего возраста); ст. 124 (разращение малолетних).

Безусловно, к данному перечню будут отнесены и реконструированные Законом РК от 15 апреля 2024 г. №72-VIII в УК РК составы умышленного причинения легкого вреда здоровью (ст. 108-1) и побоев (ст. 109-1). Именно в рамках этих двух видов посягательства на физическую неприкосновенность традиционно концентрируется обобщенное понимание насилия в сфере семейно-бытовых отношений. В силу чего закономерно предположение, что процент их совершения именно в семейно-бытовой сфере будет наиболее высоким в будущих статистических отчетах КПСиСУ Генпрокуратуры.

Соответственно, данный перечень предлагается к включению в круг основных терминов и понятий, отраженных в ст. 3 УК РК, с обязательным указанием на признак совершения данных деяний именно к семейно-бытовой сфере: *«уголовные правонарушения, относящиеся к сфере семейно-бытового насилия – деяния, предусмотренные статьями 99, 101, 102, 105, 106, 107, 108-1, 109-1, 110, 111, 112, 115, 120, 121, 121-1, 122 и 124 настоящего кодекса, если они совершены в семейно-бытовой сфере».*

С точки зрения структурного расположения данного перечня в ст. 3 УК РК, очевидно, следует ориентироваться на последние изменения, внесенные Законом РК от 15 апреля 2024 г. №72-VIII, посредством которого в ст. 3 был внесен п. 18-1), содержащий перечень преступлений, связанных с насилием в отношении несовершеннолетних (перечень соотносится с деяниями, посягающими на различные объекты уголовно-правовой охраны, но объединенных общим признаком насилия в отношении несовершеннолетних).

Спорными остаются критерии отнесения деяния к сфере семейно-бытовых отношений. Согласно Закону РК «О профилактике бытового насилия», семейно-бытовые отношения определяются как отношения между супругами, бывшими супругами, лицами, проживающими или проживавшими

совместно, близкими родственниками и лицами, имеющими общего ребенка (детей) [19].

Следует отметить, что в законодательстве Республики Казахстан существуют различные подходы к учету степени родства и семейной принадлежности лиц. Так, ст. 7 УПК РК от 4 июля 2014 года выделяет две категории родства: «близкие родственники» и «родственники». Под «близкими родственниками» понимаются родители, дети, усыновители (удочерители), усыновленные (удочеренные), полнородные и неполнородные братья и сестры, дедушки, бабушки и внуки. «Родственники» же – это лица, находящиеся в родственной связи и имеющие общих предков до прадедушки и прабабушки [21].

Таким образом, различия в определениях родства и семейных отношений в законодательстве РК создают определенные сложности при квалификации деяний, относящихся к семейно-бытовому насилию, и требуют унификации терминологии для более четкого правоприменения. Схожее, но имеющее некоторое отличие понятие близких родственников приводится в Кодексе РК «О браке (супружестве) и семье» от 26 декабря 2011 г. «близкие родственники - родители (родитель), дети, усыновители (удочерители), усыновленные (удочеренные), полнородные и неполнородные братья и сестры, бабушка, внучка, внуки» [27]. Отличие в данном случае заключается в том, что брачно-семейное законодательство детализирует вопрос относительно родительства, упоминая родителей как во множественном, так и в единственном числе («родитель»). Очевидно, это специфика именно семейно-брачного законодательства, в котором данный акцент необходим, в том числе и для исключения фактора дискриминационного характера в отношении полных и неполных семей. При этом термин «родственники» Кодекс РК «О браке (супружестве) и семье» не содержит, однако включает два других понятия – «семья» и «свойство». Так, семья определяется как «круг лиц, связанных имущественными и личными неимущественными правами, и обязанностями, вытекающими из брака (супружества), родства, свойства, усыновления (удочерения) или иной формы принятия детей на воспитание и призванными способствовать укреплению и развитию семейных отношений». В свою очередь, свойство характеризуется как «отношение одного из супругов к близким родственникам другого супруга».

Совершенно иначе трактует понятие «член семьи» ст. 21 Закона РК от 16 апреля 1997 года «О жилищных отношениях». Так, в соответствии с ч. 1 указанной статьи, «членами семьи собственника жилища признаются постоянно совместно проживающие супруги и их дети. Родители супругов, а также дети, имеющие свои семьи и постоянно проживающие с собственником, могут быть признаны членами семьи собственника только по взаимному согласию». При этом в ч. 2 ст. 21 указанного законодательства отмечается, что «членами семьи собственника жилища могут быть признаны в исключительных случаях и другие лица, если они постоянно проживают с собственником и ведут с ним общее хозяйство не менее пяти лет. Нетрудоспособные иждивенцы

являются членами семьи собственника, если они постоянно проживают с собственником» [109].

Это лишь некоторые вариации определения степени родства и близости лиц по отношению друг к другу, исходя из кровного или социального родства, свойства, совместного проживания и других обстоятельств, поскольку специфические трактовки имеют место и в гражданском законодательстве (в частности, в институте наследования определяются наследственные очереди); и в уголовно-исполнительном законодательстве (в части коммуникации осужденных в период отбывания лишения свободы с лицами, с которыми у осужденных имеются совместные дети) и т.д. Соответственно, возникает вопрос относительно того, насколько достаточным и полным является определение понятия «семейно-бытовые отношения» в Законе РК «О профилактике бытового насилия» [19].

С одной стороны, имеются необходимые оговорки, которые расширяют сферу семейно-бытовых отношений: указание на бывших супругов, а также лиц, ранее проживавших совместно. С другой стороны, и данная трактовка необоснованно сужает круг лиц, между которыми могут складываться семейно-бытовые отношения. Так, в частности, не учитываются тети, дяди, двоюродные братья и сестры, свойственники (тещи, тесты, свекрови, свекры и т.д.). При этом Кодекс РК «О браке (супружестве) и семье» отношения свойства также относит к качеству, которое допустимо для признания принадлежности к одной семье. Кроме того, следует учитывать, что специфика родственных взаимодействий в Казахстане складывается таким образом, что для этнических казахов типичным является поддержание отдаленных родственных связей, в связи с которыми даже дальние родственники или свойственники могут проживать совместно на постоянной или временной основе.

Таким образом, определение, приведенное в Законе РК «О профилактике бытового насилия», с одной стороны, сформулировано исходя из потребностей охраны соответствующей сферы общественных отношений (в этом смысле оно вполне обоснованно отстает от дефиниций, содержащихся в иных законодательных актах); с другой стороны, в действующей редакции оно существенно сужает сферу, которая вполне обоснованно может быть отнесена к сфере семейно-бытовых отношений. При этом примечательно, что согласно Всеобщей декларации прав и свобод человека «семья является естественной и основной ячейкой общества и имеет право на защиту со стороны общества и государства», то есть вообще отсутствует акцент на той или иной степени родства и иных признаках объединения людей в рамках семьи.

Чрезмерное расширение сферы семейно-бытовых отношений до случаев любого совместного проживания людей, конечно же недопустимо. Так, в течение длительного времени совместно могут проживать бригады работников, прибывшие из другой местности; студенты, обучающиеся в учреждениях среднего и высшего образования и т.д.

В подобных ситуациях имеется факт бытовых, но отсутствуют признаки семейных отношений. Вместе с тем, и сужение сферы семейных

взаимодействий, допущенное в Законе РК «О профилактике бытового насилия», также следует признать неверным.

Совершенно справедливым нам представляется указание О.Ю. Ильиной, что «семья определяется в качестве разных по содержанию понятий как социальная категория и как правовая категория» [110].

Специалисты в области семейного права вообще всегда подчеркивают, что имеет место правовое и общее (социологическое) определение понятия семьи. При этом, в контексте правового понятия семьи всегда подчеркивается фактор наличия взаимных прав и обязанностей: «в юридическом смысле, семья – это круг лиц, связанных правами и обязанностями, вытекающими из брака, родства, усыновления или иной формы принятия детей на воспитание и призванными способствовать укреплению и развитию семейных отношений» [111].

Во многих работах, посвященных понятию семьи, преобладает акцент именно на социальных ее функциях (что, в частности, является одним из значимых разграничительных критериев для отделения данного понятия от понятий брака, родства) [112]. При этом часто подчеркивается многофункциональность семьи, которая связана как с вопросами деторождения и продолжения рода, так и с большим комплексом общественных отношений по взаимной экономической поддержке, духовном развитии и т.д. [113].

Будет справедливым утверждение относительно того, что общественные отношения, которые приняты под охрану Законом РК «О профилактике бытового насилия» [19], преимущественно ориентированы не на оценку взаимных прав и обязанностей членов семьи (в понимании семейного, жилищного и иных отраслей национального права), а на обеспечение физической, сексуальной, экономической и психической (психологической) безопасности лиц, которые по причине той или иной степени родства постоянно или временно проживают вместе и, соответственно, зависимы от поведения иных членов семьи.

По этой причине соответствующее определение понятия «семейно-бытовые отношения», включенное в Закон РК «О профилактике бытового насилия», целесообразно подвергнуть следующему изменению: «*семейно-бытовые отношения – отношения между супругами, бывшими супругами, лицами, проживающими или проживавшими совместно, близкими родственниками, родственниками, свойственниками, лицами, имеющими общего ребенка (детей)*». Данное определение позволяет решить задачи, которые следуют из самого предназначения Закона РК «О профилактике бытового насилия» за счет обоснованного расширения круга субъектов семейно-бытовых отношений. При этом категория «близкие родственники» не имеет разночтений в рамках национального законодательства (ранее были приведены практически аутентичные формулировки из УПК РК, Кодекса РК «О браке (супружестве) и семье»), в связи с чем, ее сохранение в формулировке представляется необходимым, наряду с расширением сферы до категорий «родственники», «свойственники».

Несмотря на то обстоятельство, что обособленный нами перечень уголовных правонарушений, относящихся к сфере семейно-бытового насилия, фактически относится к одному родовому объекту уголовно-правовой охраны (личность), в его структуру входят деяния, посягающие на различные непосредственные объекты – жизнь, здоровье, половая свобода и половая неприкосновенность. Вместе с тем, есть основания для того, чтобы вести речь об особом, отличном от категории «личность» объекте соответствующей группы уголовных правонарушений. Объект уголовных правонарушений, формирующий феномен семейно-бытового насилия, должен отражать ту специфичную качественную характеристику общественных отношений, в структуре которых не только недопустим любой вид насилия, но напротив, должны иметь место элементы внутренней безопасности, защищенности, доверия и взаимной поддержки.

Хотя мы обосновали перечень уголовных правонарушений, относящихся к сфере семейно-бытового насилия, и предложили расширительное толкование понятия «семейно-бытовые отношения», очевидно, что это ещё не в полной мере отражает необходимость повышения параметров уголовной ответственности за соответствующие деяния, которая стала лейтмотивом многих изменений, внесённых в УК РК, в том числе и Законом РК от 15 апреля 2024 г. №72-VIII [17].

До настоящего времени отсутствуют четко обозначенные параметры соответствующей защиты от насилия именно в структуре семейно-бытовых отношений. Соответствующий пробел может быть устранен только посредством дополнения всех составов уголовных правонарушений, включенных в ранее обоснованный перечень, дополнительным квалифицирующим признаком – *«совершенное в отношении лица, состоящего с виновным в семейно-бытовых отношениях»*.

Здесь следует особо отметить, что включение соответствующего квалифицирующего обстоятельства не предполагает дискриминацию иных форм социального взаимодействия людей (в рамках трудовых коллективов, дружеских и иных отношений и др.), однако позволит отразить повышенную степень общественной опасности насилия в семье, которая обусловлена целым рядом факторов: трудностями быстрого дистанцирования от агрессора; нередко сильно выраженной материальной и иной зависимостью одних членов семьи от других; сравнительно более сильными эмоциональными переживаниями по поводу соответствующих насильственных инцидентов и т.д. [114].

Очевидно, именно по этой причине в исследованиях, посвященных проблеме семейно-бытового насилия, высказываются схожие предложения.

В частности, Л.О. Отабоева предлагает в рамках соответствующего квалифицирующего признака указать на наличие «интимной или эмоциональной связи», а также «совершение в домашней обстановке» [115], что фактически является частной вариацией предложенной формулировки.

Высказывались также и мнения о необходимости формулировки отдельных составов в дополнении к существующим, которые регламентировали бы именно факты совершения насильственного деяния в отношении члена

семьи («доведение до самоубийства члена семьи», «истязания члена семьи» и т.д.) [116].

Однако, с точки зрения законодательной техники подобное решение небезупречно (хотя и в большей степени акцентирует внимание на специфике данных преступлений), в силу чего выше предложенная формулировка представляется более благополучной.

С данной позицией согласуются результаты социологического опроса, проведённого в рамках диссертационного исследования, согласно которым 56% респондентов из числа сотрудников полиции и 61,1% жертв семейно-бытового насилия поддерживают введение квалифицирующего признака *«совершенное в отношении лица, состоящего с виновным в семейно-бытовых отношениях»*, что позволит учесть повышенную степень общественной опасности насилия в семейном контексте [117].

Определившись с кругом уголовных правонарушений, которые следует отнести к преступным деяниям в сфере семейно-бытовых отношений при условии их совершения в семейно-бытовой сфере и для решения поставленных научно-исследовательских задач следует отследить динамику изменений в казахстанском законодательстве в рамках соответствующих посягательств с момента принятия УК РК 1997 года и по настоящее время.

Значимые изменения, с которыми можно связывать уже первоначальные акценты законодателя на вопросах противодействия семейно-бытовому насилию, были внесены в УК РК 1997 года Законом РК от 23 ноября 2010 г. №354-IV [118], который непосредственно касался вопросов обеспечения прав ребенка. Очевидно, данные изменения были во многом детерминированы тем обстоятельством, что в 2009 году был принят Закон РК «О профилактике бытового насилия». Так, в частности, ч. 2 ст. 96 УК РК редакции 1997 года в связи с указанным законом была дополнена ранее отсутствовавшим квалифицирующим признаком (п. «о» - заведомо несовершеннолетнего лица).

Законом РК от 23 ноября 2010 г. №354-IV было внесено аналогичное дополнение ряда квалифицирующих признаков путем включения в ч. 2 ст. 103 УК РК редакции 1997 года пункта «л» (в отношении заведомо несовершеннолетнего).

Наиболее значимым изменением следует считать выделение в качестве особо квалифицирующего признака убийства (ч. 3 ст. 99 УК РК 2014 г.) малолетнего возраста потерпевшего. Это сопровождается увеличением санкции до 20 лет лишения свободы с пожизненным лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью либо пожизненным лишением свободы с конфискацией имущества или без таковой.

Ужесточение ответственности за убийство лица, не достигшего 14-летнего возраста, продолжено и в Законе РК от 15 апреля 2024 года № 72-VIII. В соответствии с ним в части 3 статьи 99 УК РК устанавливается единственное безальтернативное наказание в виде пожизненного лишения свободы.

В соответствии с Законом РК от 17 марта 2023 г. №212-VII, п. 3 ч. 2 ст. 106 УК РК был дополнен признаком «материальной или иной зависимости от виновного» (несмотря на то, что тематический акцент соответствующего

нормативного правового акта не сопряжен непосредственно с проблематикой семейно-бытового насилия, тем не менее, он является одним из наиболее востребованных, в том числе, и при квалификации посягательств анализируемой группы) [119].

Кроме того, аналогично изменениям, внесенным в ст. 106 УК РК, п. 3 ч. 2 ст. 107 УК РК Законом РК от 17 марта 2023 г. №212-VII был дополнен указанием на «материальную или иную зависимость от виновного».

Самая неоднозначная история изменения в уголовном законе касается менее общественно опасных форм физического насилия – умышленного причинения легкого вреда здоровью и побоев. Так, изначально включенные в УК РК 1997 года ст. 105 и ст. 106 были декриминализованы с переводом в разряд административных правонарушений (статья 106 – Законом РК от 9 декабря 2004 г. №10-III, ст. 105 – Законом РК от 18 января 2011 г. №393-IV). Включенные в УК РК 2014 г. ст. 108 «Умышленное причинение легкого вреда здоровью» и ст. 109 «Побои» (в редакции диспозиций, сопоставимой с той, которая имела место в УК 1997 года до их декриминализации) были декриминализованы Законом РК от 3 июля 2017 г. №84-VI.

После продолжительных обсуждений, связанных с повторной декриминализацией побоев в 2017 году и, обусловленных значительным ростом случаев насилия в сфере семейно-бытовых отношений Законом Республики Казахстан от 15 апреля 2024 года №72-VIII была введена новая редакция нормы об умышленном причинении лёгкого вреда здоровью. В обновлённой статье 108-1 УК РК предусмотрено детализированное описание квалифицирующих признаков в части 2 статьи. За данное деяние предусмотрены следующие виды наказания: штраф до 200 МРП, исправительные работы в аналогичном размере, общественные работы на срок до 200 часов либо арест на срок до 50 суток.

В переработанной норме данное деяние сохранило свою классификацию как уголовный проступок, что соответствует первоначальной редакции ст. 108 УК РК 2014 года (в отличие от УК РК 1997 года, где категория уголовных проступков отсутствовала, и деяние относилось к преступлениям небольшой тяжести). Согласно санкции, ч. 2 новой ст. 108-1 УК РК, оно относится к преступлениям небольшой тяжести, с максимальным наказанием в виде лишения свободы до 2 лет, а также альтернативными мерами: штрафом до 1 тысячи МРП, исправительными работами на тот же срок, общественными работами до 600 часов или ограничением свободы на срок до 2 лет.

Набор квалифицирующих признаков в ч. 2 ст. 108-1 УК РК сопоставим с той комплектацией признаков, которые имеют место в других составах преступлений, посягающих на здоровье: «1) в отношении двух или более лиц; 2) в отношении лица или его близких в связи с осуществлением данным лицом служебной деятельности или выполнением профессионального или общественного долга; 3) с особой жестокостью, а равно в отношении лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии либо в материальной или иной зависимости от виновного; 4) группой лиц, группой лиц по предварительному сговору; 5) из хулиганских побуждений; 6) по мотиву

социальной, национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды; 7) неоднократно; 8) в отношении заведомо несовершеннолетнего...».

Законом от 15 апреля 2024 г. №72-VIII была также обновлена ст. 109-1 «Побои», которая, аналогично ст. 108-1, также оформлена с применением значительного количества квалифицирующих признаков (полностью аутентичным тем, которые включены в ст. 108-1).

В отличие от ст. 108-1 УК РК, ст. 109-1 УК РК и в ч. 1, и в ч. 2 относится к уголовным проступкам, соответственно, санкция ч. 2 ст. 109-1 УК РК повышена, но в рамках диапазона наказаний, применяемых к уголовным проступкам.

В данном случае следует обратить внимание на явное несоответствие повторно произведенной криминализации и пенализации в отношении составов побоев и умышленного причинения легкого вреда здоровью (в особенности, второго).

Исследования концепции уголовного проступка в настоящее время являются одними из центральных в уголовно-правовой науке стран ближнего зарубежья. Согласно ч. 3 ст. 10 УК РК, законодатель определяет три основных признака для квалификации деяния как уголовного проступка:

- 1) деяние не обладает большой степенью общественной опасности;
- 2) деяние причинило незначительный вред либо создало угрозу причинения вреда;

- 3) деяние наказуемо только определенными видами уголовного наказания.

Фактически данным определением, несмотря на трехзвенную систему принципов, законодатель ставит акцент именно на виде и размере наказания, которое назначается за совершение уголовного проступка, поскольку оно предопределено в санкциях соответствующих статей УК РК и не дает возможности правоприменителю самому оценивать степень общественной опасности и параметры причиненного вреда или угрозы его причинения.

В преддверии принятия УК РК, И.Ш. Борчашвили указывал на неоднозначность отношения к данной категории со стороны представителей научного сообщества. При этом сам ученый выразил мнение, что изменение административной юрисдикции на уголовную является нежелательным (в крайнем случае, оно должно быть минимальным). Что же касается признаков уголовного проступка, то И.Ш. Борчашвили выразил мнение, что он не должен влечь судимости, наказываться лишением свободы, а также должен иметь более выраженные поощрительные механизмы в плане освобождения от уголовной ответственности [120]. При этом в более ранних публикациях И.Ш. Борчашвили совершенно справедливо отмечал, что гуманизация уголовной политики вовсе не может сводиться к вопросам оценки санкций и наказания как такового; кроме того, она не может касаться только лиц, совершивших преступления, но также, должна быть адресована и потерпевшим [121].

При этом первоначально обоснование категории «уголовный проступок» в теории уголовного права, по мнению Г.А. Кригер, было связано с оценкой

деяния как не причинившего значительного вреда [122]. Аналогично, В.В. Хилюта уже в контексте современных оценок понятия «уголовный проступок» обосновывает мысль, что к нему должны быть отнесены незначительные преступления и тяжкие административные проступки [123].

Б.Я. Гаврилов, Е.В. Рогова оценивают уголовный проступок как деяние, представляющее сравнительно меньшую степень общественной опасности, что предполагает менее строгие виды наказания и отсутствие судимости [124]. Имеются также и позиции, согласно которым уголовный проступок – это деяние, за которые ввиду незначительной степени общественной опасности применяются меры, заменяющие уголовное наказание [125]. «Уголовный проступок как второй вид уголовного правонарушения, - пишет А.М. Герасимов, - целесообразно не наделять свойством общественной опасности, а определять посредством ее исключения на уровне правоприменения» [126].

Таким образом, концепция деления уголовных правонарушений на преступления и уголовные проступки до настоящего времени не является до конца оформленной. Как уже отмечено выше, законодатель пошел по пути формально-определенного отнесения деяния к уголовному проступку несмотря на то, что определение включает и оценочные признаки. Фактически соответствующую оценку законодатель оставил за собой, исключая решение данного вопроса на уровне правоприменения.

Именно по этой причине следует признать решение законодателя ошибочным, как минимум, в отношении ст. 108-1 УК РК, поскольку причинение легкого вреда здоровью есть последствие, которое не может быть признано в качестве незначительного вреда.

Во-первых, сам факт уже вторичной криминализации данного деяния свидетельствует о признании ошибочности предшествующих решений.

Во-вторых, криминализация стала фактом признания необходимости именно уголовно-правовых методов борьбы с явлениями, существенным образом ухудшившими криминальный фон в стране.

В-третьих, следует закрепить в уголовном законе вектор на безоговорочное признание физической неприкосновенности человека в качестве одного из наиболее значимых благ, независимо от тяжести причиненного вреда. Соответственно, в данном случае апелляция к более упрощенным процессуальным процедурам (Глава 55 УПК РК) должна быть признана несостоятельной. Причем, в данном случае нет необходимости настаивать на том, чтобы по ст. 108-1 УК РК перечень наказаний включал лишение свободы, достаточно того, чтобы он соответствовал критериям именно преступления, а не уголовного проступка [127].

Заключительные к настоящему времени изменения в рамках ст. 110 УК РК «Истязания» были внесены Законом РК от 15 апреля 2024 г. №72-VIII, которым была кардинальным образом изменена диспозиция части 1 данной статьи: «Причинение физических или психических страданий путем насильственных действий, совершенных с особой жестокостью, издевательством, с целью доставить мучения потерпевшему, если это деяние не

повлекло причинения тяжкого или средней тяжести вреда здоровью...». Попутно была изменена также и санкция ч. 1 ст. 110 УК РК посредством исключения из альтернативного перечня наказаний штрафа, ограничения свободы, а также повышение максимального срока наказания в виде лишения свободы с 2 до 3 лет. Санкция ч. 2 ст. 110 УК РК также была ужесточена за счет оставления безальтернативного наказания в виде лишения свободы.

Примечательно, что Законом РК от 15 апреля 2024 г. №72-VIII параметры ответственности за угрозу не были увеличены, несмотря на то обстоятельство, что ранее были приведены статданные, согласно которым объем совершения деяний по ст. 115 УК РФ в сфере семейно-бытовых отношений является значительным.

На всем протяжении развития уголовного законодательства РК в рамках группы преступлений, которые мы ранее определили, как уголовные правонарушения, относящиеся к сфере семейно-бытового насилия, наиболее часто и кардинально изменяемыми были составы половых посягательств, в особенности, состава изнасилования и насильственных действий сексуального характера.

Существенные изменения в рамках ст. 120 УК РК «Изнасилование» редакции 1997 года были произведены Законом РК от 23 ноября 2010 года №354-IV, касающегося защиты прав ребенка [118]. Соответственно, основные изменения, которые были произведены в рамках анализируемой статьи УК РК, затрагивали именно вопросы повышения степени уголовно-правовой защиты несовершеннолетних и малолетних лиц от данного вида насильственного полового посягательства.

Изменения привели к большей фрагментации структуры ст. 120 УК РК (причем, данная тенденция будет сохраняться и в дальнейшем), в результате которых совершение данного преступления в отношении несовершеннолетней было переведено в разряд особо квалифицирующих признаков (в ч. 3 ст. 120 УК РК), а посягательства на половую неприкосновенность малолетних лиц, соответственно, были выведены в самостоятельный состав (ч. 4 ст. 120 УК РК) с повышенными параметрами уголовной ответственности (максимальный размер лишения свободы был увеличен с 15 до 20 лет).

При этом и в ч. 3 ст. 120 УК РК (именно применительно к заведомо несовершеннолетним лицам), и в ч. 4 ст. 120 УК РК было включено дополнительное наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок от 10 до 20 лет (логическое толкование санкций ч. 3 ст. 120 и ч. 4 ст. 120 анализируемой редакции УК РК свидетельствует о том, что данное дополнительное наказание должно было применяться с момента изменений кумулятивно-обязательно).

В контексте произведенных Законом РК от 23 ноября 2010 года №354-IV изменений обращает на себя внимание только один спорный момент объединения неравномерных по степени своей общественной опасности квалифицирующих признаков. Так, в частности, в рамках ч. 3 ст. 120 УК РК одновременно оказались случаи совершения изнасилования в отношении заведомо несовершеннолетней (п «в» ч. 3) и случаи совершения данного деяния

родителем, педагогом либо иным лицом, на которых законом возложены обязанности по ее воспитанию (п. «д» ч. 3 ст. 120 УК РК). Фактически законодатель разрешил данную диспропорцию тем, что в отношении пункта «д» предусмотрел назначение обязательного дополнительного наказания.

Ст. 120 УК РК редакции 2014 года, в целом, восприняла редакцию ст. 120 УК РК редакции 1997 года. Произведенные на начальном этапе изменения коснулись следующих моментов: в перечень квалифицирующих признаков ч. 2 ст. 120 был включен признак совершения деяния преступной группой (п. 6 ч. 2 ст. 120); нижний предел наказания в виде лишения свободы в ч. 2 ст. 120 был увеличен с 8 до 10 лет; срочность дополнительного наказания в виде запрета занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью в случае совершения изнасилования несовершеннолетнего лица родителем, педагогом или иным лицом, на которое возложены обязанности по его воспитанию (от 10 до 20 лет в УК РК 1997 г.) была заменена на пожизненный запрет; в ч. 4 ст. 120 УК РК произошла терминологическая замена формулировки «в отношении потерпевшей, заведомо не достигшей четырнадцатилетнего возраста» на «заведомо малолетнюю»; в ч. 4 ст. 120 УК РК, аналогично ч. 3 этой же статьи запрет занимать определенной должности или заниматься определенной деятельностью также установлен пожизненно.

Законом РК от 1 апреля 2019 года №240-VI [128], тематическая направленность которого непосредственно была связана с повышением гарантий прав детей, ст. 120 УК РК была подвергнута структурным и содержательным изменениям. Так, из части 3 статьи были исключены квалифицирующие признаки «в отношении заведомо несовершеннолетней», а также совершения деяния в отношении несовершеннолетней «родителем, педагогом либо иным лицом, на которое законом Республики Казахстан возложены обязанности по ее воспитанию». Соответственно, изменению была подвергнута и санкция ч. 3 ст. 120 УК РК (корреспондирующее изменение по изъятию из санкции дополнительного наказания в виде запрета занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью).

В связи с осуществленными изъятиями, была сконструирована новая дополнительная ч. 3-1 ст. 120, в которую были включены соответствующие признаки с повышением санкции (если ранее за подобные действия диапазон наказания в виде лишения свободы был от 10 до 15 лет, то после изменений он составил от 12 до 17 лет); при этом пожизненный запрет занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью вновь приобрел кумулятивно-обязательное значение (для п. 2 ч. 3-1 ст. 120 УК РК), причем для обоих квалифицирующих признаков, которые были перенесены в ч. 3-1 ст. 120 УК РК. Этим же законом была изменена санкция ч. 4 ст. 120 УК РК (особо квалифицированный состав, в котором потерпевшими от преступления являются малолетние) за счет повышения минимального размера срока наказания в виде лишения свободы с 15 до 17 лет.

При этом внесенное изменение Законом от 1 апреля 2019 года №240-VI, касающееся формулировки дополнительной ч. 3-1 ст. 120 УК РК были изменены посредством изменения формулировки «в отношении заведомо

несовершеннолетней» на формулировку «в отношении несовершеннолетней». Несмотря на незначительность текстуального изменения в данном случае, оно имеет значительные правовые последствия в том смысле, что законодатель фактически освобождает правоприменителя от установления признака «заведомого» знания виновным лицом информации относительно фактического возраста потерпевшей от преступления. Данное изменение можно признать концептуальным решением законодателя, поскольку формулировка в «отношении заведомо несовершеннолетнего» длительное время оставалась неизменной (отдельные вопросы, связанные с подходом к признаку заведомой информированности виновного лица о признаках потерпевшего, далее будут подвергнуты исследованию).

При этом указанным нормативным правовым актом также ст. 120 УК РК была дополнена новой ч. 3-2, в которую был перенесен из ранее действовавшей редакции ч. 3 признак «повлекли по неосторожности смерть потерпевшей», а также был включен новый особо квалифицирующий признак «в отношении двух и более несовершеннолетних лиц» с наказанием в виде лишения свободы на срок от 17 до 20 лет с пожизненным лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью либо пожизненным лишением свободы. Исходя из всех произведенных изменений, была также изменена редакция ч. 4 ст. 120 УК РК с перечислением признаков предыдущих частей ст. 120 УК РК, если соответствующее деяние было совершено в отношении малолетней.

Причем, в последнем случае (ч. 4 ст. 120 УК РК) альтернативность наказания была существенно снижена: лишение свободы на срок 20 лет с пожизненным лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью или пожизненное лишение свободы.

Все перечисленные изменения и дополнения в ст. 120 УК РК, которые имели место в уголовном законодательстве, начиная с принятия УК РК 1997 года и до ныне действующей редакции УК РК 2014 г., в полной степени относимы и к ст. 121 УК РК «Насильственные действия сексуального характера», поскольку на всем протяжении действия уголовного закона все изменения в данные две статьи всегда имели дублирующий характер, что свидетельствует о придании равной степени общественной опасности как самим посягательствам, так и различным комбинациям квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков в рамках данных составов.

Суммируя все этапы вносимых изменений в ст. 120 УК РК (и ст. 121 УК РК) с УК РК 1997 г. и вплоть до последней редакции в рамках УК РК 2014 г. следует признать, что тотальное повышение степени наказуемости изнасилования (особенно в последние несколько лет) привело к тому, что в рамках Закона от 15 апреля 2024 г. №72-VIII фактически отсутствовала возможность к тому, чтобы включить еще более репрессивные предписания. В итоге единственным изменением стало установление безальтернативного пожизненного лишения свободы в случаях, когда посягательство совершается в отношении малолетних лиц (ч. 4 ст. 120 УК РК). Соответственно, к настоящему времени можно констатировать, что казахстанский законодатель фактически

достиг максимума в плане ужесточения санкций различных частей ст. 120 УК РК, в том числе и крайне высокой степени дифференцированности квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков.

В контексте ст. 122 УК РК редакции 1997 года «Половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста» первые изменения были внесены Законом РК от 5 мая 2000 г. №47-II: был дополнен перечневый ряд деяний сексуального характера за счет дополнения формулировкой «иные действия сексуального характера», а максимальный срок лишения свободы был увеличен с 3 до 5 лет.

Заметные изменения были внесены в ст. 122 УК РК Законом РК от 23 ноября 2010 года №354-IV. Так, статья была дополнена двумя новыми частями: ч. 2, предусматривающей повышенную ответственность за совершение посягательства родителем, педагогом либо иным лицом, на которых законом возложены обязанности по его воспитанию (с максимальным сроком наказания в виде лишения свободы в виде 7 лет и запретом занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок от 10 до 20 лет); ч. 3, повышающая наказуемость деяния максимально до 10 лет лишения свободы (в том числе и с применением указанного дополнительного наказания) в случаях, когда деяние было совершено неоднократно.

При конструировании ст. 122 УК РК в редакции уголовного закона 2014 года были сразу увеличены санкции по всем частям данной статьи (при этом формулировки диспозиций всех трех частей остались неизменными). Так, в ч. 1 ст. 122 УК РК в редакции 2014 г. был повышен высший предел наказания в виде ограничения свободы с 3 до 5 лет (данное изменение было больше «технического» характера», т.к. срок лишения свободы в последней действующей редакции ч. 1 ст. 122 УК РК 1997 г. уже содержал наказание в виде лишения свободы до 5 лет).

Законом от 1 апреля 2019 г. №240-VI была изменена редакция ч. 2 ст. 122 УК РК. В соответствии с данными изменениями в перечень специальных субъектов, действия которых имеют повышенные параметры общественной опасности при совершении посягательства, были включены также отчим и мачеха. Тем самым были фактически учтены негативные криминологические тенденции, которые имеют место в стране, поскольку при отсутствии упоминания данных лиц они фактически подлежали ответственности по ч. 1 ст. 122 УК РК. При этом, как уже неоднократно подчеркивалось, семейно-бытовые отношения, которые следует ставить под защиту в рамках противодействия семейно-бытовому насилию, складываются не только по факту родственного, но и социального родства.

Фактически законодатель в ч. 2 ст. 122 УК РК уравнивает три категории специального субъекта:

- 1) педагог или иное лицо, на которое законом возложена обязанность по воспитанию несовершеннолетнего (например, спортивный тренер и др.);
- 2) родители (очевидно, в данном случае предполагается как биологическое, так и социальное родство, возникающее в процессе усыновления);

3) отчим, мачеха – социальное родство по признаку совместного проживания (вступление одного из родителей ребенка в повторный брак).

Законом от 30 декабря 2020 г. №393-VI ст. 122 УК РК была дополнена кумулятивно-обязательным пожизненным запретом занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью; максимальный размер наказания по ч. 2 ст. 122 УК РК был повышен с 10 до 12 лет лишения свободы; в санкции ч. 3 ст. 122 УК РК - увеличен с 10 до 12 лет [129].

Внесением изменений Законом Республики Казахстан от 15 апреля 2024 года №72-VIII было переработано наименование ст. 122 УК РК. Согласно новой редакции, статья звучит «Половое сношение или иные действия сексуального характера с лицом, заведомо не достигшим шестнадцатилетнего возраста, а также получение услуги проституции или иной услуги сексуального характера, оказываемой заведомо несовершеннолетним лицом», что затронуло объективную сторону преступного деяния, дополнив её альтернативным деянием, направленным на более широкий охват и уголовную ответственность за действия, связанные с сексуальной эксплуатацией молодежи (с максимальным сроком наказания в виде лишения свободы до 6 лет с пожизненным запретом занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью). При этом ч.3 и ч.4 УК РК (ранее ч. 2 и ч. 3) остались без изменений.

В целом, соответствующее изменение законодателя следует признать обоснованным, однако, как и в других статьях УК РК 2014 г., устанавливающих ответственность за половые посягательства, редакция данных признаков не вполне удовлетворительная. То есть законодатель пошел по пути акцентирования повышенной степени общественной опасности половых посягательств в сфере семейно-бытовых отношений, что требует более тщательного отношения к определению круга субъектов (например, указание на дедушек, бабушек, братьев, сестер и т.д.).

Трехзвенная структура ст. 124 УК РК «Развращение лиц, не достигших шестнадцатилетнего возраста» была установлена Законом РК от 23 ноября 2010 г. № 354-IV. Так, в ч. 1 ст. 124 УК РК, согласно указанному нормативному правовому акту (при сохранении диспозиции), была изменена санкция, согласно которой в отношении наказания в виде лишения свободы был зафиксирован диапазон от 3 до 5 лет (ранее указывалось до 4 лет без указания минимального предела). При этом ст. 124 УК РК была дополнена новыми частями 2 и 3 с соответствующими квалифицирующими и особо квалифицирующими признаками (изменения носили корреспондирующий характер с другими составами половых посягательств). Часть 2 ст. 124 УК РК с момента издания указанного закона была дополнена признаком совершения деяния специальным субъектом (родителем, педагогом либо иным лицом, на которых законом возложены обязанности по воспитанию малолетнего лица).

Наказуемость по ч. 2 ст. 124 УК РК была установлена в виде лишения свободы сроком от 5 до 7 лет с одновременным лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок от 10 до 20 лет. Ч. 3 измененной редакции ст. 124 УК РК в качестве особо

квалифицирующего признака включила признак неоднократности; соответственно данная форма незаконного поведения стала наказуемой в виде лишения свободы на срок от 7 до 9 лет с кумулятивно-обязательным наказанием, аналогичным ч. 2 ст. 124 УК РК.

С принятием уголовного закона 2014 года ст. 124 УК РК сразу претерпела изменения в сторону заметного повышения репрессивности наказания за развращение малолетних.

Законом от 1 апреля 2019 г. № 240-VI была изменена ч. 2 ст. 124 УК РК (корреспондирующее изменение с иными статьями УК РК, регламентирующими ответственность за половые посягательства): «то же деяние, совершенное в отношении малолетней (малолетнего) родителем, отчимом, мачехой, педагогом либо иным лицом, на которое законом Республики Казахстан возложены обязанности по ее (его) воспитанию...». То есть параллельно с другими статьями был усилен акцент именно на семейно-бытовом факторе отдельных случаев совершения деяния (отчимом, мачехой).

Законом от 30 декабря 2020 г. №393-VI были вновь ужесточены санкции всех частей ст. 124 УК РК. Так, по ч. 1 анализируемой статьи срок лишения свободы был увеличен и в рамках минимального (с 5 до 7 лет). И в рамках максимального размера (с 10 до 12 лет) с пожизненным запретом занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью (ранее от 7 до 10 лет). Минимальные и максимальный размер наказания в виде лишения свободы был изменен и в последующих частях ст. 124 УК РК: по ч. 2 с диапазона от 7 до 12 был установлен диапазон от 10 до 15 лет лишения свободы; в ч. 3 срок от 10 до 15 лет лишения свободы был заменен на срок от 12 до 17 лет.

Наконец, Законом РК от 15 апреля 2024 г. №72-VIII было внесено концептуальное изменение, связанное с повышением возрастных параметров потерпевших по ст. 124 УК РК с 14-летнего возраста до 16 лет, что также является признаком существенного повышения законодательной репрессии за совершение соответствующих действий.

Таким образом, подводя итог теоретическим вопросам, рассмотренным в рамках данного подраздела, можно сформулировать следующие основные выводы:

1. Учитывая то обстоятельство, что к настоящему времени весь сегмент воздействия на насилие в семейно-бытовой сфере перемещен в уголовно-правовую плоскость, на основе статически выявленных закономерностей и на основе теоретических обоснований сформулировано предложение относительно дополнения ст. 3 УК РК перечнем уголовных правонарушений, относящихся к сфере семейно-бытового насилия, который предлагается сформулировать следующим образом: *«уголовные правонарушения, относящиеся к сфере семейно-бытового насилия – деяния, предусмотренные статьями 99, 101, 102, 105, 106, 107, 108-1, 109-1, 110, 111, 112, 115, 120, 121, 121-1, 122 и 124 настоящего кодекса, если они совершены в семейно-бытовой сфере»*. Целесообразность конструирования подобного перечня

обуславливается, во-первых, применимостью подобного подхода казахстанского законодателя, идущего по пути использования перечневого метода в отношении отдельных групп уголовных правонарушений; во-вторых, потребностями в установлении особых параметров уголовной ответственности за уголовные правонарушения, относящиеся к сфере семейно-бытового насилия (в данном случае предполагается перспектива дальнейшего совершенствования уголовного законодательства).

2. Определение понятия семейно-бытового насилия в Законе РК «О профилактике бытового насилия» необоснованно сужает сферу применения положений данного нормативного правового акта, что не соответствует ни нормам других отраслей права национального законодательства, ни международным стандартам и передовой зарубежной практике. По этой причине соответствующее определение понятия «*семейно-бытовые отношения*», включенное в Закон РК «О профилактике бытового насилия», целесообразно подвергнуть следующему изменению: *«семейно-бытовые отношения – отношения между супругами, бывшими супругами, лицами, проживающими или проживавшими совместно, близкими родственниками, родственниками, свойственниками, лицами, имеющими общего ребенка (детей)»*. Данное определение позволяет решить задачи, которые следуют из самого предназначения Закона РК «О бытовом насилии», за счет обоснованного расширения круга субъектов семейно-бытовых отношений.

3. Для более выраженного акцента на повышенной степени общественной опасности насилия в сфере семейно-бытовых отношений во всех составах уголовных правонарушений, включенных в данный перечень, следует включить дополнительный квалифицирующий признак – *«совершенное в отношении лица, находящегося с виновным в семейно-бытовых отношениях»*.

4. Отнесение вновь криминализованного состава умышленного причинения легкого вреда здоровью (ст. 108-1 УК РК) к группе уголовных проступков является ошибочным решением законодателя, не отвечающим как содержанию причинного комплекса, приведшего к принятию соответствующего решения, так и необходимости признания общественной опасности во всех случаях посягательства на физическую неприкосновенность человека как наиболее ценного блага.

5. Национальный опыт законодательной регламентации уголовной ответственности за семейно-бытовое насилие отличается специфической практикой неоднократного изменения сферы юрисдикции в отношении ответственности за побои и умышленное причинение легкого вреда здоровью.

Изначально включенные в УК РК 1997 года ст. 105 и ст. 106 были декриминализованы с переводом в разряд административных правонарушений (статья 106 – Законом РК от 9 декабря 2004 г. №10-III, ст. 105 – Законом РК от 18 января 2011 г. №393-IV). Включенные в УК РК 2014 г. ст. 108 «Умышленное причинение легкого вреда здоровью» и ст. 109 «Побои» (в редакции диспозиций, сопоставимой с той, которая имела место в УК 1997 г. до их декриминализации) были декриминализованы Законом РК от 3 июля 2017 г. №84-VI. Данные дискретные изменения неизбежно повлияли на

криминологическую ситуацию в стране, последствия чего требуют самостоятельного анализа с поиском путей для преодоления негативных тенденций, сформировавшихся в обществе.

6. Динамика изменений, вносимых в уголовный закон в рамках составов уголовных правонарушений, наиболее типичных для сегмента семейно-бытового насилия, свидетельствует о том, что имел место неизменный вектор на ужесточение санкций соответствующих статей, а также на уточнение и включение новых квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков. Особенно явно заметна тенденция возрастания репрессивности по отношению к ответственности за половые посягательства в отношении несовершеннолетних и малолетних лиц. В итоге к настоящему времени санкции ст. 120, 121, 122, 123, 124 УК РК практически достигли возможного максимума, что в дальнейшем потребует поиска дополнительных инструментов уголовно-правового воздействия.

2.2 Направления повышения эффективности уголовно-правовых мер противодействия семейно-бытовому насилию

Уголовно-правовая отрасль в обязательном порядке должна реагировать соответствующими нормативно-правовыми конструкциями на те или иные негативные тенденции социальной действительности. Как показал ранее проведенный историко-правовой анализ изменений, вносимых в уголовный закон по вопросам бытового насилия, казахстанский законодатель шел по пути постоянного повышения параметров ответственности в контексте половых посягательств, в особенности в отношении несовершеннолетних и малолетних лиц.

«Уголовное законодательство, - писал Р.Р. Галиакбаров, - должно включать в себя достаточно жесткий, блок, обеспечивающий решительную борьбу с посягательствами высокой общественной опасности.

Нормы этого типа всегда должны подкрепляться санкциями «ударного» характера [130]. То есть в данном случае срабатывает следующая аргументация: убийство малолетнего лица, изнасилование и насильственные действия сексуального характера в отношении малолетнего лица являются настолько общественно опасными, что законодатель уже не усматривает возможности применения иных мер противодействия.

Данный аспект стал объектом внимания по той причине, что уголовный закон до настоящего времени ограничивается только двумя возрастными категориями в отношении потерпевших от насильственных половых преступлений: малолетние (0-14 лет) и несовершеннолетние (соответственно, 14-18 лет). При этом в возрастной группе «малолетние» практически не учитывается значимое обстоятельство, касающееся степени травматичности для потерпевших различных возрастов актов полового насилия.

Приведем примеры из изученной в ходе исследования судебной практики. 23 марта 2016 года примерно в 13.00 часов гр-н Р. (1978 г.р., проживавший в Абайском районе Карагандинской области, не работающий, со средним образованием, не женат, ранее не судим), находясь в состоянии

алкогольного опьянения, пришел в дом своего брата Р., где с начала 2016 года совместно проживал с его семьей. Воспользовавшись отсутствием своего брата-отчима г-ки А., 2001 г.р., достоверно зная о её несовершеннолетнем возрасте, задался преступным умыслом на совершение насильственных действий сексуального характера в отношении потерпевшей.

Для реализации преступного умысла Р., схватив ее за руки, против воли завел в ванную комнату, где, закрыв дверь изнутри на замок, угрожая А. распространением в отношении нее порочащих ее честь и достоинство сведений, применяя в отношении нее насилие, против воли последней силой совершил в отношении неё насильственные действия сексуального характера. Аналогичные насильственные действия сексуального характера, Р. совершил 24, 27 марта 2016 г., 08 апреля 2016 года, примерно в 13.00 часов, в ванной комнате указанной выше квартиры. 11.04.2016 года примерно в 18.00 часов попытка Р. совершить изнасилование в отношении падчерицы брата не была доведена до конца по причине вмешательства детей и того, что потерпевшая закрыла двери ванной комнаты изнутри. Р. был признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных ст.ст. 24 ч. 3, 120 ч. 3 п.3, 121 ч. 3 п. 3 УК РК и назначено наказание в виде лишения свободы сроком на 11 (одиннадцать) лет с лишением права занимать педагогические должности и должности, связанные с работой с несовершеннолетними на 10 лет [131].

В другом уголовном деле было установлено, что М. (1978 г.р., со средним образованием, состоял в гражданском браке, официально не работал, ранее не судим) воспользовавшись отсутствием посторонних, с использованием беспомощного состояния и посягая на морально-нравственное развитие потерпевшей - малолетней удочеренной дочери М., 2009 г.р. в ночное время будил и уговаривал пройти с ним на кухню, где сажал ее на стул, вставал перед ней и совершал оральное половое сношение. Всего М. совершил шесть фактов орального полового сношения с малолетней падчерицей (осенью 2019 г., зимой 2019 г., летом 2020 г., осенью 2020 г., зимой 2021 г., и 22.08.2021 г.), в их доме. 11.09.2021 года потерпевшая написала матери записку о совершенных фактах насильственных действиях сексуального характера со стороны отца и подкинула ей в сумку. Мельников Д. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 121 ч. 4 УК РК и назначено наказание в виде лишения свободы на 20 (двадцать) лет с пожизненным запретом занимать педагогические должности и должности, связанные с работой с несовершеннолетними. Взыскан моральный вред в сумме 5000000 тенге [132].

В материалах еще одного уголовного дела указывается, что 4 января 2014 года около 12:00 часов, Ш. (1974 г.р., женат, образование среднее, работавший электромонтером, ранее не судим) находясь в своей квартире в г. Экибастуз, реализуя свои преступные намерения, с целью обеспечения тайности совершаемых им преступлений, отправил своего малолетнего сына на кухню. После чего, Ш. оставшись в зальной комнате наедине со своей малолетней дочерью Ш. 2002 г.р. осознавая преступный характер своих низменных действий обнажил свои половые органы и желая достичь полового удовлетворения, используя беспомощное состояние малолетней Ш. с угрозой

применения насилия, подавив её волю к сопротивлению, совершил в отношении нее оральные насильственные действия сексуального характера. После чего, не получив полового удовлетворения, Ш. совершил с ней насильственный половой акт. Проявляя в своих действиях неоднократность, Ш. продолжил свою преступную деятельность в отношении Ш. в период с января 2014 по октябрь 2015 года (более 50 эпизодов). Ш. признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных ст. ст. 120 ч. 4, 121 ч. 4 УК РК, и ему назначено наказание в виде лишения свободы сроком на 20 (двадцать) лет, с пожизненным лишением права заниматься деятельностью и занимать должности в организациях связанных с воспитанием детей [133].

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что вид полового насилия в отношении потерпевших разных возрастных групп нередко имеет отличие по характеру совершаемых действий (в отношении более младших возрастных групп, как показало исследование, чаще совершаются насильственные действия сексуального характера, что можно объяснить стремлением скрыть признаки содеянного). Так, исходя из даты рождения потерпевших, указанных в приведенных приговорах, в первом случае можно предположить достижение 15 лет, во втором – 10, в третьем – 12 лет. Соответственно, если в первом случае речь идет о категории потерпевшей как «несовершеннолетней», то во втором и третьем – как «малолетней». Законодатель совершенно справедливо уравнивает степень общественной опасности полового насилия при изнасиловании и насильственных действиях сексуального характера. Однако следует уже ставить вопрос относительно того, чтобы подвергнуть пересмотру возрастные параметры потерпевших от полового насилия.

Дети все чаще стали восприниматься как объекты удовлетворения нездоровых сексуальных потребностей, причем, шокирует факт все большего насилия в отношении детей, находящихся в возрасте, очень отдаленном от возраста полового созревания. Это тревожное явление и становится своего рода «заказчиком» пересмотра устоявшихся позиций в законодательной регламентации возраста потерпевших от половых посягательства. При этом дальнейшая детализация квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков в рамках статей уголовного закона (ст. 120 и ст. 121 УК РК, а также иных статей, регламентирующих ответственность за посягательства на половую неприкосновенность), исходя из возрастных параметров потерпевших становится уже затруднительной по причине ранее указанных обстоятельств. Вместе с тем, в составах ст. 122 и ст. 124 УК РК, не сопряженных с насилием в строгой уголовно-правовой трактовке, до настоящего времени актуальность возрастного ранжирования не исчерпана.

Отечественные исследователи указывают на гендерную диспропорцию в выявлении потерпевших, поскольку половое насилие в отношении девочек выявляется гораздо чаще, нежели в отношении мальчиков [18]. Это свидетельствует о сложных реалиях современного общества, где либерализация в отдельных сферах общественных отношений не только способствовала устранению дискриминации, но и привела к моральному упадку и игнорированию важности защиты физического и психического здоровья детей.

Согласно казахстанскому законодательству и международным стандартам, ребенок – это лицо младше 18 лет.

Следует отметить, что психологи настойчиво утверждают необходимость повышенной ответственности за половые посягательства в отношении детей, усматривая в качестве негативных последствий не только те или иные проявления полученных психических и физических травм, но и отдаленные проявления психосоматического характера в виде заметной частоты констатирования онкологических заболеваний в достаточно молодом возрасте у лиц, переживших насилие в детском возрасте [28, с. 5-156].

Тот факт, что возраст потерпевшего от насильственных половых преступлений имеет значение для учета в параметрах уголовной ответственности и наказания подтверждается и практикой сопутствующих законодательных изменений, которые вносились по соответствующему вопросу. Так, к примеру, в ст. 65 УК РК, предусматривающую возможность освобождения от уголовной ответственности (равно как и в отдельные другие обстоятельства данной группы), Законом РК от 9 апреля 2016 г. №501-V было внесено изменение, согласно которому ограничение по применению нормы о деятельном раскаянии (ч. 2 ст. 65 УК РК) не распространяется на несовершеннолетних лиц, совершивших преступления против половой неприкосновенности лиц в возрасте от 14 до 18 лет.

Данным нововведением (которое коснулось и иных обстоятельств, дающих возможность к освобождению от уголовной ответственности) законодатель фактически гуманизировал соответствующие положения в отношении лиц, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте. С другой стороны, очень важно, что категория потерпевших в данном случае ограничена возрастной группой от 14 до 18 лет, поскольку случаи совершения преступлений в отношении лиц более младшего возраста свидетельствует о гораздо большей степени общественной опасности, что уже не должно давать основания для возможности освобождения от уголовной ответственности.

Как совершенно справедливо указывает К.В. Дядюн, следует отмечать существенную разницу между случаями, когда в половую связь с несовершеннолетним лицом вступает 20-летнее или 50-летнее лицо [134]. Это напрямую подчеркивает и позицию законодателя в ранее указанном вопросе: совершение преступления против половой свободы лица, более близкого по возрасту, может рассматриваться в качестве допустимого при решении вопроса об освобождении от уголовной ответственности.

Таким образом, постановка вопроса относительно более последовательного учета возрастных параметров потерпевших от насильственных половых преступлений имеет достаточно веские основания. В исследованиях по судебной медицине доказывается факт наличия выявляемых отличий в повреждениях, являющихся последствиями сексуального насилия у детей разного возраста. Контент-анализ информационно-коммуникационных ресурсов практически в ежедневном режиме дает все основания для утверждения, что возрастные параметры потерпевших от половых преступлений имеют тенденцию к постоянному уменьшению. Сегодня половые

посягательства осуществляются и в отношении 7-летних, и в отношении 5-летних, и даже в отношении детей более младшего возраста. Отметим, что, к примеру, российский законодатель отчасти применил данный прием в ст. 134 и 135 УК РФ («Половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста», «Развратные действия»), дифференцировав ответственность за действия в отношении лица, не достигшего 12-летнего возраста [103].

Даже на уровне непрофессионального, обыденного восприятия доступным к пониманию любого взрослого человека является тот факт, что половое насилие, конечно же, существенно отличается по тяжести своих последствий в зависимости от возраста потерпевшего. Так, в частности, факт полового созревания приводит и к физиологическим, и к атрибутивным изменениям в конституции ребенка, по причине чего даже в более раннем возрасте, чем 14 лет, можно ожидать менее серьезных последствий для здоровья, нежели в возрасте, предшествующем половому созреванию. В отдельных странах, сохранивших традиционный уклад в сфере брачных отношений, по-прежнему допускается заключение брака с достижения девушки полового созревания. Собственно, без детализации медицинского характера (которая, безусловно, является значимым и основным аргументом) будет справедливым утверждение, что чем младше возраст потерпевшего и чем дальше он от полового созревания, тем имеют место риски гораздо большего травматизма потерпевших при совершении половых преступлений.

Как уже было указано ранее, в ст. 120 УК РК и ст. 121 УК РК законодатель с принятием Закона РК от 15 апреля 2024 г. №72-VIII пошел по пути формулирования абсолютно-определенной санкции, предусматривающей исключительно пожизненное лишение свободы для лиц, совершивших соответствующие деяния в отношении малолетних. Соответственно, в рамках данных составов дальнейшее ранжирование возрастных параметров потерпевших фактически лишено смысла по причине того, что уже установлено максимально возможное наказание.

Вместе с тем, в контексте таких составов, как ст. 122 и 124 УК РК соответствующее ранжирование было бы уместным, поскольку отражало бы различную степень общественной опасности деяния применительно к потерпевшим, находящимся в различных возрастных группах (соответственно ранее приведенной аргументации).

В данном случае также обратимся к опыту российского законодателя, который в 2012 году предпринял попытку связать ответственность за совершения деяния по ст. 134 УК РФ («Половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста») с таким физиологическим процессом, как достижение половой зрелости [102, с. 134-138].

Однако практически сразу, уже Федеральным законом №380-ФЗ от 28 декабря 2013 года указание на половую зрелость было исключено из текста российского уголовного закона. Вместе с тем, ранжирование возрастных параметров потерпевших в ст. 134 и ст. 135 УК РФ сохранено (в частности,

посредством выделения возрастной группы лиц, не достигших 12-летнего возраста). В целом, причины отказа законодателя от использования медицинского критерия «половая зрелость» вполне понятны, поскольку он имеет большую степень вариативности.

Кроме того, факт достижения половой зрелости – это все-таки больше экспертная оценка, нежели те или иные атрибутивные признаки (в частности, появление менструаций у девочек). Как отмечают исследователи вопроса, половая зрелость достигается у девочек в 13 лет – в 3% случаев, в 14 лет – 8%, 15 лет – 30%, 16 лет – 40%, 17 лет – 70% [135]. Соответственно, даже к моменту достижения так называемого «возраста согласия» далеко не каждая девушка достигает стадии полового созревания. В целом, вопрос о половой зрелости чаще всего возникает именно в отношении лиц женского пола, поскольку именно в отношении них физическая травматизация от полового сношения до достижения половой зрелости является более выраженной (не снижая значение морального травматизма). Общепринято трактовать факт полового созревания у женщин не с момента начала менструаций, а с момента, когда по своим физиологическим параметрам она способна к беременности, вынашиванию и вскармливанию ребенка, то есть именно к деторождению. Противники ориентирования соответствующих норм уголовного закона на признак «половое созревание» указывают, в частности, на то обстоятельство, что по прошествии времени (в частности, если преступление было выявлено не сразу) установить был ли на тот момент факт полового созревания, практически невозможно [136].

Таким образом, в качестве более приемлемого критерия следует признать все-таки не признак «половое созревание», а четкие возрастные параметры потерпевшего. Именно по этой причине, с учетом всех приведенных аргументов, выглядит обоснованным предложение о том, чтобы в рамках ст. 122 и ст. 124 УК РК установить повышенные параметры уголовной ответственности за случаи совершения деяния в отношении лиц, не достигших 12-летнего возраста.

Одним из наиболее болезненных вопросов, касающихся реализации уголовной ответственности и наказания в сфере семейно-бытового насилия, являются случаи причинения вреда жизни и здоровью в специфической ситуации (при возникновении физиологического аффекта) или обстановке (превышение пределов необходимой обороны). Исходя из избранного в рамках данного исследования статистического метода формирования группы уголовных правонарушений, связанных с семейно-бытовым насилием, в соответствующую группу были включены только составы ст. 102 УК РК «Убийство при превышении пределов необходимой обороны» и ст. 112 УК РК «Причинение тяжкого вреда при превышении пределов необходимой обороны», хотя, в строгом смысле, и случаи аффектированного насильственного поведения также могут быть отнесены к соответствующей сфере. В данном случае следует исходить из того, что предложенный для включения в ст. 3 УК РК перечень уголовных правонарушений, связанных с

семейно-бытовым насилием, может подвергаться коррекции в зависимости от изменения криминологической действительности.

В науке нередко отмечается высокая степень ситуативности насильственных посягательств, совершаемых в сфере семейно-бытовых отношений. В частности, отдельными авторами указывается, что до 60% случаев наиболее острых семейных конфликтов еще за до 10-15 минут до факта совершения посягательства бывает непонятно, кто станет жертвой, а кто преступником [137].

О.В. Лихачева, проводившая исследование семейно-бытового насилия, отмечает, что в значительном количестве случаев совершения тяжких преступления в семейно-бытовой сфере имеет место предшествующее правонарушающее или даже криминальное поведение со стороны члена семьи, ставшего в итоге потерпевшим от преступления. Как указывает автор, «..58,7% преступников по шли на совершение преступления в отношении члена своей семьи вследствие аморального или противоправного поведения потерпевших. Около 31,6% осужденных по изученным уголовным делам - дети, в том числе и совершеннолетние, совершившие преступление против своих родителей, отчимов, сожителей своих родителей; 20,3% - родители, которые пошли на насилие над своими детьми вследствие их аморального поведения; 40,9% - супруги, в том числе и сожители; 7,2% - другие родственники» [138].

Поскольку специфика семейно-бытового насилия заключается в том, что оно практически во всех случаях имеет тенденции к эскалации, то всегда следует учитывать, что имеются потенциальные риски возникновения новых инцидентов, в том числе и в более агрессивных формах. При этом сам семейно-бытовой насильник может в отдельно взятый момент времени прибегнуть к более тяжелой форме насильственного воздействия либо жертва семейно-бытового насилия по причине накопления негативного физического и эмоционального фона (усталость от побоев, вербального насилия, стресс, ненависть к члену семьи, применяющему насилие, страх за близких и т.д.) может перейти к насильственному сопротивлению. В ряде случаев насильственный ответ со стороны жертвы может происходить на фоне возникшего физиологического аффекта либо жертва прибегнет к необходимой обороне, в ходе которой могут возникнуть ситуации превышения ее допустимых пределов.

В целом, статистические данные, представляемые КПСиСУ Генпрокуратуры РК, содержат некоторые неоднозначные показатели, которые могут дополнительно свидетельствовать о неблагоприятной ситуации в сфере как самого семейно-бытового насилия, так и реализации уголовной ответственности и наказания за соответствующие деяния. В особенности некоторые косвенные показатели неблагоприятия обнаруживаются при оценке «женского» сегмента в структуре насильственных преступлений, которые чаще всего совершаются в сфере семейно-бытового насилия. Так, например, примечательно, что доля женской преступности в рамках состава ст. 106 УК РК «Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью» ежегодно значительно выше, чем соответствующие показатели в рамках ст. 107 УК РК «Умышленное

причинение средней тяжести вреда здоровью». Так, 2021 году доля совершения женщинами деяния по ст. 106 УК РК составила 13,6%; в 2022 г. – 12,97%; в 2023 г. – 13,26%. Что касается деяния, предусмотренного ст. 107 УК РК, то в 2021 году процент совершения данного преступления женщинами составил 3,43%; в 2022 г. – 3,1%; в 2023 г. – 2,71% [14].

Столь отличные пропорции могут вызвать недоумение, поскольку криминологической аксиомой является утверждение более низкой склонности женщин к физическому насилию, в сравнении с мужчинами. Соответственно возникает вопрос относительно того, по какой причине доля женщин среди лиц, причинивших тяжкий вред здоровью, существенно более высокая, чем доля женщин, причинивших вред здоровью средней тяжести. Применительно к случаям семейно-бытового насилия ответ на данный вопрос фактически представляется очевидным: причинение женщиной средней тяжести вреда здоровью своему «обидчику» может спровоцировать ответную насильственную реакцию со стороны последнего, в то время как причинение тяжкого вреда здоровью, как правило, исключает соответствующую реакцию.

Это, безусловно, авторское допущение, однако исходя из специфики семейно-бытового насилия, оно, явно, не лишено логического основания.

В целом, приведенные суждения относимы и к характеристике доли «женского» сегмента в структуре убийств: в 2021 г. она составила 10,13%; в 2022 г. – 11,2%; в 2023 г. – 11,6%. При этом в рамках ст. 102 УК РК «Убийство при превышении пределов необходимой обороны» в 2021 году число совершивших данное посягательство женщин составило 20% (1 из 5 случаев); в 2022 г. – 25% (3 из 12 случаев), в 2023 г. – 27% (3 из 11 случаев). Однако самый высокий процент совершения женщинами уголовных правонарушений насильственной направленности имеет место в рамках ст. 112 УК РК «Причинение тяжкого вреда при превышении пределов необходимой обороны». Так, в 2021 г. доля женщин, совершивших уголовное правонарушение по ст. 112 УК РК, составила 45,7% (32 из 70 случаев); в 2022 г. – 27,53% (19 из 69 случаев); в 2023 г. – 43,4% (23 из 53 случаев) [14].

И, наконец, самый примечательный момент: за весь анализируемый период (2021-2023) ни одной потерпевшей женщины по ст. 112 УК РК не было, т.е. все факты причинения тяжкого вреда при превышении пределов необходимо обороны имели место в отношении потерпевших мужчин.

Так, изученные приговоры по делам об убийствах, совершенных женщинами, свидетельствуют о том, что среди отмечаемых причин совершения убийств наибольший удельный вес составляет формулировка «совершение физического насилия со стороны потерпевшего» - 31,9%, где убийство стало ответной реакцией на данный вид агрессии и жестокости со стороны близкого человека, к числу которых относятся сожители и супруги. Причём, для реализации преступного умысла на убийство в 65,2% случаев было достаточно одного удара по лицу, голове и иным частям тела, в том числе тупым предметом. В свою очередь избивание человека путём многочисленных ударов имело место в 34,7% случаев.

Конечно же, далеко не всегда устойчивые паттерны семейно-бытового насилия могут свидетельствовать о том, что жертва бытового насилия действовала в состоянии необходимой обороны. Так, с 2016 года между гр-кой Е. (1994 г.р., образование среднее специальное, замужем, не работающая, проживала в п. Хобда Актюбинской области, ранее не судима) и её супругом стали часто возникать конфликты на почве беспричинной ревности со стороны последнего. Длительное время имели место факты физического насилия со стороны супруга, в результате чего Е. несколько раз лежала в больнице на излечении. 29 ноября 2021 года, около 19:00 часов Е. выйдя с работы села в машину супруга, после чего они оба направились в п. Хобда. Во время пути супруг сообщил Е. об изменах с его стороны, выразался нецензурной бранью в адрес супруги и стал избивать последнюю. Примерно в 21:00 часов Е., испытывая неприязнь к супругу, попросила остановить автомашину, вытащила из сумки нож и нанесла им множественные удары по телу супруга, от полученных травм последний скончался на месте. Гражданка Е. признана виновной в совершении преступления, предусмотренного ст. 99 ч. 1 Уголовного Кодекса Республики Казахстан и назначено наказание в виде лишения свободы сроком на 9 (девять) лет [139].

В целом, действующее уголовное законодательство РК в вопросах необходимой обороны демонстрирует целый ряд «уступок» в сторону обороняющегося, однако сохраняет и ряд формальных критериев, которые в правоприменительной практике приводят к осуждению лиц практически во всех случаях причинения смерти и в значительном количестве случаев причинения тяжкого вреда здоровью. Так, в редакции 1997 года ст. 32 УК РК превышение пределов необходимой обороны трактовалось «...явное несоответствие защиты характеру и степени общественной опасности посягательства, в результате чего посягающему причиняется явно чрезмерный, не вызываемый обстановкой вред. Такое превышение влечет за собой уголовную ответственность лишь в случаях умышленного причинения вреда».

Законом РК от 21 декабря 2002 г. №363-III ч. 3 ст. 32 была дополнена формулировкой следующего содержания: «Не является превышением пределов необходимой обороны причинение вреда лицу, посягающему на жизнь человека, либо при отражении иного посягательства, соединенного с применением или попыткой применения оружия».

Законом РК от 9 ноября 2011 г. №490-IV перечень обстоятельств, исключающих возможность признания превышения пределов необходимой обороны, был изменен и дополнен указанием на сопряженность посягательства: «с применением или попыткой применения оружия либо иных предметов или средств, использование которых представляет угрозу жизни или здоровью обороняющегося или других лиц; с насилием, опасным для жизни или здоровья обороняющегося или других лиц, либо с непосредственной угрозой такого насилия; с противоправным насильственным вторжением в жилище или иное помещение».

С момента принятия УК РК 2014 г. изначальная редакция ст. 32 УК РК «Необходимая оборона» претерпела некоторые изменения. Так, в частности,

само определение понятия необходимой обороны было приведено в лаконичном варианте: «Необходимой обороной признается правомерная защита личности и прав обороняющегося и других лиц, а также охраняемых законом интересов общества и государства от общественно опасного посягательства, в том числе путем причинения вреда посягающему лицу». Таким образом, законодатель отказался от детализации тех прав и законных интересов, при защите которых может возникать состояние необходимой обороны, что следует признать расширением прав обороняющихся лиц.

При этом в формулировке положения, описывающего исключительные случаи, в рамках которых недопустимо признание превышения пределов необходимой обороны, произошли некоторые изменения двоякого характера.

С одной стороны, было включено положение, согласно которому не может быть установлено превышение пределов необходимой обороны в ситуациях, когда внезапность посягательства исключила возможность объективно оценить характер и степень опасности нападения. С другой стороны, законодатель отказался от использования формулировки «с применением или попыткой применения оружия либо иных предметов или средств, использование которых представляет угрозу жизни или здоровью обороняющегося, или других лиц» и использовал словосочетание «сопряженного с вооруженным нападением», что, напротив, существенным образом ограничило возможность признания правомерности состояния необходимой обороны. В особенности же измененная трактовка критична для ситуаций необходимой обороны в структуре семейно-бытового насилия, поскольку признак вооруженного нападения в данном случае является нетипичным, а гораздо чаще имеет место использование подручных средств (кухонный нож, топор, бытовые инструменты и т.д.).

В дальнейшем последовало только одно изменение в рамках законодательной фиксации нормы о необходимой обороне, которое не устранило вышеуказанную спорную ситуацию. Так, Законом РК от 11 июля 2022 г. №136-VII было внесено лишь дополнение, касающееся исключения возможности признания превышения пределов необходимой обороны в случаях, когда посягательство, в том числе, сопряжено с поджогом жилища, помещения». Таким образом, следует признать, что динамика развития казахстанского законодательства в вопросах оформления института необходимой обороны характеризуется не только расширением прав обороняющегося, но и элементами регресса.

Борчашвили И.Ш. предлагает «отказаться от института превышения пределов необходимой обороны, исходя из того, что законопослушный гражданин ставится в неравное положение с посягающим лицом, поскольку законодатель, с одной стороны, предоставляет право обороняться, а с другой стороны, под угрозой привлечения к уголовной ответственности требует, чтобы обороняющееся лицо не превысило пределов необходимой обороны. Полагая верным в последующем – полный отказ от института превышения пределов необходимой обороны» [140].

Так, изучив 100 уголовных дел, в которых на лицо все признаки необходимой обороны, исследователь приходит к выводу, что ни одно из них не было прекращено с применением ст. 32 УК РК, ни один человек не был также освобожден от уголовной ответственности в порядке ст. 66 УК РК, заостря внимание на судебной практике перекалифицирования убийств (с. 99) на ст. 99 УК РК «Убийство при превышении пределов необходимой обороны» (77% изученных уголовных дел).

Более того, Борчашвили И.Ш. определяет завуалированную коррупциогенность в ст. 66 УК РК, где законодатель использует термин «может быть», в вопросе освобожденным от уголовной ответственности, считая целесообразным заменить формулировку «может быть» на «подлежит», как это сделано в ч. 1 ст. 67 УК РК «Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением».

Следует отметить, что в уголовном законе отсутствует дифференциация субъекта преступления по половому (гендерному) признаку, за исключением единичных составов преступлений. Соответственно, параметры уголовной ответственности и наказания в отношении женщин, совершивших насильственные посягательства в семейно-бытовой сфере являются идентичными с общими параметрами уголовными за ответственности, за исключением того, что отдельные смягчающие уголовную ответственность и наказание обстоятельства чаще встречаются у женщин (для них менее характерны различные виды повторности, учитывается состояние беременности, наличие малолетних детей, стечение тяжелых личных обстоятельств и т.д.). В специальных исследованиях семейно-бытового насилия, совершаемого женщинами, отмечаются явные отличительные характеристики насильственного поведения женщин: совершение под воздействием провокации со стороны потерпевшего; преимущественная направленность против супруга или сожителя; наличие длительной предшествующей неблагополучной ситуации в семье; повышенная эмоциональность, которая сказывается на характере и механизме совершения деяния. При этом подчеркивается, что для женщин характерны именно тяжкие преступления в случаях, когда имеет место семейно-бытовое насилие [140].

Приведенное выше, дает основание для выдвижения ряда гипотез. Одна из них уже была высказана ранее: женщины достаточно часто причиняют тяжкий вред здоровью по причине того, что менее тяжкий вред может привести к инверсии, в результате которой сама женщина пострадает от ответного насилия со стороны потерпевшего. Вторая гипотеза связана с тем, что в семейно-бытовых отношениях женщины достаточно часто прибегают к акту самообороны, по факту которого осуждаются по ст. 102 УК РК и особенно часто по ст. 112 УК РК. При этом, исходя из первой гипотезы, в рамках второй закономерно предположение о том, что женщины, обороняясь, осознанно прибегают к наиболее тяжким формам насилия по той причине, что сами могут пострадать от ответного насилия. Третья гипотеза формируется на основе первых двух и может стать объяснением высокого процента совершения женщинами деяния по ст. 112 УК РК. Заключается она в том, что

правоприменительная практика складывается таким образом, что признание правомерности необходимой обороны является весьма проблематичным, по причине чего практически во всех случаях причинения смерти или тяжкого вреда здоровью в результате акта самообороны влечет привлечение к ответственности по соответствующим статьям УК РК. Все перечисленные предположения ставят вопрос относительно того, каким образом защитить жертв семейно-бытового насилия от необоснованного привлечения к уголовной ответственности в случаях, когда они использовали свое право на необходимую оборону.

Кроме того, как показал ранее проведенный анализ статистических показателей регистрируемых преступлений по ст. 106 УК РК, процент совершения данного преступления женщинами является достаточно высоким, что ставит закономерный вопрос относительно того, насколько верно была осуществлена оценка обстоятельств дела. В качестве достаточно спорного примера можно привести следующий случай из изученной судебной практики.

9 марта 2021 года примерно в 00-40 часов гр-ка Ш. (11.04.1990 г.р., не состоящая в законном браке, не работающая, ранее не судима, проживала в г. Караганда) вместе с сожителем К. находилась в кухонной комнате квартиры, где между ними произошла ссора на почве ревности Ш. к бывшей жене К. в ходе которого, последний, находясь в состоянии алкогольного опьянения, выражаясь нецензурными словами, направился к женщине. Ш., увидев приближающегося и агрессивно настроенного К., кухонным ножом, которым резала хлеб, нанесла К. три колото-резаных раны. Ш. была признана виновной в совершении уголовного правонарушения, предусмотренного ст. 106 ч. 1 УК РК и ей назначено наказание в виде ограничения свободы сроком на 4 /четыре/ года, которое в последующем было заменено на лишение свободы в связи со злостным нарушением пробационного контроля [141]. В данной ситуации, несмотря на то что осужденная Ш. не может быть положительно охарактеризована, сама по себе ситуация вызывает сомнения относительно того, не подвергалась ли она ранее семейному насилию, по причине чего и приняла решение о радикальных методах самообороны.

При этом сам феномен семейно-бытового насилия имеет значительные специфические характеристики (на которые уже неоднократно указывалось), способные определенным образом повлиять как на ситуацию, в рамках которой лицо принимает решение относительно акта самообороны, так и на сам факт восприятия обстановки, по причине которой принимается такое решение. Как отмечает А.С. Третьяков «...насильственное поведение человека не может быть врожденной биологической реакцией, а является одной из многообразных форм поведения, обусловленной, прежде всего, условиями социализации личности. Психофизиологические же особенности человека (за исключением случаев психического болезненного состояния) лишь способствуют выбору направления поведенческой реакции, не предопределяя ее». При этом автор выделяет значимость нормы о необходимой обороне как одного из эффективных инструментов превенции тяжких насильственных преступлений, равно как и отмечает существенные проблемы правоприменительной практики,

которые приводят к отказу граждан пользоваться своим конституционным правом на защиту от нападения [142].

Следует отметить, что проблемы института необходимой обороны стали гораздо реже подниматься в науке уголовного права, что можно объяснить определенным эффектом «выгорания» теоретической мысли по причине того, что большинство проблем (в том числе, связанных с издержками правоприменительной практики) приобрели перманентный характер. В изученной нами литературе, практически во всех источниках отмечается необходимость первоначального учета интересов лица, которое вынужденно оказалось в ситуации самообороны. Так, в частности, В.В. Меркурьев делал вывод о «...необоснованности возложения уголовным законом на защищающихся обязанности выбора вариантов защиты в экстремальной криминальной ситуации, созданной по вине посягающего» [143].

В.В. Меркурьев, формулируя авторский вариант нормы о необходимой обороне, в которой однозначно указывает на возможность лишения жизни нападающего (автор исключает только случаи заведомого лишения жизни нападающего). При этом дополнительно отмечается, что обороняющийся имеет право лишить жизни нападающего при совершении целого ряда преступлений (в том числе изнасилования, насильственных действий сексуального характера и др.), а также в случаях, когда нападающий «применяет или немедленно начнет применять физическую силу, представляющую собой значительную опасность немедленного лишения жизни обороняющегося или третьих лиц» [144].

Мнения о необходимости исключения из уголовного закона требований к обороняющемуся, согласно которым при отражении нападения он должен определенным образом соразмерять свои действия с общественно опасным посягательством, в целом, являются превалирующими в теории уголовного права [145]. Некоторые авторы вообще предлагали отказаться от формулировки в УК РК нормы, предусматривающей уголовную ответственность за факты причинения тяжкого вреда здоровью при превышении пределов необходимой обороны [146]. Другие указывали на необходимость отказаться от ограничения возможности возникновения права на необходимую оборону исключительно в связи с начавшимся посягательством и полагают, что соответствующее право принять меры к самообороне должно возникать и признаваться законным с момента возникновения угрозы для охраняемых прав обороняющегося или других лиц [147].

Специфика необходимой обороны, осуществляемой в сфере семейно-бытовых отношений, освещается крайне редко (в том числе, и в исследованиях, специально посвященным соответствующим вопросам). К примеру, Е.В. Лукки подвергает самостоятельному исследованию вопросы оценки состояния необходимой обороны в случаях, когда осуществляется посягательство на членов семьи. Автор приходит к выводам, в том числе на основе оценки зарубежного опыта, что членов семьи следует признавать фактически специальными субъектами необходимой обороны с особыми параметрами ответственности, поскольку в случаях угрозы близким для лица характерны

повышенная эмоциональность и склонность оценивать посягательство как более общественно опасное, нежели оно может быть на самом деле [148].

В своем исследовании А.Н. Ильяшенко обосновывал необходимость включения в перечень обстоятельств, смягчающих уголовную ответственность и наказание нового признака - «совершение насильственного преступления при защите члена своей семьи или иного близкого родственника» [149].

Вместе с тем, в данном случае акцентируется другой аспект, связанный с ситуацией необходимой обороны, который связан с более острым восприятием обстановки в случаях, когда причинение вреда угрожает близким людям. Анализируемые же аспекты касаются ситуаций, когда один член семьи обороняется против другого, что детерминируется совершенно иными факторами и реализуется в рамках иных механизмов взаимодействия нападающего и обороняющегося. Так, профессор В.Ф. Щепельков на основе тщательного изучения судебной практики по делам о превышении пределов необходимой обороны в семейно-бытовой сфере приходит к выводам, что «в ситуациях с семейным насилием часто у обороняющегося в силу физического превосходства посягающего лица есть единственный гарантированный способ пресечь посягательство, связанный с высокой вероятностью причинения смерти» [150]. Автор отмечает ту же закономерность, которая была ранее продемонстрирована в рамках статданных КПСиСУ Генпрокуратуры РК: очень высокий процент осуждения женщин за факты причинения смерти при превышении пределов необходимой обороны.

Применительно к практическому применению законодательных норм о необходимой обороне в теории уголовного права очень много претензий.

Так, несмотря на то что законодатель непосредственно в норме уголовного закона производит оговорки относительно того, что факт внезапности посягательства должен расцениваться исключительно в пользу обороняющегося, многие исследователи полагают данный критерий излишним, поскольку ситуация необходимой обороны, в целом, всегда внезапна. В этом смысле примечательно, что в отличие от законодательства ряда стран ближнего зарубежья КоАП РК также содержит норму о необходимой обороне (ст. 35), которая имеет очень схожую редакцию со ст. 32 УК РК [26]. Соответственно, предполагалось, что в период нахождения составов побоев и умышленного причинения легкого вреда здоровью в структуре КРКоАП у потерпевших от бытового насилия также имелась возможность осуществлять акт самообороны. В частности, российские исследователи по данному поводу высказывают серьезную озабоченность, поскольку в российской законодательной практике ответственность за побои реализуется в рамках уголовного, и административно-деликтного законодательства [151, 152]. Здесь, закономерно предположить, что и в рамках административно-деликтной практики проблемы реализации права на необходимую оборону имеют схожие параметры с затруднениями, возникающими в уголовно-правовой сфере.

В структуре семейно-бытового насилия складывается такая ситуация, что жертвы насилия находятся в сложной ситуации, где переплетаются физические, психологические и социальные факторы, усиливающие их уязвимость. Нередко

прибывает в состоянии ожидания очередного насильственного инцидента. Более того, акты насильственного поведения бытового агрессора могут носить перемежающийся характер, когда жертва не способна прогнозировать диапазон возможного насилия, которое может быть применено в конкретной ситуации. Это даже несколько снижает возможность применения законодательного указания на «внезапность» посягательства, поскольку фактор внезапности в циклическом насилии определенным образом снижается, т.к. жертва находится в состоянии ожидания очередного насилия. Соответственно, норма о необходимой обороне остается тем уязвимым «участком» в формировании механизма уголовно-правовой защиты от семейно-бытового насилия, который требует надлежащего учета и оформления в ст. 32 УК РК. В данном случае будет уместным сослаться на зарубежную практику оценки состояния необходимой обороны, в рамках которой имеет место тенденция учета мнимой обороны фактически наравне с фактором реальной наличности посягательства. Так, в частности, во многих штатах США действует правило, согласно которому состояние необходимой обороны признается в случаях, если обороняющееся лицо в прошлом являлось жертвой бытового насилия [153].

Следует обратить внимание на то обстоятельство, что отечественный законодатель в перечень обстоятельств, дающих основание для освобождения от уголовной ответственности, с момента принятия УК РК 1997 года включил ст. 66, предусматривающую возможность освобождения от уголовной ответственности при превышении пределов необходимой обороны вследствие страха, испуга, замешательства. Законом РК от 9 ноября 2011 года №490-IV обстоятельства, предоставляющие возможность освобождения от уголовной ответственности по указанным основаниям, были расширены за счет указания на признак «внезапности нападения» [154]. Примечательно, что в редакции 2014 года ст. 66 УК РК законодатель вернул к первоначальной редакции, отказавшись от термина «внезапность нападения». Однако в данном случае следует вести речь не столько о комплекте обстоятельств, дающих возможность освобождения от уголовной ответственности (поскольку, в принципе, страх, испуг, замешательство являются достаточными критериями), сколько о том, что законодатель сформулировал соответствующее правило в диспозитивном режиме: лицо может быть освобождено «с учетом обстоятельств дела» от уголовной ответственности, а может быть и не освобождено. В целом, соответствующая ситуация в полной мере применима к ранее проанализированным случаям необходимой обороны от актов семейно-бытового насилия, однако она может быть распространена и на любые другие ситуации.

Такие категории как «страх», «испуг», «замешательство» не имеют легальных трактовок. К примеру, в Нормативном постановлении Верховного Суда РК от 11 мая 2007 года №1 указывается: «Под страхом лица, подвергшегося нападению и причинившего вред посягавшему при необходимой обороне, следует понимать очень сильный испуг, сильную боязнь лица в связи с совершенным на него посягательством [155]. Эмоциональное состояние лица, как испуг, в аналогичных случаях характеризуется внезапным

появлением у него чувства страха. Под замешательством оборонявшегося лица следует понимать его внезапное смятение, растерянность, беспорядочность его действий, обусловленные страхом, испугом, вызванными общественно опасным посягательством». Подобным образом, исследователи определяют страх как «сильную боязнь лица в связи с совершенным на него посягательством»; испуг как «душевное состояние лица, возникшее в результате внезапного нападения на него», а замешательство как «внезапное смятение, растерянность, беспорядочность его действий». Очевидно, что эти состояния могут присутствовать одновременно, вызывать и усиливать друг друга.

Решение законодателя, включившего уже в первый национальный уголовный закон соответствующую норму (ст. 66 УК РК обеих редакций) было связано с учетом зарубежного опыта, однако этот учет оказался неполным. Так, в соответствии с параграфом 33 УК Германии, «если лицо превышает пределы необходимой обороны из-за замешательства, страха или испуга, то оно не подлежит наказанию». В ст. 33 УК Швейцарии определено, что обороняющийся не наказывается в случаях, когда в ходе отражения посягательства у него имело место «извинительное волнение или замешательство». Аналогичные нормы имеют место также, к примеру, в УК Польши, Латвии. Исследователи вопроса также предлагают дополнение нормы о необходимой обороне формулировкой схожего содержания: «Не являются превышением пределов необходимой обороны действия обороняющегося лица, обусловленные невозможностью адекватной оценки характера и степени опасности действий нападающего вследствие неожиданности посягательства, замешательства или испуга» [87, с. 3-360].

Таким образом, следует признать, что имплементация зарубежного опыта, произведенная казахстанским законодателем, явилась половинчатой мерой, поскольку в первоисточниках (уголовном законодательстве указанных выше стран) наличие страха, испуга, замешательства, «извинительного волнения» расценивается как обстоятельство, по причине которого лицо однозначно не подлежит наказанию (а не может быть освобождено от уголовной ответственности «с учетом обстоятельств дела»).

Приведенная аргументация позволяет сформулировать предложение о дополнении ч. 3 ст. 32 УК РК новым абзацем следующего содержания: *«Не является превышением необходимой обороны причинение вреда посягающему вследствие страха, испуга, замешательства, а также в случаях, когда обороняющийся ранее подвергался насилию со стороны посягающего лица»*. Данное изменение, во-первых, позволит окончательно решить вопрос относительно правильной имплементации передовых практик, согласно которым наличие страха, испуга, замешательства расценивается как обстоятельство, исключающее возможность привлечения к ответственности за факт превышения пределов необходимой обороны. Во-вторых, оно позволит учесть случаи причинения вреда при обороне от актов семейно-бытового насилия, поскольку в данном случае страх, испуг и замешательство могут быть

вызваны именно предшествующими актами насилия, которые могут детерминировать значительный спектр «извинительного волнения».

Для более детальной оценки признака «ранее подвергался насилию» (применительно к семейно-бытовому насилию) его трактовку следует внести в рамках дополнительного параграфа к п. 17 Нормативного постановления Верховного Суда РК от 11 мая 2007 г. №2 [20]. В частности, предлагается следующая формулировка: *«Для установления факта предшествующего насилия со стороны нападавшего лица в отношении оборонявшегося за основу принимаются все обстоятельства, подтверждающие такое насилие – обращения в правоохранительные органы, привлечение к административной или уголовной ответственности за акты насильственного поведения нападавшего в отношении оборонявшегося; медицинские документы, свидетельские показания и другие фактические данные, независимо от того, получали они в прошлом правовую оценку или нет».*

Есть вполне обоснованная уверенность относительно того, что подобные, более или менее четкие критерии оформления особого порядка регулирования института необходимой обороны в отношении актов самообороны лиц, подвергающихся семейно-бытовому насилию, позволит упорядочить правоприменительную практику. Кроме того, данное изменение позволит надлежащим образом воздействовать на правосознание граждан, в том числе и побудит жертв семейно-бытового насилия к более активному обнаружению соответствующих насильственных инцидентов, что должно положительным образом сказаться на снижении уровня латентности данных случаев.

В процессе исследования последовательности вносимых изменений в УК РК в рамках составов уголовных правонарушений, которые мы отнесли к группе деяния, сопряженных с семейно-бытовым насилием, было особо отмечено, что Закон РК от 1 апреля 2019 г. №240-VI концептуально изменил трактовку признака «в отношении заведомо несовершеннолетнего», «в отношении заведомо малолетнего», отказавшись от признака заведомого знания о возрасте потерпевшего в отдельных составах уголовных правонарушений [128]. Следует оговориться, что формулировки, касающиеся заведомого знания о возрасте потерпевшего, носят вариативный характер, по причине чего методология законодательного учета в данном случае может быть оценена только предположительно. К примеру, в п. 14 ч. 2 ст. 99 УК РК «Убийство» сохранена формулировка «в отношении заведомо несовершеннолетнего»; при этом в ч. 3 данной статьи особо квалифицирующий состав сформулирован как «убийство малолетнего лица», т.е. не требует факта заведомого знания виновного лица о возрасте потерпевшего. Что касается составов половых посягательств, то в ряде из них произошел отказ от признака заведомой осведомленности о возрасте потерпевших (ст. 120 и ст. 121 УК РК), а в некоторых имеется сочетание обоих подходов (ст. 124 УК РК).

Соответствующий вопрос, безусловно, требует более детальной проработки для того, чтобы критерии учета или не учета признака «заведомость» были более четкими и единообразными. В целом же позиция законодателя в данном вопросе заслуживает одобрения, поскольку, во-первых,

установления факта заведомости знания о возрасте потерпевшего в отдельных случаях (применительно к семейно-бытовому насилию) вообще является излишним; во-вторых, вменение данного признака всегда сопряжено с вполне объективными сложностями: очевидно, что виновное лицо будет всячески, в том числе, и посредством действий своего защитника, настаивать на том, что фактический возраст потерпевшего был ему неизвестен.

В целом, признак заведомого знания о том или ином особом состоянии потерпевшего сопряжен со значительными затруднениями как в рамках теоретической трактовки, так и в контексте применения в рамках квалификации конкретных уголовных правонарушений. А.Г. Бабичев подчеркивает сохраняющуюся проблемность в квалификации убийства женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности. Особенно большие сложности имеют место в ситуациях, когда виновный добросовестно заблуждался, полагая, что потерпевшая находится в состоянии беременности. Как полагает автор, такие ситуации «...можно оценивать, как покушение на убийство заведомо беременной женщины, учитывая содержание и направленность умысла виновного, но не учитывая факт наступления смерти потерпевшей. Если рассматривать такое преступление как оконченное убийство заведомо для виновного беременной женщины, тогда не будет учтено то, что фактически виновный совершил убийство женщины, не находящейся в состоянии беременности. В таком случае нарушается принцип вины, согласно которому лицо подлежит уголовной ответственности только за те общественно опасные действия и наступившие общественно опасные последствия, в отношении которых установлена его вина» [156].

Соответствующая дилемма уже на протяжении длительного времени воспроизводится в уголовно-правовой науке. При этом Верховный Суд РК в п. 9 Нормативного постановления от 11 мая 2007 г. №1 решил соответствующий вопрос следующим образом: «При квалификации убийства по пункту 4) части второй статьи 99 УК необходимо устанавливать, что виновный на момент совершения убийства заведомо знал о беременности потерпевшей [157]. При этом срок беременности, состояние потерпевшей по поводу беременности на учете в лечебном учреждении, жизнеспособность плода и т.п. значения для квалификации убийства не имеет. В тех случаях, когда виновный лишь предполагал, что он совершает убийство беременной, но фактически потерпевшая беременной не была, действия виновного при отсутствии других квалифицирующих признаков подлежат квалификации по части первой статьи 99 УК». Таким образом, Верховный Суд РК пошел по пути безупречной унификации судебной практики, что, очевидно, было вызвано необходимостью упорядочивания квалификации при рассмотрении подобных дел. В общей теории квалификации преступлений практически аксиомой является положение о том, что квалификация осуществляется по направленности умысла виновного лица, а не в рамках фактически причиненного вреда.

Автор другого исследования определяет, что «основанием повышения ответственности за убийство женщины, находящейся в состоянии беременности, является социальная потребность в уголовно-правовой охране

биологического существования (внутриутробной жизни) не родившегося ребенка как дополнительного объекта убийства ... этот объект, несмотря на свою важность, не может быть признан равным по значимости жизни человека» [158]. В данном случае обращает на себя внимание то обстоятельство, что автор не столько оценивает значение принципа заведомого знания виновным лицом о том, что потерпевшая находится в состоянии беременности, сколько сам факт обоснованности повышенной уголовно-правовой охраны беременной женщины.

Однако в теории уголовного права достаточно репрезентативно представлены и позиции, согласно которым уголовно-правовая доктрина в отношении начального момента жизни человека должна быть подвергнута ревизии. Соответственно, в рамках различных вариантов аргументации отстаивается позиция относительно того, что признание плода вплоть до момента физиологических родов исключительно частью организма матери не отвечает ни современным представлениям о жизни человека, ни гуманистическим концепциям. В итоге, в публикациях встречаются предложения относительно того, чтобы ставить вопрос о параметрах уголовной ответственности на различных этапах внутриутробного и самостоятельного развития (эмбрион-плод-ребенок).

В данном случае следует отметить, что подобные «подвижки» в уголовно-правовой трактовке момента начала жизни человека (а, значит, и начального момента ее уголовно-правовой охраны) неизбежно влекут и появление в теории уголовного права обоснований того, что сама женщина также должна быть подвергнута более строгой ответственности за факт причинения вреда как новорожденному ребенку, так и плоду на различных стадиях его развития [159]. При этом следует отметить, что подобная аргументация воспроизводится в теории уголовного права уже на протяжении длительного периода времени и постоянно актуализируется в новых исследованиях, в связи с чем имеются основания предполагать, что законодательное решение соответствующего вопроса можно отнести к футурологии уголовно-правовой науки. Вместе с тем, в рамках противоположных точек зрения отстаивается позиция относительно того, что убийство женщины, заведомо для виновной находящейся в состоянии беременности следует оценивать, как более общественно опасную разновидность убийства, но все-таки менее опасную, нежели убийство двух или более лиц, в связи с чем предлагается более глубокая дифференциация составов убийства по степени общественной опасности [160].

Кроме того, обращаясь к непосредственному вопросу, затронутому в данной части исследования, следует отметить, что уже достаточно давно обосновываются позиции относительно необходимости отказа от признака заведомого знания о состоянии беременности потерпевшей в квалифицированном виде убийства (равно как и в других посягательствах на жизнь и здоровье), вплоть до перевода убийства беременной женщины (вне зависимости о знании виновного о состоянии беременности) в особо квалифицированный вид посягательства [161]. В других исследованиях

текстуально-содержательный компонент квалифицирующего признака «в отношении женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности» не опровергается, напротив, предлагается его расширительное использование на другие статьи уголовного закона [162].

В целом, с позиции современных учений о гендере, многочисленных мероприятий, предпринимаемых международным сообществом и многими странами на уровне национальных законодательств, позиция относительно безоговорочного учета состояния беременности потерпевшей как основания для повышенных параметров уголовной ответственности представляется более чем обоснованной. Как указывают А.М. Багмет, С.Ю. Скобелин, «особое социальное положение беременной женщины в обществе, ее экзистенциальная ценность и репродуктивная функция, направленная на рождение и воспитание детей, являются общепризнанными в истории, религии, искусстве и праве. Уголовным законом беременная женщина, с одной стороны, защищается как потенциальная жертва преступления, а с другой - находится в более привилегированном положении как субъект преступления» [163]. При этом состояние беременности является естественным для женщины, непосредственно связывается с биологическими особенностями женского гендера и фактически в каждом отдельно взятом случае может презюмироваться со стороны других членов общества. Здесь преимущественно речь идет о ситуациях, когда состояние беременности является неочевидным для окружающих (а, возможно, и для самой женщины).

Исходя из вышеприведенного суждения, что беременность является естественным состоянием женщины закономерен вывод о том, что факт возможного наличия данного состояния у потерпевшей должен оцениваться как необходимый элемент умысла при причинении того или иного вреда потерпевшей женского пола. Иными словами, при совершении посягательства виновного на лицо женского пола у него в интеллектуальном элементе умысла (в структуре «предвидения») должно быть «встроено», в том числе, и предвидение того, что женщина может находиться в состоянии беременности. Безусловно, такая трактовка существенным образом меняет устоявшиеся подходы к фиксации и учета соответствующего признака в нормах уголовного закона.

Следует отметить, что признак «заведомости» в отношении возраста потерпевшего (заведомо несовершеннолетний, заведомо малолетний) имеет несколько иной содержательный контекст, поскольку в ряде случаев, действительно, возможны добросовестные заблуждения виновного лица, в частности, в случаях, когда сам потерпевший (потерпевшая) способствовали своими действиями или словами данному заблуждению. В целом, несовершеннолетие (малолетний возраст) являются динамичными категориями, которые без наличия точного знания о фактическом возрасте потерпевшего могут быть восприняты ошибочно (это обстоятельство, как правило, не имеет значения в посягательствах, связанных с семейно-бытовым насилием). Несмотря на это обстоятельство, законодатель вполне справедливо пошел по пути отказа от признака заведомости в целом ряде статей УК РК, на которые

было указано ранее. Фактически тем самым произошло усиление соответствующего уголовно-правового запрета, при котором из определения содержания виновности лица устраняется такое «льготное» основание, как возможность добросовестного заблуждения относительно возраста потерпевшего (потерпевшей).

Что касается признака заведомости в отношении лица, находящегося в беспомощном состоянии, то в данном случае ситуации могут быть представлены различным образом: беспомощность может носить как очевидный, так и неочевидный характер. При этом, в отличие от беременности, которая может презюмироваться в отношении женщины, так как является естественным, соответствующим биологическому полу состоянием, беспомощное состояние потерпевшего в ряде случаев может иметь те или иные причины, которые не могут восприниматься виновным лицом непосредственно [164].

Сама трактовка понятия «беспомощное состояние», как правило, осуществляется на уровне актов официального судебного толкования. Так, например, согласно п. 5 Нормативного постановления Верховного Суда РК от 11 мая 2007 г. № 4, «под беспомощным состоянием следует понимать отсутствие у потерпевшей (потерпевшего) в силу своего физического или психического состояния возможности оказать сопротивление виновному (малолетний, престарелый возраст, физические недостатки, расстройство душевной деятельности, другое болезненное либо бессознательное состояние и т.п.), совершая изнасилование или иные насильственные действия сексуального характера, сознает, что потерпевшая (потерпевший) находится в таком состоянии» [165].

Следует учитывать, что в ч. 1 ст. 120 УК РК, как и в ч. 1 ст. 121 УК РК отсутствует указание на заведомое знание виновного лица относительно беспомощного состояния потерпевшего (потерпевшей), имеется лишь указание на использование данного состояния. Соответствующее указание имеет место в п. 3 ч. 2 ст. 99 УК РК, что, закономерно, предполагает и несколько иную оценку данного состояния. Так, в частности, несмотря на аналогичную трактовку понятия «беспомощное состояние» в Нормативном постановлении Верховного Суда РК от 11 мая 2007 г. №1 указывается, что «Нахождение потерпевшего в беспомощном состоянии в момент причинения ему смерти должно тщательно проверяться и оцениваться судом. В данном случае следует иметь в виду, что малолетний или престарелый возраст потерпевшего, нахождение его в состоянии опьянения не во всех случаях свидетельствуют о его беспомощном состоянии, поэтому указанные обстоятельства подлежат оценке с учетом конкретных обстоятельств дела (например, оказание потерпевшим активного сопротивления нападавшему, причинение ему в ответ повреждений и т.п.)».

В теории уголовного права имеют место и иные подходы к вопросу. В частности, как указывает В.А. Байков, «в качестве одного из критериев оценки беспомощности потерпевшего можно было бы отнести осознание виновным невозможности осуществить потерпевшим субъективное право на необходимую оборону» [166]. То есть автор акцентирует внимание на

статическом элементе (оценка беспомощного состояния на момент осуществления посягательства), а Верховный Суд РК указывает и на необходимость учета динамического критерия (поведения потерпевшего уже в момент осуществления посягательства), что несколько снижает четкость в определении критерия заведомого знания о беспомощном состоянии потерпевшего. Несмотря на наличие подобных разночтений, будет справедливым отметить, что сам факт беспомощного состояния, действительно, в ряде случаев требует установления того, что виновное лицо было заведомо о нем осведомлено (в случаях, когда оно не могло восприниматься визуально, непосредственно).

В отношении же посягательства на женщину, которая может находиться (или не находиться) в состоянии беременности, трактовка признака заведомого знания приобретает иное значение. Конечно же, имеется так называемый «фертильный возраст», который исходя из международных стандартов в настоящее время определяется в диапазоне от 15 до 49 лет; соответственно именно в рамках данного возраста возможна большая или меньшая вероятность пребывания женщины в состоянии беременности. В данном случае значимым аргументом является обстоятельство, которое ранее уже было отмечено: потерпевшая женщина может сама к моменту посягательства не знать о том, что находится в состоянии беременности, что исключает возможность соответствующего информационного обмена с лицом, планирующим или осуществляющим насильственное посягательство. Едва ли данное обстоятельство может стать причиной к тому, чтобы исключить необходимость признания беременной женщины в качестве особого потерпевшего, требующего повышенной уголовно-правовой охраны.

В теории уголовного права, в целом, крайне неоднозначное отношение к признаку заведомости, когда он касается тех или иных свойств потерпевшего от преступления. При этом сам признак заведомости, как правило, трактуется вполне единообразно. В частности, отмечается, что он должен определяться как достоверность знания лица относительно того, что объект преступного воздействия обладает теми или иными специфическими характеристиками [167], в ряде случаев соответствующее знание трактуется как убежденность в наличии того или иного конкретного критерия, влияющего на уголовную ответственность [168], или того или иного значимого юридического факта [169]. Встречаются и утверждения относительно того, что признак заведомости не имеет какого-либо самостоятельного значения (т.е. имеет чисто технический, вспомогательный характер), поскольку при наличии соответствующего квалифицирующего признака (даже без указания на заведомое знание виновного о нем) следственные и судебные органы все равно будут обременены доказыванием того, что виновный осознавал этот признак [170].

Преимущественно акценты относительно целесообразности или нецелесообразности ориентации на заведомое знание виновного лица относительно тех или иных свойств потерпевшего от преступления ставятся в отношении возраста потерпевшего (спорность заведомого знания о состоянии

беременности обозначается лишь в единичных исследованиях, которые были обозначены выше). К примеру, имеются мнения, что отсутствие знания виновного лица относительно возраста несовершеннолетнего не может исключать ответственность виновного лица, т.к. не может являться оправданием в совершенном деянии [171]. Отдельные авторы, анализируя целесообразность законодательного отказа от признака заведомости в составах половых посягательств, отмечают, что «исключение из субъективной стороны рассматриваемых составов преступлений признака заведомости в отношении возраста потерпевших оценивается положительно, поскольку зачастую доказать то, что обвиняемый знал о недостижении потерпевшей определенного возраста, составляло большого труда» [172].

Ранее приведенные нами теоретические рассуждения относительно признака заведомости в отношении беременности потерпевшей в полной мере относимы и к насильственным посягательствам в отношении несовершеннолетних. Так, анализ действующего УК РК свидетельствует о том, что отказ от признака заведомого знания о несовершеннолетнем возрасте потерпевшего уже используется законодателем в рамках регламентации половых преступлений, особо квалифицированного вида доведения до самоубийства и некоторых других составах.

Что касается иных насильственных посягательств, то используется признак «в отношении заведомо несовершеннолетнего» (п. 14 ч. 2 ст. 99; п. 11 ч. 2 ст. 106; п. 8 ч. 2 ст. 107, п. 8 ч. 2 ст. 108-1 УК РК и др.).

И.Ш. Борчацвили в комментарии к УК РК прямо указывает на непоследовательность законодателя в вопросах установки требования относительно заведомого знания виновным лицом о возрасте потерпевшего (в контексте различного учета несовершеннолетнего и малолетнего возраста в контексте ст. 99 УК РК) [173]. Следует принимать во внимание, что повышенная уголовно-правовая охрана несовершеннолетних в данных составах связана исключительно с физиологическими (возрастными) параметрами, что существенным образом объединяет данные случаи с ранее произведенной оценкой в отношении заведомого знания о состоянии беременности потерпевшей. То есть законодатель сигнализирует о повышенной защите потерпевшего исключительно по причине его возраста. Поскольку речь идет о таких естественных нематериальных благах, как жизнь, здоровье, половая неприкосновенность, это дает основание утверждать, что сам факт несовершеннолетнего возраста потерпевшего является достаточным для повышения параметров уголовной ответственности, независимо от заведомого знания о нем.

А.И. Рарог признак заведомости и его значение для квалификации содеянного трактует весьма категорично: «термин «заведомость» представляет собой особый технический прием, применяемый для характеристики субъективной стороны преступления. Он означает способ указания в законе на то, что субъекту при совершении деяния было заранее известно (ведомо) о наличии тех или иных обстоятельств, имеющих существенное значение для квалификации преступлений или для назначения наказания, то есть он

достоверно знал об этих обстоятельствах» [174]. В.Н. Кудрявцев отмечал, что законодательное установление признака заведомости должно исключать тот или иной диапазон допустимого психического восприятия виновным лицом признаков совершаемого им деяния, поскольку в случае специального указания на заведомое знание необходимо точное установление данного обстоятельства» [175].

При этом признак осознания виновным лицом того или иного обстоятельства в теории вины, разработанной в недрах уголовно-правовой науки, трактуется многими исследователями преимущественно расширительно. Б.С. Никифоров еще в советский период развития теории умысла в уголовном праве отмечал, что осознание в рамках интеллектуального момента умысла заметным образом отличается от «знания» и может находиться в достаточно гибком диапазоне: «вероятно»-«возможно»-«не исключено» [176].

В свою очередь, Г. Есаков, отмечает, что «осознание общественно опасного характера деяния и, как следствие, умысел не исключаются сомнениями лица в отношении сопутствующих деянию обстоятельств при условии, что они полагаются возможными» [177].

Л.Л. Кругликов и Н.Ю. Скрипченко отмечают: «Осознание, на наш взгляд возможно в одной из следующих форм – знал, считал возможным, вероятным либо не исключал» [178].

В.Б. Хатуев последовательно приходит к выводу о том, что признак заведомости в отношении особых свойств потерпевшего (среди которых и состояние беременности, потерпевшей) следует исключить из текста уголовного закона. В своем исследовании автор идет по пути сбалансированного учета соответствующего признака не отказываясь от текстуального указания на признак заведомости в полном объеме, он полагает, что признак, отягчающий уголовную ответственность и наказание, должен быть сформулирован как «совершение преступления в отношении беременной женщины, малолетнего, старого, беспомощного лица и лица, находящегося в зависимости от виновного» [179], причем он должен быть признан не в качестве отягчающего, а в качестве особо отягчающего обстоятельства. В своих более поздних работах В.Б. Хатуев приходит к выводу, что «...из всех анализируемых статей Особенной части УК РФ, в которых термин «заведомость» приложен к особым качествам потерпевшего, его следует исключить. В целях повышения качества уголовно-правовой охраны таких лиц для вменения этих статей необязательно достоверное знание виновным наличия данных качеств потерпевшего, достаточно и предположительной осведомленности о них» [180].

Резюмируя все приведенные теоретические рассуждения, можно сформулировать ряд выводов.

Во-первых, признак заведомости является устоявшимся в законодательной практике, однако в последние годы имеется тенденция к его инвариантному учету (в первую очередь, в контексте повышения параметров уголовной ответственности за посягательства в отношении несовершеннолетних).

Во-вторых, требование о наличии заведомого знания лица о тех или иных свойствах потерпевшего предполагает, что в ходе досудебного производства по делу и судебного разбирательства соответствующее обстоятельство должно быть достоверно установлено.

В-третьих, в теории уголовного права отсутствует консенсус относительно целесообразности (нецелесообразности) сохранения признака заведомости в отношении тех или иных специфических свойств потерпевших.

Применительно к обозначенной проблеме целесообразности отказа от признака заведомости в отношении состояния беременности, потерпевшей приведем некоторые заключительные аргументы. Ранее нами было отмечено, что беременность следует расценивать как особое, но не исключительное состояние женщины, поскольку оно в полной мере производство от ее биологического естества, не является болезненным, искусственным и т.п. состоянием. Иными словами, интеллектуальный момент умысла любого лица (как мужского, так и женского пола) фактически должен включать факт осознания того, что женщина может находиться в состоянии беременности исключительно по признаку ее биологического пола. В указанном плане представляется совершенно методологически неверным текстуальное допущение А.А. Абдрашита относительно формулировки анализируемого признака как «в отношении лица, заведомо для виновного, находящегося в состоянии беременности» [181], поскольку состояние беременности присуще исключительно лицам женского пола.

В анализируемом случае теоретические сентенции по поводу «потенциального материнства» и «потенциального отцовства» следует сразу исключить (учитывая риски обвинения в гендерной дискриминации), поскольку именно беременная женщина является безусловным объектом уголовно-правовой охраны, не восприятие отдельно взятого индивида как потенциальной матери или потенциального отца. Соответственно, женщина, которая даже сама не знает о факте наступившей беременности должна представлять собой потерпевшую особого порядка, поскольку заведомое знание виновного о данном состоянии свидетельствует о более высокой степени опасности его умысла, но никак не связано с повышенной степенью уголовно-правовой охраны беременности. Иными словами, конкуренция между значимостью объекта уголовно-правовой охраны и спецификой учета субъективных параметров ответственности виновного лица должна быть однозначно разрешена в пользу первого обстоятельства.

Как правило, дополнительным аргументом всегда является отсылка к зарубежному опыту законодательного учета того или иного значимого признака (обстоятельства). В данном случае из всех стран СНГ обнаруживается отличие только в УК Молдовы, однако не с точки зрения отказа от признака заведомости, а с позиции того, что убийство заведомо беременной женщины относится к особо квалифицированному виду убийства (п. «с» ч. 3 ст. 145) [104].

Однако имеются и законодательные примеры, сходные с аргументируемым предложением. Так, п. 4 ст. 116 УК Болгарии [182] и п. 4 ч. 2

ст. 129 УК Литовской Республики [183] предусмотрена ответственность за убийство беременной женщины, то есть без указания на признак заведомости.

В контексте анализируемого обстоятельства следует обратить внимание на такую тенденцию международной криминологической практики, как криминализация фемцидов (убийств по гендерному признаку), которая получает все большее обсуждение на различных международных площадках. При этом уже целый ряд латиноамериканских и европейских стран пошли по пути прямой криминализации фемцида, когда гендерно мотивированное убийство обособляется от иных видов убийств. Постепенно происходит аксиологическая перестройка общественного сознания в пользу того, что женщины различных возрастных групп, социального статуса, профессиональной деятельности, семейного положения и т.д. могут выступать в качестве специфических потерпевших исключительно по причине их гендера. До настоящего времени в Казахстане соответствующий вопрос поднимается с осторожностью и, как правило, в свете наиболее резонансных случаев убийств, в которых отчетливо выражен именно гендерный аспект (преимущественно убийства, совершенные мужьями или сожителями на бытовой почве; убийства, сопряженные с изнасилованиями и т.д.) [184].

Изучая исследования 20-летней давности, мы увидели, что прямо отрицалась потребность в тех или иных акцентах на гендерных признаках, поскольку «нет правовых оснований для сужения проблемы насилия в семье - к вопросу о насилии против женщин» [185], причем, аргументация в данном случае преимущественно сводится к недопустимости нарушения конституционного принципа равенства по признаку пола.

18 декабря 2013 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию 68/191 «Принятие мер против гендерно мотивированных убийств женщин и девочек» [186], в которой особо отмечается озабоченность мирового сообщества в вопросах распространенности гендерно мотивированных убийств практически во всех странах мира, а также тем, что женщины по-прежнему являются особо уязвимой категорией в контексте насилия. При этом следует особо обратить внимание на то обстоятельство, что указанной Резолюцией ГА ООН 2013 г. не рекомендуется непосредственная криминализация составов фемцида в национальных законодательствах, но сформулированы настоятельные пожелания относительно максимального учета и реагирования на убийства, совершенные по гендерно мотивированному признаку.

К настоящему времени выработаны определенные ориентиры, в рамках которых можно верифицировать то или иное убийство в отношении женщины (девочки) как гендерно мотивированное: 1) жертва убийства ранее подвергалась физическому, психологическому насилию/преследованию со стороны лица, совершившего убийство; 2) жертва убийства подвергалась различным формам незаконной эксплуатации, например, в связи с торговлей людьми, принудительным трудом или рабством; 3) жертва убийства была похищена или незаконно лишена свободы; 4) жертва работала в секс-индустрии; 5) жертва подверглась сексуальному насилию до и/или после убийства; 6) убийство сопровождалось нанесением увечий; 7) тело жертвы

было выброшено в общественном месте; 8) убийство женщины или девочки представляло собой преступление на почве гендерной ненависти, т.е. жертва была выбрана из-за наличия у преступника(-ов) конкретных предубеждений в отношении женщин [187].

В рамках данного исследования проблема криминализации фемцида в Казахстане предметно не ставится.

Во-первых, международные документы до настоящего времени не ставят соответствующих целей-индикаторов, а преимущественно призывают к надлежащему акценту в рамках уголовной политики отдельно взятых государств (в частности, введения практики статистических учетов, сообразных вышеприведенным признакам).

Во-вторых, данный вопрос можно отнести в настоящее время к перспективам развития национального законодательства (в частности, если предположить, что все принятые меры по противодействию семейно-бытовому насилию не приведут к должному результату); кроме того, соответствующее решение существенным образом зависит от так называемых «политических» моментов, которые разрешаются обычно не по факту теоретических и (или) экспертных обоснований, а в связи с тем или иным резонансом, который повлечет за собой соответствующую реакцию со стороны законодателя (собственно, как и в отношении случаев криминализации побоев и умышленного причинения легкого вреда здоровью Законом РК от 15 апреля 2024 г. №72-VIII). Вместе с тем, сформулированное ранее предложение об отказе от указания на признак заведомости знания о беременности потерпевшей в составах насильственных уголовных нарушений (как минимум, в рамках выделенной в работе релевантной группы) находится именно в русле соответствующих тенденций международной криминологической практики.

Безоговорочное признание состояния беременности как основания для констатации более охраняемого объекта уголовно-правовой охраны может стать одним из отраслевых инструментов адресной защиты женщин, для которых состояние беременности является их исключительной возможностью, обусловленной биологическим полом. Соответственно, во всех составах уголовных правонарушений, сопряженных с семейно-бытовым насилием, следует произвести текстуальную замену признака в «отношении женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности» на формулировку «в отношении беременной женщины».

В данном случае может возникнуть сомнение относительно того, возможно ли обособлять именно случаи семейно-бытового насилия с точки зрения изменения подхода к оценке состояния беременности потерпевшей (исключения необходимости заведомого знания об этом). Здесь следует в качестве решающего критерия принять то обстоятельство, что все приведенное выше обоснование было связано с необходимостью защиты своего рода особого «биологического статуса» женщины, которая находится в состоянии беременности. В частности, анализ норм УК РК, где в качестве квалифицирующего или особо квалифицирующего признака указывается «в отношении женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии

беременности» свидетельствует о том, что соответствующий признак используется не очень часто: ст. 99 «Убийство»; ст. 110 «Истязания»; ст. 116 «Принуждение к изъятию или незаконное изъятие органов или тканей человека», ст. 125 «Похищение человека»; ст. 126 «Незаконное лишение свободы», ст. 128 «Торговля людьми», ст. 135 «Торговля несовершеннолетними», ст. 146 «Жестокое, бесчеловечное или унижающее человеческое достоинство обращение», ст. 261 «Захват заложника», ст. 380-1 «Посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного, специального государственного органа, военнослужащего, государственного инспектора по охране животного мира, инспектора специализированной организации по охране животного мира, егеря».

Данный перечень свидетельствует о явно бессистемном использовании соответствующего квалифицирующего признака. В особенности примечательно его включение в п. 11 ч. 2 ст. 135 УК РК, который формулируется как «в отношении несовершеннолетней, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности». То есть в отношении несовершеннолетнего возраста законодатель устанавливает обязательное наличие признака заведомости, но включает его по отношению к состоянию беременности несовершеннолетней потерпевшей. Наконец, данный признак также упоминается (наряду с другими обстоятельствами особого состояния потерпевшего) в п. 7 ч. 1 ст. 54 как одно из обстоятельств, отягчающих уголовную ответственность и наказание.

В целом, мыслимо совершение любого преступления в отношении женщины, находящейся в состоянии беременности (например, различных форм хищения), однако далеко не в каждом из них признак беременности сам по себе может быть учтен без фактора заведомости. Именно по этой причине в ст. 54 УК РК формулировка подлежать изменению не должна. Как уже было указано, признак заведомости должен быть исключен в тех составах, которые связаны с посягательством на женщину как биологический организм, находящийся в естественном, но особом состоянии, а это только преступления против личности. При этом использование соответствующего признака должно иметь место в посягательствах на здоровье, регламентированных ст.ст. 106, 107, 108-1, 109-1 УК РК.

Таким образом, подводя итог исследованным в данном подразделе аспектам, в качестве основных выводов можно назвать следующие результаты:

1. Уголовный закон до настоящего времени не в полной мере дифференцирует возрастные признаки потерпевших от насильственных преступлений, ограничиваясь двумя категориями – «несовершеннолетний» и «малолетний». При этом данные научных исследований (медицины, психологии) свидетельствуют о том, что степень физического (и морального) травматизма в различных возрастных группах заметным образом отличается, по причине чего предлагается в рамках ст. 122 и ст. 124 УК РК установить повышенные параметры уголовной ответственности за случаи совершения деяния в отношении лиц, не достигших 12-летнего возраста. В контексте ст. 120 и ст. 121 УК РК к настоящему времени установлено безальтернативное наказание в виде пожизненного лишения свободы, если деяния совершены в

отношении малолетних лиц, по причине чего соответствующее предложение в контексте данных статей не может быть обособлено в тексте уголовного закона.

2. Обоснована необходимость дополнения ч. 3 ст. 32 УК РК дополнительным параграфом следующего содержания: *«Не является превышением необходимой обороны причинение вреда посягающему вследствие страха, испуга, замешательства, а также в случаях, когда обороняющийся ранее подвергался насилию со стороны посягающего лица.»* (с одновременным исключением ст. 66 из УК РК). В п. 17 Нормативного постановления Верховного Суда РК от 11 мая 2007 г. №2 включить следующую формулировку: *«Для установления факта предшествующего насилия со стороны нападавшего лица в отношении оборонявшегося за основу принимаются все обстоятельства, подтверждающие такое насилие – обращения в правоохранительные органы, привлечение к административной или уголовной ответственности за акты насильственного поведения нападавшего в отношении оборонявшегося; медицинские документы, свидетельские показания и другие фактические данные, независимо от того, получали они в прошлом правовую оценку или нет».*

3. Учитывая общемировые тенденции повышенной защиты женщин, в том числе приводящие к практике криминализации фемцидов, формулируется предложение относительно сложившейся на протяжении длительного времени концепции казахстанского законодателя в учете состояния беременности, потерпевшей исключительно в случаях, когда устанавливается факт заведомой осведомленности о данном состоянии со стороны виновного лица. Обосновано, что беременность следует расценивать как особое, но не исключительное состояние женщины, поскольку оно в полной мере производно от ее биологического естества, не является болезненным, искусственным и т.п. состоянием. Соответственно, интеллектуальный момент умысла любого лица (как мужского, так и женского пола) фактически должен включать факт осознания того, что женщина может находиться в состоянии беременности исключительно по признаку ее биологического пола. В связи с этим обоснована необходимость отказа от признака «заведомости» по отношению к состоянию беременности во всех составах насильственных посягательств на жизнь и здоровье. То есть признак заведомости должен быть исключен в тех составах, которые связаны с посягательством на женщину как биологический организм, находящийся в естественном, но особом состоянии, а это только преступления против личности. При этом использование соответствующего признака должно иметь место в посягательствах на здоровье, регламентированных ст.ст. 106, 107, 108-1, 109-1 УК РК.

4. Аналогично, в составах насильственных преступлений против личности следует отказаться от признака заведомого знания виновным лицом о несовершеннолетнем возрасте потерпевшего, поскольку в соответствующих случаях повышенная уголовно-правовая охрана устанавливается исключительно по физиологическому (возрастному) параметру и не сопряжена с иными (социальными, нравственно-психологическими и т.д.) оценками.

3. КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СЕМЕЙНО-БЫТОВОЙ ПРЕСТУПНОСТИ И МЕРЫ ПРОФИЛАКТИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

3.1 Общие параметры криминологической характеристики уголовных правонарушений в сфере семейно-бытового насилия

Одним из основных методов криминологического исследования любого сегмента преступности является метод сбора, анализа и интерпретации статистических показателей. При этом всегда следует учитывать элементы погрешности в данных официальной статистики, которые могут образовываться по причине совокупного воздействия целого ряда факторов. Во-первых, как справедливо отмечает группа исследователей, статистические данные всегда формируются в заданном диапазоне параметров, которые могут в рамках отдельно взятого исследования иметь характер более или менее эффективного инструментария [188]. Это в полной мере относимо к данным, формируемым КПСиСУ Генпрокуратуры РК в отношении уголовных правонарушений, совершаемых в сфере семейно-бытовых отношений. Соответственно, статистическая информация может иметь характер ориентира, но далеко не всегда она свидетельствует о реальной криминологической картине в рамках того или иного вида преступности.

Несмотря на включение соответствующего группировочного обстоятельства в общий объем формируемой статистики, целый ряд параметров являются несопоставимыми и требуют получения дополнительной информации. В частности, сводный отчет №1-М «О зарегистрированных уголовных правонарушениях» не дает возможности произвести расчета для решения вопроса о том, сколько женщин стали жертвами убийства именно в сфере семейно-бытовых отношений, поскольку применение прямой пропорции в данном случае не имеет никаких методологических оснований.

Кроме того, репрезентативные выборки в рамках имеющихся статданных не отражают ряд дополнительных параметров: в каких отношениях между собой находились виновный и потерпевший (супружество, бывшее супружество, сожительство, свойство и т.д.); сколько лет лица находились в браке (сожительстве); имели ли место факторы предшествующего насильственного поведения; осуществлено ли насилие в отношении одного или нескольких членов семьи и т.д.

По всем другим репрезентативным выборкам в рамках статданных, которые традиционно характеризуют личность виновного, личность потерпевшего, обстоятельства совершенного уголовного правонарушения и т.д., также отсутствует возможность выявления данных, которые соотносимы именно с ситуациями семейно-бытового насилия (к примеру, совершение деяния в состоянии алкогольного или наркотического опьянения; совершение деяния в общественном месте и др.).

Соответственно, статистическая информация может иметь характер ориентира, но далеко не всегда она свидетельствует о реальной криминологической картине в рамках того или иного вида преступности.

Именно по этой причине всегда используется совокупность методов – социологический, контент-анализа, метод эксперимента и т.д. В частности, для исследований преступности в сфере семейно-бытовых отношений является весьма востребованным социометрический метод исследования [189], который основывается на изучении взаимоотношений между членами определенной группы (в данном случае – семьи) как факторе, детерминирующем те или иные формы криминального поведения в семье. Как совершенно справедливо отметил Д.А. Шестаков, в статданных, касающихся вопросов семейно-бытового насилия, в обязательном порядке должен учитываться виктимологический параметр, который позволял бы отражать специфику взаимоотношений между виновным и жертвой (то есть, в частности, отношения «отчим-падчерица», «мачеха-пасынок», наличие зарегистрированного брака или сожительство и т.д.). Д.А. Шестаков, в целом, обосновывал необходимость статистического учета даже предкриминальных состояний внутри семей, имеющих риски детерминации и воспроизводства насилия [190].

При этом, как было отмечено выше, в данных официальной статистики отсутствуют те или иные параметры, которые позволили бы наглядно отразить социометрические данные преступности в сфере семейно-бытовых отношений, поскольку отсутствует конкретизация относительно специфики взаимоотношений между преступником и потерпевшим (т.е. не указывается, являлся ли он мужем, женой, ребенком виновного лица и т.п.).

По результатам проведенного опроса пострадавших от насилия, к примеру, 35,6% респондентов указали, что состоят в законном браке; 14,4% - в сожительстве; 2,2% отметили, что состоят в разводе, но продолжают проживать с бывшим супругом (ой). При этом 45,6% опрошенных отметили факт насилия со стороны супруга; 23,3% - со стороны бывшего супруга; 16,6% - со стороны сожителя. Среди опрошенных сотрудников ОВД 68,9% также указали, что самый распространенный вид насилия имеет место между супругами; 36,6% указали на сожителей; 30,5% - на лиц, ранее состоявших в супружеских отношениях. При этом 90,9% опрошенных указали, что факты семейно-бытового насилия преимущественно совершаются в отношении женщин (Приложения Б, В).

Имеется и ряд иных значимых для криминологической характеристики обстоятельств, которые до настоящего времени вообще не включены в разделы формирования официальной криминальной статистики. В частности, по всем видам преступности отсутствует выделение деяния, совершенных в городской и сельской местности (городскими или сельскими жителями), лицами, постоянно проживающими в данной местности или приезжими; время суток, в котором было совершено преступление и целый ряд других обстоятельств. Так, по результатам проведенного социологического исследования лиц, пострадавших от семейного насилия, 87,8% респондентов указали, что являются жителями городской местности (что может свидетельствовать не столько о большей распространенности актов семейного насилия в городе, а, напротив, о большей доступности для городских жителей инфраструктуры, связанной с возможностью получения помощи).

Н.С. Артемьев в своей репрезентации криминологических параметров семейно-бытовой насильственной преступности, помимо типичных параметров криминологического учета (пол, возраст, занятость, наличие или отсутствие судимости и т.д.) также принимает в расчет данные относительно взаимоотношений виновного и потерпевшего, наличие предыдущих «сигналов» от потерпевших относительно правонарушающего поведения виновного лица и т.п. [191].

Учитывая то обстоятельство, что уровень латентности посягательств в сфере семейно-бытового насилия является чрезвычайно высоким, нельзя исключать того обстоятельства, что самые злостные, циклические бытовые насильники не попадают в орбиту уголовного преследования, допуская при этом насильственные половые посягательства в отношении малолетних лиц, систематические избиения жен (партнерш) и т.п.

Указанное замечание Ю.М. Антоняна особенно актуально в отношении тех обстоятельств, которые связаны с неоднократной практикой переноса ответственности за менее опасные формы физического насилия (побои, умышленное причинение легкого вреда здоровью) из сферы уголовно-правовой ответственности в административно-правовую, и наоборот [192]. Соответственно, если речь идет о личности преступника, то в данном случае мыслится именно субъект, совершивший деяний, признаки которого содержатся в конкретной статье уголовного закона. В подобной модели лицо, совершившее побои в период их отнесения к административной ответственности, не может быть отнесено к категории «личность преступника»; лицо же, совершившее деяние этого же вида в период криминализации состава уже методологически полностью подпадает под данную категорию. Однако, несмотря на эти условности, категория «личность преступника» является ключевой в криминологии, поскольку именно на обобщенных параметрах характеристики личности преступника базируется разработка мер специальной и индивидуальной криминологической профилактики.

При этом особенности исследования личности семейно-бытового преступника (с учетом вышеприведенных оговорок) заключаются в том, что он обладает совершенно специфическим «свойством опасности», которое отличает его от других видов личности преступника. Особенность эта заключается в том, что конкретное лицо (категория лиц), как правило, является источником опасности исключительно в сфере замкнутого круга семейно-бытовых отношений, когда жертвой насилия становится один или несколько членов семьи. Именно по этой причине вопросы дистанцирования преступника и жертвы привлекают в последние годы все больше внимания, поскольку ближайшей задачей профилактики всегда является купирование источников угроз, опасности. Как отмечает Ю.М. Антонян, до 30% всех убийств совершается в быту [192, с. 10-21]. Однако в данном случае сам факт осознания потенциальных источников опасности не дает возможности полностью устранить их, поскольку семейно-бытовая сфера является неотъемлемой частью жизни отдельно взятого человека. Очевидно, именно по этой причине даже

принятие радикальных мер не способно привести к быстрым и стойким результатам в снижении уровня семейно-бытового насилия.

Тот факт, что Законом РК от 15 апреля 2024 г. №72-VIII побои и умышленное причинение легкого вреда здоровью были вновь криминализованы, требует от криминологической практики государства четкого организационного механизма профилактического воздействия не только на те факты, которые будут регистрироваться после включения ст. 108-1 и ст. 109-1 в УК РК, но и на те случаи, которые имели место в предшествующем периоде. Сам факт криминализации способен привести к ситуации, когда лицо, ранее неоднократно совершавшее аналогичные деяния с признаками административного правонарушения, в связи с установлением уголовной противоправности временно перестает допускать насильственные инциденты (либо механизм их совершения существенным образом изменится и включит элементы еще более сильного подавления жертвы). Несмотря на то, что в современной криминологии с большой осторожностью относятся к категории «опасное состояние личности», следует признать, что отдельные аспекты признания вполне применимы к криминологической оценке семейно-бытового насилия.

В современных условиях речь идет уже не о биологической или иной предопределенности соответствующего опасного состояния, а о том, что в условиях конкретной среды, при наличии схожих обстоятельств, окружения, иных факторов лицо может постоянно воспроизводить один и тот же тип негативного поведения.

Т.В. Непомнящая в контексте анализа применимости оценки опасного состояния личности отмечает, что наличие факта алкогольного опьянения у лица уже является свидетельством того, что оно несет определенные риски для окружающих [193]. Подобные утверждения всегда имеют вероятностный критерий, однако статистически подтверждаемая закономерность совершения значительной части криминальных деяний в состоянии алкогольного опьянения не позволяет признать приведенное утверждение ложным. Так, среди опрошенных жертв бытового насилия алкогольное опьянение (злоупотребление алкоголем, наркотиками) стало самым распространенным ответом на вопрос о причинах семейно-бытового насилия (19,2% респондентов указали данный ответ). Соответственно, 41,1% опрошенных указали, что семейный агрессор систематически употребляет алкоголь. Аналогично, 53,4% опрошенных сотрудников ОВД указали на фактор зависимостей (алкогольная, наркотическая, лудомания) как основную причину семейно-бытового насилия.

Анализ приговоров по делам о семейно-бытовом насилии свидетельствует о том, что «алкогольный фактор», действительно, является наиболее часто встречающимся в механизме ситуационной детерминации насилия. Так, в общем объеме изученных приговоров формулировка «в результате совместного распития спиртных напитков...» присутствует в 78% приговоров в отношении осужденных мужчин и 80% - в отношении осужденных женщин.

Так, например, 30 октября 2021 года около 17:00 часов, житель города Серебрянск Восточно-Казахстанской области гр-н Я. (1976 г.р., образование среднее специальное, холост, не работающий), находясь в квартире, после совместного распития спиртных напитков с сожительницей, ушёл в магазин за очередной бутылкой спиртного. После возвращения в квартиру начал словесный конфликт из-за отсутствия оставшейся бутылки водки, т.к. она была спрятана сожительницей. Не получив желаемое, Я. облил лежащую на диване сожительницу растворителем марки «Уайт-спирит», и бросил на нее зажженную спичку. В результате тело потерпевшей было охвачено пламенем. Обращение в органы полиции для обеспечения излечения потерпевшей было осуществлено через месяц её матерью, т.к. Я. просил сожительницу не обращаться за медицинской помощью. Из показаний потерпевшей её сожитель в состоянии алкогольного опьянения вел себя агрессивно, часто подвергал ее избиению, но она в полицию не обращалась, думала, что он исправится. Я. признан виновным в преступлении, предусмотренном ст. 106 ч. 1 УК РК и назначено наказание в виде лишения свободы сроком 4 (четыре) года [194].

Очевидно, именно по этой причине оценка теории опасного состояния личности постоянно воспроизводится и в современной криминологической науке. При этом исследователи производят акцент на том, что признание факта опасного состояния личности не имеет дискриминационного начала, если это необходимо для защиты общества (в случае семейно-бытового насилия – отдельно взятой семьи) [195]. Напротив, оценка только лишь одного отдельно взятого насильственного инцидента в семейно-бытовой сфере без учета того факта, что подобные инциденты имеют регулярный характер, может привести к гораздо более вредным последствиям, чем превенция по факту предполагаемых рисков. Как указывает А.П. Титаренко, «Риск имеет количественное выражение в виде отношения между числом нежелательных событий (например, вредом здоровью окружающих) за единицу времени (например, месяц) и противоправных воздействий опасного человека на окружающих (например, побои в семье)» [196].

Иными словами, в отношении целого ряда лиц, которые допускали неоднократные или систематические нарушения в сфере семейно-бытовых отношений в рамках административной ответственности, имеются вполне обоснованные риски по поводу воспроизводства соответствующего типа поведения и после криминализации побоев и умышленного причинения легкого вреда здоровью.

Как показали результаты проведенного в ходе исследования опроса жертв семейно-бытового насилия, 22,2% из них подвергались насилию практически ежедневно; 3-4 раза в неделю – 24,4%; 1-2 раза в неделю – 16,7%; 1-2 раза в месяц – 27,8%. При этом примечательно, что на факт психического (психологического насилия) указали 73,3% опрошенных (против 70% в отношении физического насилия), (Приложение Б).

Очевидно, данный акцент должен стать ключевым в контексте текущей практики противодействия семейно-бытовому насилию. Во-первых, меры

дозированного вмешательства (контроля, наблюдения, профилактических бесед и т.д.) позволят снизить риски для потенциальных жертв семейно-бытового насилия; во-вторых, они не дадут осуществиться чрезмерному росту латентного сегмента данного вида преступности.

Отдельно взятый насильственный инцидент в семейно-бытовой сфере еще не является автоматическим свидетельством того, что соответствующее лицо является «носителем» некоего опасного состояния. Как указывают исследователи общественно опасного поведения лиц, страдающих психическим расстройством, даже фактор психического заболевания может свидетельствовать о состоянии опасности, которая носит временный, непродолжительный характер [197]. Соответственно, если вести речь о лицах, чье психическое состояние находится в норме (формально не содержит явных патологий), то в каждом отдельно взятом случае закономерно предположение, что лицо имеет возможности к тому, чтобы волевым образом менять траекторию своего поведения, в том числе, и подавлять насильственную мотивацию. Однако специфика семейно-бытового насилия, многократно исследованная многими учеными, свидетельствует о его выраженном психологическом феномене: вероятность снижения конфликтности без воздействия внешних факторов весьма незначительна. В семейно-бытовых конфликтах всегда имеет место интеракция жертвы и насильника, по причине чего детерминация насильственного поведения имеет не только внутренние причины, но и внешние «побудители». Как указывает Д.Д. Берсей, опасное состояние личности – это своего рода результат конфликта со средой, который возникает по причине набора тех или иных личных качеств самого человека [195, с. 110]. Д.А. Шестаков еще задолго до объективизации современных критических параметров семейно-бытового насилия указывал в своей докторской диссертации на своеобразную диалектику внутрисемейных факторов, которые могут иметь значение как антипреступного потенциала, так и выступать в качестве специфических детерминант преступности [198]. Именно фактор постоянной коммуникации (иногда уже вынужденной) часто не дает возможность снизить уровень агрессии одного члена семьи по отношению к другому. Недаром Д.А. Шестаков ввел в оборот термин «криминогенная семья», в рамках которого он оценивал особые, специфические именно для деструктивных (конфликтных, десоциализирующих) семей факторы постоянного воспроизводства преступных посягательств, присущих внутрисемейной обстановке. В указанном аспекте закономерно предположить, что внутрисемейное насилие может иметь своего рода постоянный, хоть и подверженный изменениям источник (конфликт), разрешаемый преимущественно в насильственной форме со стороны конкретного семейного агрессора [199].

Как уже отмечалось, современная методология формирования официальной уголовной статистики не дает возможности для оценки уровня повторности уголовных правонарушений, совершаемых в сфере семейно-бытовых отношений (учитывая также фактор высокой латентности данной повторности). При этом, как отмечает американский психолог К. Бартол, в

равных ситуациях людям характерно совершение схожих поступков [200]. Применительно к сфере семейно-бытового насилия данное утверждение имеет особое значение, которое дает основание предполагать, что лицо, ранее неоднократно совершавшее побои, будет совершать их и после криминализации данного деяния, хотя, возможно, сам факт криминализации и окажет временное сдерживающее влияние. Как отмечают по этому поводу авторы специальных исследований, «большинство противоправных деяний в семье совершается в условиях очевидности, им предшествуют длительные конфликты, хорошо известные окружающим и проявляющиеся в действиях, которые создают правовую основу для вмешательства сотрудников органов внутренних дел» [201]. В контексте приведенной цитаты следует произвести уточнение: противоправные действия в семье должны создавать основу для вмешательства со стороны правоохранительных органов. В рамках анализируемого вопроса представляется необходимым также и превентивный механизм вмешательства исключительно по тому основанию, что ранее лицо неоднократно привлекалось к административной ответственности за деликты в сфере семейно-бытового насилия (безусловно, в данном случае следует вести речь и о границах данного вмешательства).

Ряд исследователей связывают механизм преступного поведения с психологическими особенностями личности [202]. При этом пребывание в рамках семейно-бытовых отношений предполагает, что те или иные неблагоприятные обстоятельства, связанные с темпераментом, наличием зависимостей, затяжных конфликтов, бытовой неустроенностью, неразрешенными проблемами и т.д., если оно единожды привело к тому, что случился насильственный инцидент, едва ли дает основание полагать, что криминализация менее тяжелых форм насильственного поведения приведет к тому, что насилие не будет воспроизведено в дальнейшем. Как отмечает С.М. Рахметов, «развитие бытового конфликта, нарастание его интенсивности может приводить к существенной социально-психологической деформации личностей конфликтующих...» [203]. Тем самым автор делает акцент на том, что, во-первых, конфликт часто имеет длительный, затяжной характер; во-вторых, деструкция семейно-бытового такова, что она приводит к деформации всех конфликтующих.

Иными словами, семейно-бытовое насилие преимущественно детерминируется внутренними причинами, имеет характер самодетерминации, что не дает основания для того, чтобы успешность противодействия данному явлению связывать исключительно с усилением уголовно-правовой репрессии. Примечательны в этом плане результаты социологического исследования среди сотрудников МПС, «...17,5% из которых считают, что агрессивную реакцию со стороны преступника вызывает поведение жертвы, а насилие имеет место в ходе эскалации межличностных конфликтов, которые поступательно наращивают интенсивность своего внешнего выражения. Временной промежуток нарастания конфликта может сократиться под воздействием ряда факторов, к которым 13,7% респондентов отнесли ревность по отношению к супруге (у), наличие фактов супружеской измены, а также фактор употребления

алкоголя и (или) наркотических средств (63,9% респондентов)» (Приложение Б).

Большинство изученных в ходе исследования уголовных дел являются подтверждением того, что «семейные агрессоры» реально могут быть отнесены к особому типу опасного состояния личности, при котором риски воспроизводства насильственных инцидентов в отношении членов семьи (как правило, одного члена семьи) весьма велики. Причем, как уже было отмечено, даже факт предшествующих административных правонарушений, особенно, если они имеют неоднократный характер, может являться показателем опасного состояния личности, которое может реализоваться в более опасных формах насилия. Так, 21 мая 2016 года житель Костанайской области, гр-н К. (1986 г.р., образование среднее, не работает, привлекался к административной ответственности по ст. 434 КРКоАП «Мелкое хулиганство» и ст. 440 КРКоАП «Распитие алкогольных напитков или появление в общественных местах в состоянии опьянения»), в ходе совместного распития спиртного с сожительницей, на почве ревности вооружившись металлической кочергой, с целью причинения физической боли и страданий стал избивать сожительницу по разным частям тела. Продолжая преступные деяния 22 мая, не закончив половой акт, взял с мусорного ведра пустую бутылку из-под водки и ввел ее во влагалище сожительнице. Вытащить бутылку наружу не удалось, т.к. открылось кровотечение, от которого у последней наступила смерть. К. был признан виновным в преступлении, предусмотренного ст. 106 ч.3 УК РК, ему назначено наказание в виде лишения свободы сроком 9 (девять) лет и принудительные меры медицинского характера в виде лечения от алкоголизма [204].

Семейно-бытовой конфликт может иметь различную структуру, быть вызван сиюминутными обстоятельствами или возникнуть в результате причин многослойного характера. Именно по этой причине Д.А. Шестаков определяет в качестве предмета исследования криминофамилистики – факторы семейной сферы, которые детерминируют преступное поведение, а также меры социального воздействия на данные факторы [205]. При этом, как указывают, Ю.М. Антонян, Е.М. Тимошина, детерминанты семейно-бытовой преступности являются сочетанием целого ряда обстоятельств: организационно-правовых (несовершенство законодательной базы); социальных (своего рода компенсация тех или иных социальных проблем за счет насилия над членами семьи); экономических (имеющие универсальное значение для всех видов преступности, но особым образом влияющих на детерминацию семейно-бытового насилия); внутрисемейных (конфликтность внутри семьи, обусловленная причинами самого различного порядка); медицинских (заболевания, оказывающие влияние на поведение человека); индивидуальных (психологические особенности личности преступника и его жертвы) [206]. Таким образом, вопросы воздействия со стороны законодателя являются лишь одним из структурных элементов общего причинного комплекса семейно-бытового насилия, что должно быть однозначно воспринято в свете

произошедшей криминализации Законом РК от 15 апреля 2024 г. №72-VIII наиболее типичных насильственного поведения в семейно-бытовой сфере.

Следует согласиться с В.В. Хилюта, в контексте анализируемой проблемы семейно-бытового насилия, поскольку арсенал уголовно-правовых средств воздействия может быть применен исключительно в той ситуации, когда насильственный инцидент уже имеет место [207]. Что же касается профилактического воздействия, то оно должно охватывать как предстadium (в том числе, и в контексте предлагаемого сдержанного учета опасного состояния), так и на постпреступной стадии (с точки зрения максимально возможной аксикреации как жертвы, так и виновного лица).

Приведенные теоретические суждения были необходимы для того, чтобы исключить чрезмерные ожидания от изменений законодательства по вопросам юридической ответственности за факты семейно-бытового насилия, а также предупредить риски возможных дефектов в профилактической деятельности правоохранительных органов. В частности, в свете криминализации побоев и умышленного причинения легкого вреда здоровью есть основания ожидать резкого снижения регистрации соответствующих деяний. Данный вывод следует из установленной закономерности изучения официальной уголовной статистики на протяжении всех изменений, которые вносились в уголовное законодательство.

Для достоверной оценки криминологической ситуации в стране в вопросах семейно-бытового насилия невозможно в настоящее время обойти вниманием тот период времени, когда ответственность за побои и умышленное причинение легкого вреда здоровью относились к административно-правовой юрисдикции. С учетом ранее приведенных теоретических суждений, «деликтный анамнез» должен учитываться с точки зрения недопущения пробелов в общей системе профилактики семейно-бытового насилия. В данном случае предполагается необходимость сохранения внимания к семьям, в которых имели место случаи совершения данных форм насилия, в том числе, и с привлечением виновных лиц к административной ответственности.

Согласно статданных КПСиСУ Генпрокуратуры РК с 2017 по 2023 год установлен критический базисный темп роста административных правонарушений (то есть по отношению к начальному периоду анализа данных), совершаемых в сфере семейно-бытовых отношений, который составил 238,7%. Применительно к отдельным видам административных правонарушений показатели выглядят следующим образом:

- 1) ст. КРКоАП «Противоправные действия в сфере семейно-бытовых отношений» – 169,6%;
- 2) ст. 73-1 КРКоАП «Умышленное причинение легкого вреда здоровью» – 271,6%;
- 3) ст. 73-2 «Побои» КРКоАП – 290,5% (данные с 2018 года).

Таким образом, темп прироста средневзвешенного показателя в рамках регистрации деяний по указанным составам административных правонарушений составил 238,7% (данные по годам отражены в таблице 3).

Таблица 3 – Статистические сведения об административных правонарушениях, преимущественно совершаемых в сфере семейно-бытовых отношений (статьи 73, 73-1, 73-2 КРКоАП)

Отчётный период, годы	ст. 73 КРКоАП	Темп роста (сниж.) базовый, %	ст.73-1 КРКоАП	Темп роста (сниж.) базовый, %	ст.73-2 КРКоАП	Темп роста (сниж.) базовый, %	Всего	Базовый темп роста (снижения) общего показателя, %
2017	28051	-	7652	-	0	-	35703	-
2018	23904	85,2	15483	202,3	5800	-	45187	126,5
2019	25729	91,7	16207	211,8	7259	125,1	49195	137,7
2020	25844	92,1	15015	196,2	7530	129,8	48389	135,5
2021	27972	99,7	15745	205,7	8643	149	52360	146,6
2022	25142	89,6	17436	227,8	9663	166,6	52241	146,3
2023	47587	169,6	20788	271,6	16850	290,5	85225	238,7

В таблице 4 приведены отдельные дополнительные количественные показатели, относящиеся к оценке уровня и динамики семейно-насильственной преступности за период с 2017 по 2023 гг.

Таблица 4 – Показатели преступности в сфере семейно-бытовых отношений за период 2017-2023 гг.

Отчётный период, годы	Кол-во зарег. уголов пр/нар.	Структура преступности	Уровень преступности	Динамика преступности			Осуждено лиц, судом 1 инстанции	Количество
		удельный вес от общего кол-ва зарег. уг. пр/нар., %	коэфф. прест-ти (на 100 тыс. насел.)	темп роста (снижения) базовый (к 2017 году), %	темп роста (снижения) цепной (к предыд. году), %	темп прироста, %		
2017	446	0,14	2,4	-	-	-	458	2170
2018	919	0,31	5,06	206	206	+ 106	282	370
2019	1055	0,43	5,7	236	114,7	+ 14,7	287	364
2020	1072	0,65	5,7	240	101,6	+ 1,6	337	392
2021	1047	0,66	5,5	234	97,6	- 2,3	349	411
2022	942	0,59	4,8	211	89,9	- 10	258	282
2023	923	0,65	4,6	206	97,9	- 2,01	345	419

Как видно из приведенных данных, прирост показателей в рамках абсолютных величин имел место в периоде 2019-2021 гг., с максимальным показателем в 2020 г., что можно объяснить вынужденной изоляцией населения страны в период пандемии COVID-19; в последующем же периоде наблюдается некоторое снижение абсолютных величин. В контексте представленных данных следует признать, что некоторые акценты относительно тотального роста бытового насилия в «пандемийный» период являются преувеличением, хотя

некоторый прирост, действительно имел место (это может иметь значение в планировании профилактических мероприятий в случаях возникновения аналогичных ситуаций в будущем). Негативные оценки в контексте приведенных данных связаны с тем, что существенно вырос удельный вес анализируемого сегмента преступности - с 0,14% в 2017 году до 0,65% в 2023 году (рисунок 1) [208].

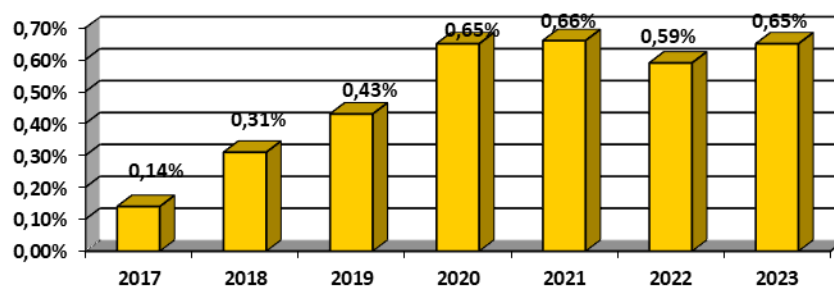

Рисунок 1 – Удельный вес насильственных уголовных правонарушений, совершенных в сфере семейно-бытовых отношений в период 2017-2023 гг.

Ранее нами было отмечено, что семейно-бытовое насилие в последние годы стало негативным трендом казахстанской криминологической реальности, до настоящего времени статистическое исследование может быть приведено только в рамках общих показателей регистрации уголовных правонарушений (с учетом графы «совершенные в сфере семейно-бытовых отношений»). Соответственно, в таблице 5 приведены сведения о количестве насильственных уголовных правонарушений, по которым достаточно высок процент регистрации именно в сфере семейно-бытовых отношений (данный вопрос был отчасти затронут и в предыдущих подразделах работы). Это фактически единственные достоверные данные, доступные из официальной уголовной статистики, которые позволяют обособить сегмент насильственной семейно-бытовой преступности.

Исходя из данных, приведенных в таблице 5, подавляющее большинство уголовных правонарушений (86,4%) относятся к насильственным преступлениям против личности, в составе которых преобладают оконченные убийства (ст. 99 УК РК), умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (ст. 106 УК РК) и умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью (ст. 107 УК РК). Оставшиеся 13,6% составляют случаи совершения таких деяний как: приготовление и покушение на убийство; причинение тяжкого вреда здоровью при превышении пределов необходимой обороны (ст. 112 УК РК); угроза (ст. 115 УК РК); изнасилование (ст. 120 УК РК); насильственные действия сексуального характера (ст. 121 УК РК); убийство, совершенное в состоянии аффекта (ст. 101 УК РК); убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны (ст. 102 УК РК); истязание (ст. 110 УК РК); незаконное лишение свободы (ст. 126 УК РК). В предыдущих подразделах исследования мы конспективно приводили отдельные показатели, касающиеся регистрации случаев совершения деяния в сфере семейно-бытовых отношений

по иным составам уголовных правонарушений, среди которых единичные случаи имеют место в отношении посягательств на собственность, хулиганства, незаконного проникновения в жилище и т.д. Однако данное исследование ограничено той группой уголовных правонарушений, которые мы определили для легального обособления в тексте УК РК (п. 18-2 ст. 3 УК РК), в силу именно явно выраженного статистического преобладания.

Таблица 5 – Статистические сведения о насильственных уголовных правонарушениях в период 2017-2023 гг.

Уголовные правонарушения против личности	2017 год	2018 год	2019 год	2020 год	2021 год	2022 год	2023 год
Всего	419	902	1018	1050	1030	916	902
Убийство (ст. 99)	87	144	116	115	141	108	108
приготовление и покушение на убийство	-	12	13	23	20	13	17
Убийство, совершенное в состоянии аффекта (ст. 101)	4	7	3	5	4	1	4
Убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны (ст. 102)	2	6	3	3	1	7	5
Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (ст. 106)	181	350	393	413	374	368	337
Умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью (ст. 107)	117	314	356	354	359	321	336
Истязание (ст. 110)	1		2	6	7	2	4
Причинение тяжкого вреда здоровью при превышении пределов необходимой обороны (ст. 112)	11	10	21	14	23	15	17
Угроза (ст. 115)	7	26	36	25	14	10	10
Изнасилование (ст. 120)	3	6	27	32	14	14	16
Насильственные действия сексуального характера (ст. 121)	-	9	9	24	18	13	15
Незаконное лишение свободы (ст. 126)	-	2	1	1	5	2	-

Таким образом, анализ темпа прироста случаев регистрации уголовных правонарушений по ст. 99, ст. 106 и ст. 107 УК РК свидетельствует о том, что практика декриминализации побоев и умышленного причинения легкого вреда здоровью в 2017 г. не оправдала себя. В данном случае речь идет в большей степени не о том, что невозможно добиться эффективного воздействия с помощью мер административного взыскания, а о том, что сама система административных взысканий была лишена адекватности в плане оценки степени вредности соответствующих деяний. В криминологии уже давно обосновано, что недостаточная наказуемость в рамках чрезмерно мягких санкций неизбежно приводит к накоплению, кумуляции криминального потенциала, что в последующем способно преобразоваться в более опасные формы поведения. Как указывают авторы специальных исследований, предпринимающих попытки графического и математического исследования и прогнозирования преступности, преступность порождается не только

комплексом социальных и иных причин и условий, но и имеет свойство самодетерминации, по причине которых возникают как новые формы общественно опасных деяний, так и более опасные проявления уже существующих. При этом факт безнаказанности или недостаточности примененных мер воздействия является одним из наиболее существенных в данном процессе [209].

Несмотря на то, что приведенные в таблице 4 данные, как уже отмечалось, относимы ко всем случаям совершения соответствующих уголовных правонарушений, достаточно высокий процент их совершения в семейно-бытовой сфере позволяет в данном случае применить метод экстраполяции (предположение о сохранении тенденций). Соответственно, выглядит непротиворечивым утверждение, что по ст. 99, ст. 106 и ст. 107 УК РК в анализируемом периоде имеется заметный прирост и в контексте случаев семейно-бытового насилия. Некоторые колебания показателей в период с 2018 по 2023 гг., в целом, не исключают достоверность того, что, в сравнении с данными 2017 г., когда произошла декриминализация побоев и умышленного причинения легкого вреда здоровью, имеется значительный рост. В этом смысле, резюмируя весь ранее проведенный анализ, следует признать, что модель декриминализации, осуществленная в 2017 г. имела значительные дефекты и погрешности, по причине чего стала акселератором (стимулятором) тяжелых форм насильственной преступности в сфере семейно-бытового насилия. Именно по этой причине на всех этапах исследования автор, в том числе, и в формате коллективных исследований, настаивала на необходимости криминализации типичных форм семейно-бытового насилия (побоев, умышленного причинения легкого вреда здоровью).

Общий комплекс уголовно наказуемого насилия, совершаемого в семейно-бытовой сфере, в целом, составляет самостоятельный криминологический сегмент, который подвержен общим закономерностям, неизбежно влияющим на качественно-количественные показатели каждого структурного элемента. Исходя из ранее отмеченного свойства самодетерминации преступности, вполне закономерно, что в анализируемом периоде произошел также рост и насильственных половых посягательств (причем, несмотря на динамику существенного ужесточения санкций за совершение данных деяний). Так, в частности, базовый прирост деяний по ст. 120 УК РК в 2023 году составил 533%, а по ст. 121 УК РК «Насильственные действия сексуального характера» - 166% (таблица 6).

Здесь следует произвести оговорку, что высокая степень латентности преступлений данного вида не позволяет однозначно констатировать те или иные тенденции. Так, в качестве основных причин латентности актов семейно-бытового насилия, проведенный в ходе исследования опрос продемонстрировал «стыд, боязнь родственников» (это обстоятельство прямо примыкает к ранее обоснованному факту дивергенции исторических и современных форм семейно-бытового насилия); достаточно большое количество респондентов также указали на неочевидность достижения результата по факту обращения в правоохранительные органы, хлопотность соответствующих процедур; в

качестве других причин были указаны неэффективность мер административного воздействия и стремление сохранить семью. При этом в публикациях по теме исследования имела место апелляция к статданным Следственного департамента МВД РК свидетельствующим о том, что подавляющее большинство женщин, подвергшихся семейно-бытовому насилию, находятся в явной финансовой зависимости от супругов или сожителей (60-66% не работали на момент совершения посягательства, а от 11 до 23% в различные временные периоды являлись учащимися) [210].

Таблица 6 – Базовый темп роста уголовных правонарушений, предусмотренных статьями 120, 121 УК РК, совершенных в семейно-бытовой сфере

Отчётный период	ст.120 УК	Темп роста базовый (сниж.), %	ст.121 УК	Темп роста базовый (сниж.), %	Всего	Базовый темп роста (снижения) общего показателя, %
2023	16	533	15	166	31	1033
2022	14	466	13	144	27	900
2021	14	466	18	200	32	1066
2020	32	1066	24	266	56	1866
2019	27	900	9	100	36	1200
2018	6	200	9	-	15	500
2017	3	-	-	-	3	-

Одними из доступных данных официальной статистики КПСиСУ Генпрокуратуры РК являются показатели, касающиеся регионального среза, однако они приводятся в рамках той же схемы учета, что и в целом по стране. То есть доступными являются данные по регистрации отдельных видов уголовных правонарушений в сфере семейно-бытового насилия.

На основе изученных данных официальной уголовной статистики КПСиСУ Генпрокуратуры РК, имеется возможность указать регионы РК, в которых ситуация с регистрацией случаев семейно-бытового насилия выглядит наиболее негативной. При этом, исходя из того обстоятельства, что плотность населения в РК является крайне неравномерной по различным регионам, наиболее информативным показателем является коэффициент деликтности (правонарушимости) – применительно к административным правонарушениям, из расчета на 100 тыс. человек.

Сообразно изученным показателям, наиболее неблагоприятными регионами в период с 2017 по 2023 г. можно назвать Восточно-Казахстанскую, Костанайскую, Павлодарскую и Северо-Казахстанскую области. В таблице 7 приведены данные, касающиеся общих показателей совершения административных правонарушений в сфере семейно-бытовых отношений за 2017-2023 гг. по регионам страны.

Таблица 7 – Статистические сведения об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 73, 73-1, 73-2 КРКоАП, совершенных в период 2017-2023 годы, в разрезе регионов и коэффициента деликтности

Адм.-терр. ед.	2017	Кд	2018	Кд	2019	Кд	2020	Кд	2021	Кд	2022	Кд	2023	Кд
	73, 73-1		73,73-1,73-2		73,73-1,73-2		73,73-1,73-2		73,73-1,73-2		73,73-1,73-2		73,73-1,73-2	
г. Астана	828	85,1	1234	119,7	1331	123,4	1511	133	3690	311	3903	301	7704	568
Абайская	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	27	4,4	3102	508
Акмолинская	1562	212,6	1918	259,5	1974	267	2127	288,7	2291	311	2128	270	3754	476
Актюбинская	2284	270	3258	379,8	3603	414	3153	357	3102	346	3051	332	5855	630
г. Алматы	569	32,4	1001	55,5	1485	80	1746	91	1314	66,4	2741	130	5185	239
Алматинская	1974	99,5	4142	205,3	4814	236	5068	246	4938	237	4952	335	3737	248
Атырауская	1436	236	1848	297,7	2094	330	1829	283	2371	360	2355	345	4770	688
ВКО	5326	383	5705	412	6018	436	5832	425,8	6082	445	5696	777	5805	795
Жамбылская	1645	147,4	1957	175	1886	167,5	1281	113	1737	152	1737	143	4150	340
Жетысу	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	25	3,5	1278	182
ЗКО	2595	404,5	2552	394	2457	376	2287	348	2206	333	1809	264	2954	429
Карагандинская	4175	302	3381	245	4343	315	4203	305	4315	313	3750	330	5298	467
Кызылординская	872	112,7	1375	175,5	1449	182,4	1284	159,7	1535	188	1806	219	3819	458
Костанайская	4291	488	5394	616	5627	644	5431	625	5077	587	4770	570	5835	701
Мангыстауская	1432	222,7	2123	321,5	2390	352	1971	282	1907	265	2055	275	2757	359
Павлодарская	2770	366	3519	466	3786	502,2	4160	553	4216	561	4087	540	5899	781
СКО	2065	366,5	2445	437	2812	507	2867	522	3426	630	2815	522	3062	573
г. Шымкент	-	-	488	51,2	121	12	573	55,1	860	630	1195	102	4330	363
Туркестанская	1873	95,2	2846	144	3005	151	3039	150	3272	160	3302	158	4825	227
Улытау	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2	0,9	1021	461
Всего	35697	199,2	45186	2488	49195	267,4	48362	259,5	52339	277,2	52204	267	85140	430

* – Коэффициент деликтности, рассчитывается по формуле: $Kд = (K. AP * 100 \text{ тыс. населения}) / \text{Количество всего населения}$

Исходя из представленных данных, можно отметить, что наибольший удельный вес насильственной семейно-бытовой деликтности в анализируемом периоде (2017-2023) имеет место в Восточно-Казахстанской области, где удельный вес соответствующих административных правонарушений составил 13,5% от всей страновой деликтности в сфере семейно-бытовых отношений. Достаточно весомые показатели демонстрируют также Карагандинская и Алматинская область (10,4%), Павлодарская область (9,1%) и Костанайская область (8,6%). В данном случае нельзя не произнести оговорку относительно того, что приведенные данные базируются исключительно на официальной статистике регистрации административных правонарушений. Фактическая деликтность может иметь иные показатели, как минимум, по двум причинам.

Во-первых, существенным образом сказывается регистрационная дисциплина правоохранительных органов, наличие тех или иных организационных дефектов, что может привести к искусственной латентности соответствующего вида деликтности (в данном случае мы исходим исключительно из презумпции общего характера, не применяя к тому или иному конкретному региону).

Во-вторых, еще более существенным фактором может являться уровень виктимизации того или иного региона с точки зрения ментального отношения к проблеме семейно-бытового насилия. В последнем случае нельзя отрицать того факта, что регионально Казахстан весьма неоднороден с точки зрения уклада жизни, отношения к родственным связям, степени доминирования патриархальных установок, мизогинии (дискриминации женского пола) и т.д.

В частности, согласно результатам социологического анализа, проведенного в 2022-2023 годах в рамках диссертационного исследования среди жертв семейно-бытового насилия, обратившихся за помощью в кризисные центры в Акмолинской, Актюбинской, Атырауской, Восточно-Казахстанской, Карагандинской, Костанайской, Мангыстауской, Павлодарской, Северо-Казахстанской областях, а также городах Астана, Алматы и Шымкент, на вопрос относительно причины не обращения в правоохранительные органы по факту семейно-бытового насилия 30% респондентов указали, что они стыдились говорить о проблемах в семье, не желая её разрушить, либо лишить детей родителя; 29% респондентов верили, что агрессор исправится, т.к. в ряде случаев насилие было совершено впервые либо был причинен незначительный вред здоровью; 22% - боялись мести со стороны агрессора, т.к. зачастую были материально или иным образом зависимы от агрессора; 19% - выразили мнение, что законы, предусматривающие слишком «мягкое» наказание, не способны защитить жертву от насилия, и, соответственно правоохранительные органы не смогут принять эффективные превентивные меры к правонарушителю (Приложение Б). Обращаясь к ранее затронутой проблеме самодетерминации преступности, следует отметить, что ее дополнительным подтверждением может являться также и то обстоятельство, что в указанных выше регионах, демонстрирующих высокий уровень насильственной семейно-бытовой

деликтности, также выявляются и самые высокие показатели криминальной насильственной активности в сфере семейно-бытовых отношений.

Таблица 8 – Коэффициент преступности, имеющей место в сфере семейно-бытовых отношений в разрезе регионов Республики Казахстан за период с 2017 по 2023 годы

Адм. -терр. ед.	2017	Кп*	2018	Кп*	2019	Кп*	2020	Кп*	2021	Кп*	2022	Кп*	2023	Кп*
г. Астана	18	1,8	44	4,2	57	5,2	74	6,5	61	5,1	70	5,4	52	3,8
Абай	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	5	0,8	25	4,09
Акмолинская	20	2,72	41	5,5	46	6,2	62	8,4	77	10,4	66	8,4	67	8,5
Актюбинская	41	4,84	35	4,08	47	5,4	38	4,3	40	4,4	29	3,16	29	3,12
г.Алматы	22	1,25	35	1,9	43	2,3	43	2,24	40	2,02	37	1,7	35	1,61
Алматинская	45	2,26	92	4,5	105	5,1	126	6,1	131	6,3	91	6,1	75	4,9
Атырауская	7	1,15	6	0,9	20	3,15	5	0,77	9	1,3	19	2,7	26	3,7
ВКО	43	3,09	182	13,1	157	11,3	161	11,7	141	10,3	103	14,05	75	10,2
Жамбылская	20	1,79	40	3,5	32	2,8	42	3,7	37	3,2	38	3,1	47	3,8
Жетысу	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	14	2	33	4,7
ЗКО	10	1,55	23	3,5	27	4,1	39	5,9	27	4,08	26	3,8	31	4,5
Караганд/ая	50	3,61	98	7,09	121	8,7	118	8,5	110	7,9	88	7,7	80	7,04
Кызылорд/ая	4	0,51	19	2,4	16	2,01	20	2,4	16	1,9	18	2,1	21	2,5
Костанайская	56	6,36	95	10,8	104	11,9	75	8,6	78	9	86	10,2	53	6,3
Мангыстауская	9	1,4	13	1,9	14	2,06	16	2,2	18	2,5	20	2,6	22	2,8
Павлодарская	50	6,6	68	9	88	11,6	98	13,0	101	13,4	89	11,7	88	11,6
СКО	31	5,5	44	7,8	57	10,2	62	11,2	61	11,2	55	10,2	47	8,7
г. Шымкент	-	-	17	1,7	41	4,06	28	2,6	25	2,3	30	2,5	34	2,8
Туркестанская	17	0,86	46	2,3	55	2,77	63	3,1	71	3,4	48	2,2	52	2,4
Улытау	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	6	2,7	29	13
Всего	443	2,47	898	4,9	1030	5,5	1070	5,7	1043	5,5	938	4,8	921	4,6
* – Коэффициент преступности, рассчитывается по формуле: $Kп = (K \text{ преступлений} * 100 \text{ тыс. населения}) / \text{Количество всего населения}$														

В соответствии с таблицей 8, наибольшая семейно-бытовая насильственная активность имеет место в следующих регионах: Павлодарская, Восточно-Казахстанская, Карагандинская и Костанайская области. При средних показателях в оценке общего количества совершаемых насильственных уголовных правонарушений, в рамках расчета коэффициента преступности высокий уровень криминальной активности анализируемого типа выявлен также в Северо-Казахстанской и Акмолинской областях [211].

В данном случае действуют принципы кумуляции (накопления) насильственных актов поведения в менее опасных формах. Так, согласно данным союза кризисных центров страны, число обращений жертв семейно-бытового насилия в «Национальную телефонную линию доверия – 150» и сообщений через WhatsApp мессенджер увеличивается из года в год. Из содержания интервью директора «Союза кризисных центров» З. Байсаковой, следует, что «в месяц поступает от 16 до 29 тысяч звонков, в числе которых за помощью обращаются 60% взрослого населения и 40% – лица несовершеннолетнего возраста» [212].

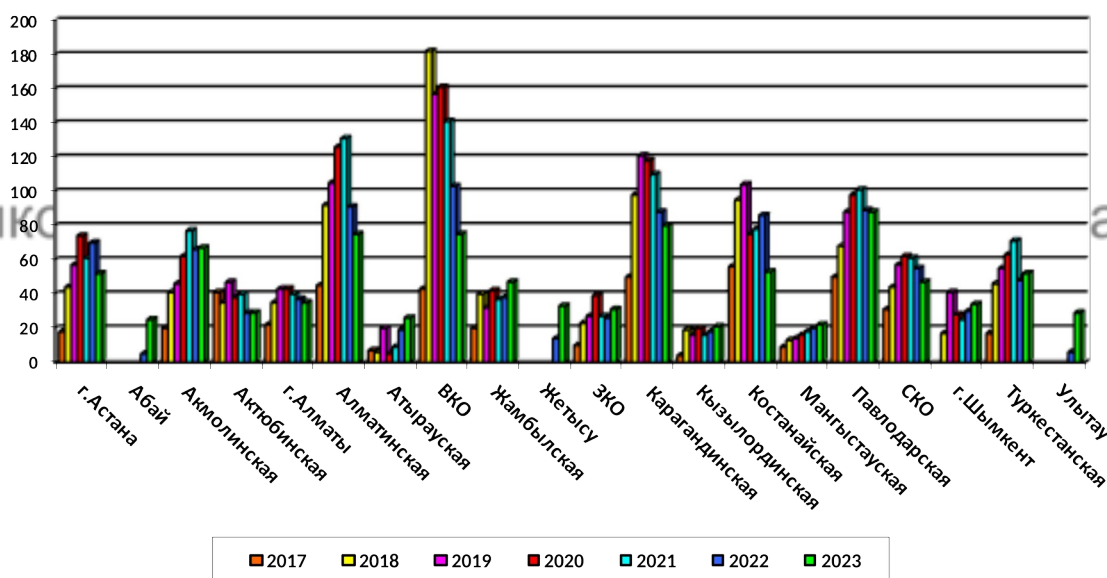

Рисунок 2 – Сведения о семейно-бытовой преступности в разрезе административно-территориальных единиц за период с 2017 по 2023 годы

Как уже отмечалось, в региональном разрезе, Проведенный в рамках подраздела общий криминологический анализ состояния семейно-бытового насилия (совмещенный с оценкой административно-правовой деликтности) позволяет сформулировать следующие выводы:

1. Выявленные в ходе исследования статистические «перепады» свидетельствуют о том, что сфера правовой юрисдикции (административно-правовая или уголовно-правовая), равно как и изменение категории уголовного правонарушения неизбежно отражается на регистрации соответствующих деяний. С учетом изменений, которые внесены Законом РК от 15 апреля 2024 г.

№72-VIII, обоснован прогноз, что количество регистраций побоев (вновь включенная ст. 109-1 УК РК) и случаев умышленного причинения легкого вреда здоровью (ст. 108-1 УК РК) заметно сократится.

2. С учетом проведенного анализа есть основания для утверждения, что личности семейно-бытового насильника применима оценка через «свойство опасного состояния», которое отличает его от других видов личности преступника. Особенность эта заключается в том, что конкретное лицо (категория лиц), как правило, являются источником опасности исключительно в сфере замкнутого круга семейно-бытовых отношений, когда жертвой насилия становится один или несколько членов семьи. По этой причине факт изменения сферы ответственности за менее опасные формы физического насилия с административно-правовой на уголовно-правовую не способно оказать существенно сдерживающего эффекта (разве что в незначительном временном промежутке), а лишь повысит уровень латентности совершаемых насильственных деяний. Соответственно, профилактическое воздействие предполагает обязательный учет тех лиц, кто ранее привлекался к административной ответственности (тем более, неоднократно) за факты семейно-бытового насилия.

3. Учитывая повышенные способности семейно-бытовой преступности к самодетерминации (за счет специфики паттернов семейно-бытового насилия), следует констатировать, что декриминализация побоев и умышленного причинения легкого вреда здоровью выступила в качестве специфического акселератора насильственной преступности в семейно-бытовой сфере, случившейся именно на факторе самодетерминации. Так, констатация базового прироста в 2023 г. (в сравнении с 2017 г.) общей массы административной деликтности в семейно-бытовой сфере на 238,7%; убийств на 124%; умышленного причинения тяжкого вреда здоровью на 186%; умышленного причинения средней тяжести вреда здоровью на 287%; изнасилований (при условии незначительных случаев регистрации) – 533% свидетельствует о том, что имела место кумуляция насильственной мотивации, которая не получала должного пресечения в административно-правовом поле по причине несущественности применяемых санкций.

4. Самодетерминация семейно-бытового насилия иллюстрируется и на основе регионального подхода, поскольку области, демонстрирующие наибольший уровень административно-правовой деликтности в сфере семейно-бытового насилия (Восточно-Казахстанская, Карагандинская, Алматинская, Павлодарская, Костанайская область), представлены негативными тенденциями и в уголовно-правовых формах анализируемого сегмента преступности (Приложение Г).

3.2 Методы криминологической профилактики семейно-бытового насилия на современном этапе

Профилактика семейно-бытового насилия требует принятия значительного комплекса мероприятий, которые должны иметь место как на стадии рисков зарождения конфликтности в отдельно взятой семье, так и в ходе

предотвращения повторных случаев насилия, в том числе с использованием аксикреации (психологическое оздоровление) жертвы и виновного лица. Произведенные в последние годы изменения уже создали достаточно разветвленную инфраструктуру, связанную с оказанием помощи семьям, находящимся в трудной жизненной ситуации, а также жертвам бытового насилия. Вместе с тем, целый ряд вопросов до настоящего времени остаётся не решённым.

Как уже неоднократно указывалось, профильным законодательным актом является Закон от 4 декабря 2009 г. №214-IV «О профилактике бытового насилия» [19]. При этом следует учитывать, что в различные временные промежутки также были приняты иные законодательные акты, касающиеся профилактики правонарушений в РК: Закон РК от 9 июля 2004 года №591-II «О профилактике правонарушений среди несовершеннолетних и предупреждении детской безнадзорности и беспризорности» [23], Закон РК от 29 апреля 2010 г. №271-IV «О профилактике правонарушений» [24].

В вопросах взаимодействия указанных нормативных правовых актов следует отметить ряд обстоятельств.

Во-первых, все они в качестве основного термина включают указание на «профилактику». В теории по вопросу соотношения терминов «профилактика» и «предупреждение» (в актах как советского, так и современного периода развития законодательства использовались также понятия «противодействие», «предотвращение», «борьба»). Явное большинство современных исследователей считают термин «профилактика» наиболее соответствующим той деятельности, которая фактически предполагается и осуществляется, поскольку она представляет собой «лечение болезни» в самом начале ее развития, то есть предупреждение правонарушений и преступлений на самом истоке их детерминации. При этом многие авторы полагают, что существенных отличий между терминами «профилактика» и «предупреждение» нет, а первый в большей степени отражает тактику достижения результата, который обозначается вторым.

Во-вторых, возникает вопрос относительно того, насколько разные сферы общественных отношений данные законодательные акты, в конечном итоге, регламентируют. С одной стороны, нельзя отрицать, что само наименование указанных нормативно-правовых актов свидетельствует о том, что они адресно ориентированы на определенную сферу общественных отношений (хотя Закон РК от 29 апреля 2010 г. №271-IV, исходя из самого наименования предполагает уже ориентирование на всю систему профилактического воздействия). Однако, вопрос о целесообразности единого законодательного акта, объединяющего все вопросы профилактического воздействия на правонарушения и преступления, остаётся актуальным.

Р.Н. Шарипов настаивал на том, что для построения эффективной системы профилактики требуется принятие единого для всего государства нормативного правового акта. Другие авторы отмечают, что единый «профилактический» закон необходим, в первую очередь, для единообразия терминологии и применяемых форм профилактики [213].

Вопрос об объединении всех трех «профилактических» законов в один к настоящему времени, в целом, является вполне назревшим. В данном случае следует предположить, что такая трехзвенность «профилактического» законодательства, скорее всего, связана с тем, что первоначально актуализировалась та или иная проблема, по причине чего издавался соответствующий «профилактический» акт именно в целях решения назревшей проблемы. Это в дальнейшем привело к тому, что в тексте указанных нормативных правовых актов имеется значительное количество пересечений, которых можно было бы избежать при издании единого закона. Так, в частности, ч. 5 ст. 19-1 Закона РК от 9 июля 2004 г. №591-II содержит формулировку: Меры индивидуальной профилактики правонарушений в отношении несовершеннолетних, совершивших бытовое насилие, применяются с учетом особенностей, установленных Законом РК «О профилактике бытового насилия».

Более того, Закон от 29 апреля 2010 г. №271-IV, который должен объединять все вопросы профилактики, содержит аналогичную формулировку (ч. 6 ст. 23 «Меры индивидуальной профилактики правонарушений»). Имеются и случаи прямого дублирования: так, в частности, регламентация деятельности комиссий по делам несовершеннолетних имеет место и в Законе РК от 9 июля 2004 г. №591-II (ст. 19), и в Законе от 4 декабря 2009 г. №214-IV (ст. 9). Все это свидетельствует о том, что объединение соответствующих нормативных правовых актов в рамках единого документа не только возможно, но и желательно.

Примечательно, что во всех трех «профилактических» законах в перечне субъектов профилактического воздействия одними из первых указываются местные представительные и исполнительные органы (во всех случаях они указываются непосредственно сразу Правительства РК). В соответствии со ст. 85 Конституции РК, «местное государственное управление осуществляется местными представительными и исполнительными органами, которые ответственны за состояние дел на соответствующей территории». В этой лаконичной формулировке фактически содержится указание на значимое обстоятельство, свидетельствующее, что любые процессы (как позитивного, так и негативного характера) должны надлежащим образом отражаться на текущей практике местных органов власти. Согласно п. 1 ч. 2 ст. 87 Конституции РК, местные исполнительные органы разрабатывают планы, экономические и социальные программы развития территории, а местные представительные органы, в соответствии с п. 1 ч. 4 ст. 86 Конституции РК, утверждают соответствующие планы и программы. При этом конституционный перечень полномочий и представительных, и исполнительных местных органов власти является открытым.

Анализ соответствующих «компетентных» норм трех основных нормативных актов, касающихся вопросов профилактики правонарушений в РК, свидетельствует о том, что в соответствующих перечнях отсутствует единообразие, что является дополнительным аргументом к тому, чтобы все вопросы профилактики правонарушений были сконцентрированы в рамках

единого нормативно-правового акта. Закон РК от 15 апреля 2024 г. №72-VIII, несмотря на обширность внесенных изменений, существенным образом не коснулся непосредственно законодательства, регламентирующего деятельность местных исполнительных и представительных органов. Вместе с тем, целый ряд вопросов, включенных в данный закон, непосредственно касаются, в том числе, и деятельности местных органов власти или взаимодействия с ними: принятие решения о создании центров поддержки семьи при местных исполнительных органах; взаимодействие с создаваемыми контакт-центрами «111» и др.

При этом пунктом 9 Закона РК от 15 апреля 2024 г. №72-VIII внесен ряд изменений в Закон РК от 23 января 2001 года «О местном государственном управлении и самоуправлении в Республике Казахстан»: в частности, ст. 27 данного закона (касающаяся полномочий акиматов области, городов республиканского значения) была дополнена двенадцатью новыми пунктами, касающимися различных видов деятельности, направленных на противодействие семейно-бытовому насилию, защиту интересов семьи, прав несовершеннолетних и женщин.

В контексте всего перечисленного закономерен вывод о том, что законодатель преимущественно акцентирует внимание на профилактических мероприятиях общего характера. Исключение составляют случаи адресного оказания социально-правовой помощи лицам, состоящим на учете службы пробации, а также освободившимся из мест лишения свободы (п. 17-1, п. 17-4 ст. 27; п. 12-1 ч. 1 ст. 35 Закона РК от 23 января 2001 г. №148-II «О местном государственном управлении и самоуправлении в Республике Казахстан» [25].

Аналогично, в ст. 10 Закона РК «О пробации» [22] устанавливается обязанность местных исполнительных органов по оказанию социально-правовой помощи. При этом в свете принятия Закона РК от 30 декабря 2016 г. №95-VII все вопросы социально-правовой помощи в настоящее время сконцентрированы исключительно в компетенции местных исполнительных органов власти. Соответственно, служба пробации к настоящему времени освобождена от всех мероприятий, связанных с оказанием социально-правовой помощи (ранее за ней закреплялась функция по разработке индивидуальной программы оказания данной помощи), и в настоящее время ограничивается разъяснением порядка ее получения. Причем, в соответствии с нормами УИК РК, осужденные сами, обращаются за социально-правовой помощью по собственной инициативе.

Именно в рамках последнего аспекта следует произвести отдельные оговорки. Во-первых, факты семейно-бытового насилия свидетельствуют о том, что виновные лица нуждаются в социально-правовой помощи специфического свойства. Так, в соответствии с п. 4 ч. 1 ст. 15 Закона РК от 4 декабря 2009 г. №214-IV, организации помощи (создаваемые местными исполнительными органами) реализуют психокоррекционные программы с лицами, совершившими акты бытового насилия. Во-вторых, в случаях семейно-бытового насилия адресатами социально-правовой помощи должна являться семья в целом или отдельные ее члены, пострадавшие от акта семейно-

бытового насилия (а не только виновное лицо). В-третьих, в подобных ситуациях следует исключить случай добровольности со стороны лиц, совершивших акты бытового насилия, а предоставление социально-правовой помощи данным лицам и их семьям должно осуществляться на обязательной основе.

Примечательно, что Закон РК от 15 апреля 2024 г. № 72-VIII затронул значительный сегмент общественных отношений, которые так или иначе способны повлиять на проблему семейно-бытового насилия в обществе (образование, госуправление, социальное обеспечение и т.д.), но не затронул вопросы влияния масс-медиа (СМИ и иных информационно-коммуникационных ресурсов) на данную проблему. При этом контент-анализ Интернет-пространства, особенно в части комментирования тех или иных резонансных случаев семейно-бытового насилия свидетельствует о том, что имеются серьезные проблемы как в вопросах освещения соответствующей проблемы, так и в контексте комментирования со стороны пользователей сети. Полагаем, что указанный нормативный правовой акт явно не учел столь значимого фактора, как масс-медиа в противодействии проблеме семейно-бытовому насилию. В частности, еще в диссертационных исследованиях начала 2000-х годов относительно освещения вопросов противодействия преступности отмечалось, что «поскольку качество подобных публикаций и программ оставляет желать лучшего из-за «погони» за сенсацией ряда журналистов, их невысокой юридической квалификации и политической ангажированности, признается актуальной задача отражения в масс-медиа более взвешенной информации, улучшения правовой подготовки представителей масс-медиа, создающих такие публикации и программы» [214]. В целом, как позитивный, так и негативный потенциал СМИ в плане воздействия на преступность и сопряженные с ней процессы и явления уже давно признается криминологической теорией. В частности, под криминологическим воздействием СМИ понимается «информационно-психологическое влияние на личность (социальные группы), обладающее криминогенным либо криминорепульсивным потенциалом, результатом которого является изменение (ухудшение либо улучшение) криминологической ситуации» [215]. То есть специфика отражения того или иного аспекта общественной жизни в масс-медиа может иметь прямо противоположное воздействие на граждан, в диапазоне от желательного до деструктивного.

Не является редкостью обнаружение в контенте казахстанских информационно-коммуникационных ресурсов тех или иных крайне сомнительных высказываний, комментариев относительно вопросов семейно-бытового насилия, в том числе с элементами так называемого виктимблейминга, а также с оправданием гендерной дискриминации посредством тех или иных «традиций», издревле существующих в казахском обществе.

Соответственно, и идеология семейно-бытового насилия также вполне мыслима как негативный информационный конструкт, препятствующий благополучной реализации государственной политики в вопросах

противодействия данному негативному явлению. Семейно-бытовое насилие по своей социально-правовой природе представляет собой такое явление, которое базируется на отдельных социальных противоречиях, в том числе связанных с определенным конфликтом между восприятием должного поведения в рамках так называемого «традиционного» и современного представления о семейных ценностях, месте мужчины и женщины в семье, взаимоотношений разных поколений между собой и т.д. [211, р. 213-234]. Без надлежащих внешних регуляторов и оздоравливающего внешнего воздействия данный вид криминального поведения будет постоянно детерминироваться и даже самодетерминироваться. Как указывается в исследованиях, «благоприятная среда, способствующая самодетерминации преступности, представляет собой криминогенные явления, создающие условия (устраняющие препятствия) для функционирования внутренних источников воспроизводства преступности» [216].

То есть источником самодетерминации семейно-бытовой преступности можно фактически считать само общество с его сохраняющимися стереотипами, неблагоприятными установками, основанными на гендерном диспаритете, тотальной виктимностью в рамках семейно-бытовых отношений и т.д.

Замалчивание темы семейно-бытового насилия стало бы крайне нежелательным решением, несмотря на все издержки, которые нередко сопряжены с освещением данной тематики в информационно-коммуникационных ресурсах. Кроме того, согласно п. 6 ст. 6 Закона РК от 16 ноября 2015 г. №401-V «О доступе к информации», информация, касающаяся нарушения прав и свобод человека, не подлежит ограничению [217].

Следует отметить положительный опыт казахстанского законодателя в вопросах законодательного регулирования вопросов защиты несовершеннолетних от информации, которая может принести вред их развитию, психическому и физическому здоровью. Так, Закон РК от 2 июля 2018 г. №169-VI «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» в ч. 2 ст. 16 содержит перечень контента, который следует отнести к информации, запрещенной для детей: «1) побуждающая детей к совершению действий, представляющих угрозу их жизни и (или) здоровью, в том числе к суициду; 2) провоцирующая детей на антиобщественные и противоправные действия; 3) содержащая специальный сексуально-эротический характер; 4) содержащая описание и (или) изображение сексуального насилия; 5) содержащая ненормативную лексику; 6) распространение которой среди детей запрещено иными законами Республики Казахстан» [218]. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что указанный нормативный правовой акт не содержит полного запрета на демонстрацию сцен насилия, однако устанавливает определенные требования к сюжету, посредством которых сцены насилия не должны иметь характер деструктивного воздействия на психику несовершеннолетнего.

В связи с принятием Закона РК от 2 июля 2018 г. №169-VI, были внесены соответствующие изменения также и в КРКоАП 2014 г. Так, Законом РК от 2

июля 2018 г. №170-VI были внесены изменения в редакцию ст. 134 КРКоАП, согласно которым административным правонарушением стала не только продажа несовершеннолетним продукции эротического содержания, но и иные формы распространения данной продукции, равно как и иной информации, запрещенной для детей. Кроме того, этим же законом КРКоАП был дополнен новой статьей – ст. 156-1 «Нарушение законодательства Республики Казахстан о защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»; также ст. 409 КРКоАП была дополнена ч. 7-2 следующего содержания: «Несоблюдение организациями образования требований по обеспечению доступа обучающихся и воспитанников к сети Интернет с использованием услуг операторов связи, предназначенных для ограничения доступа детей к информации, причиняющей вред их здоровью и развитию...» [26].

В целом, следует признать, что интересы несовершеннолетних постоянно находятся в эпицентре внимания законодателя, по причине чего решение вопроса относительно их защиты от вредной информации выглядит гораздо более благополучным, нежели общее решение вопросов относительно освещения вопросов семейно-бытового насилия. Так, с одной стороны, сформирован самостоятельный правовой механизм, включающий в себя как основные критерии допуска несовершеннолетних к той или иной информации с точки зрения рисков ее негативного воздействия на различные возрастные группы, так и арсенал средств правового реагирования на нарушения, допускаемые субъектами, производящими или распространяющими соответствующую информацию.

Нельзя недооценивать разрушительное влияние на жертву семейно-бытового насилия тотально распространенного виктимблейминга, который приводит к психологической (а, иногда, и физической) ретравматизации. Причем, он может носить характер индивидуального воздействия со стороны знакомых, родственников, по-прежнему ошибочно воспринимающих паттерны семейно-бытового насилия и предпочитающих сохранить те или иные деструктивные формы поведения в семье в тайне от окружающих.

На подобные факторы достаточно трудно повлиять правовыми методами, поскольку семейно-бытовые отношения во многом остаются в сфере частной жизни граждан, которая является неприкосновенной. В данном случае эффективной может оказаться только последовательная просветительская работа, в особенности с подрастающим поколением, в целях того, чтобы они в последующем не ретранслировали прошлый негативный опыт. Однако подобное воздействие на жертву возможно и со стороны значительного круга граждан (общественности). С учетом современного масштаба распространения соцсетей, включенности практически всех людей в систему виртуальной коммуникации, жертва семейно-бытового насилия может стать, в том числе, и жертвой информационной интервенции, по причине чего последствия от актов насилия могут только усугубиться. И в данном вопросе особое внимание следует уделить как СМИ, так и различным блогерам, владельцам интернет-каналов, транслирующих ту или иную идеологию на обширный круг пользователей.

Так, в частности, КоАП РК Законом РК от 10 июля 2023 г. №20-VIII был дополнен ст. 456-2 «Размещение, распространение ложной информации» [26]. В соответствии с ч. 5 ст. 456-2 КоАП установлена ответственность инфлюенсеров (блогеров) за «размещение, распространение ложной информации пользователями онлайн-платформ, создающей условия нарушения общественного порядка, прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства, если эти действия не содержат признаков уголовно наказуемого деяния...». При этом в примечании к данной статье отмечено: «Для целей части пятой настоящей статьи под инфлюенсером (блогером) понимается пользователь онлайн-платформы, публикующий информацию на онлайн-платформах, адресованную неопределенному кругу лиц, в целях предпринимательской деятельности». Очевидно, что данная статья не может быть применена к целям, которые были обоснованы выше (воспрепятствование негативному воздействию СМИ на жертв семейно-бытового насилия и общество). Законодатель идет по пути расширения сферы ответственности за качество, достоверность, допустимость той или иной информации не только в отношении СМИ, но и в отношении блогеров (инфлюенсеров), хотя в ст. 456-2 КРКоАП существенно ограничивает соответствующие ограничения исключительно целями предпринимательской деятельности.

В рамках любого направления криминологического предупреждения преступности одним из приоритетных направлений является максимально возможное снижение ее латентного сегмента (это особенно касается посягательств в сфере семейно-бытового насилия, которые отличаются наиболее критичным уровнем латентности). При этом следует учитывать, что разрушительные последствия виктимблейминга неизбежно приведут к тому, что латентность будет не только не снижаться, но, напротив, возрастать [219]. В данном случае психологи дают практически единодушное объяснение восприимчивости общества к обвинению жертвы бытового насилия: действуют механизмы самозащиты по принципу «я такого поведения не допускаю, значит, со мной подобное не случится» [220]. Данные негативные психолого-установочные стратегии являются не только не желательными, но и вредными, поскольку неизбежно снизят эффективность государственной политики в вопросах противодействия семейно-бытовому насилию. Отсутствие массового отклика со стороны всех граждан, здорового общественного диалога, своего рода медиации между различными социальными группами (по признаку пола, возраста, родовой принадлежности и т.д.) в вопросах отношения к актам семейно-бытового насилия. При этом исключая любые дискриминационные моменты, следует, контент-анализ СМИ и информационно-коммуникационных ресурсов свидетельствует о том, что виктимблеймингу подвергаются преимущественно женщины [221].

Следует отметить, что многие законодательные акты, которые непосредственно касаются защиты жертв семейно-бытового насилия, в том числе и УПК РК, изменения в который в контексте соответствующей проблемы произведены исключительно Законом РК от 15 апреля 2024 г. №72-VIII,

причем, касающиеся исключительно тех изменений в УК РК, которые были одновременно произведены данным законом (в частности, криминализация побоев и умышленного причинения легкого вреда здоровью). Вместе с тем, криминологическая профилактика семейно-бытового насилия невозможна без всеобъемлющей профилактической работы как на предкриминальных, так и на посткриминальных стадиях.

Завершая теоретический разбор проблемы ответственности СМИ, блогеров (инфлюенсеров), лидеров общественного мнения, должностных лиц государства в вопросах оправдания семейно-бытового насилия, виктимблейминга в отношении жертв данных насильственных инцидентов, гендерной дискриминации и т.п. следует обратиться к основному профильному Закону РК от 19 июня 2024 года №93-VIII ЗРК «О масс-медиа» [222], заменившего Закон РК от 23 июля 1999 г. №451-І «О средствах массовой информации» [223]. В новом законе, как и в утратившем законную силу, отсутствует к настоящему времени какое-либо упоминание проблемы семейно-бытового насилия. Корреспондирующие нормы Закона РК «О масс-медиа» содержатся: ч. 3 ст. 23, в которой отмечается, что пропаганда или агитация культа жестокости и насилия ведет к приостановлению, прекращению выпуска масс-медиа или средства массовой информации либо распространению продукции масс-медиа или средства массовой информации; п3) ч.1 ст. 25, содержащей основания отказа в постановке на учет иностранных средств массовой информации если материалы иностранного теле-, радиоканала содержат пропаганду или агитацию культа жестокости и насилия; ч.4 ст. 67, предусматривающей ответственность за нарушение законодательства РК о масс-медиа за распространение сообщений и материалов, содержащих культ жестокости, насилие и порнографию, независимо от источника их получения.

Соответствующая норма, предусматривающая административно-правовую ответственность за изготовление, хранение, ввоз, перевозку на территории РК продукции, указанного выше содержания, содержится в ст. 453 КоАП РК [26].

С одной стороны, запрет на распространение, пропаганду и агитацию насилия, включенный в профильный Закон РК «О масс-медиа», может быть воспринят и в контексте проблемы семейно-бытового насилия. Однако трактовка понятия «насилие» может быть крайне широкой и включать в себя самые различные формы проявления агрессивного и насильственного поведения (оправдание насилия в отношении лиц, совершивших акты педофилии; пропаганда насильственных форм разрешения политических конфликтов и иные самые различные проявления). Что же касается семейно-бытового насилия, то в данном случае речь идет о специфичной сфере общественных отношений, которая имеет собственные источники уязвимости и совершенно иные механизмы влияния на общественное мнение, причем, эскалация негативных установок в данном случае имеет гораздо большие риски. Так, ранее отмечались источники проблем общественного диалога по вопросам семейно-бытового насилия, по причине которых сложно прийти к консенсусу относительно восприятия как самого семейно-бытового насилия,

так и ответственности за него. При этом периодически имеют место выступления высших должностных лиц государства, которые не только не созвучны вектору государственной политики в соответствующем вопросе, но, напротив, формулируют аргументы относительно совместной вины агрессора и жертвы. Объясняется это различием менталитета граждан государства, проживающих в различных регионах («юга» и «севера»), наличием последствий для чувства достоинства мужчин, которые по причине заявления со стороны своих супругов оказались во временной изоляции и т.д.

На сайте электронного ресурса kz.kursiv.media соблюдена этическая сторона подачи материалов, поскольку в самом заголовке «Казахстанский депутат призвал арестовывать женщин, которые «провоцируют» домашнее насилие» были вполне уместно применены кавычки в слове «провоцируют», чем фактически подчеркивается как спорность соответствующего высказывания (как минимум, со стороны лиц, формирующих соответствующую информацию для источника), так и отсутствие эмоционального присоединения к соответствующей позиции [224]. При этом авторы специальных исследований публикаций в СМИ обнаруживают значительное количество текстуальных оборотов, которые явно или в скрытой форме оправдывают агрессора или переносят часть вины на жертву семейно-бытового насилия: «глава семейства отчитывал нерадивую жену за лень и пьянство»; «мужчина пытался узнать, было ли когда-то предательство со стороны благоверной»; «мужчина настойчиво пытался вернуть жену»; «безумие и страсть: как чиновник убил любовницу»; на этом этапе девушка могла всё изменить, заявив, что не желает быть женой...» и многие другие [225].

Несмотря на крайнюю нежелательность или вредность подобных текстуальных конструкций в масс-медиа, они, тем не менее, преимущественно соотносимы с вопросами журналистской этики и, очевидно, требуют поступательного воздействия в рамках самого профессионального сообщества. Совершенно иное дело – когда масс-медиа (СМИ, блогер), лидер общественного мнения распространяют информацию, согласно которой формируется «альтернативная реальность», в которой жертва бытового насилия сама «виновата», так как допускает вольности, употребляет алкоголь, имеет сомнительное прошлое и т.п. При этом возможна апелляция к необходимости поддержания традиций, уважения к старшим (при этом старшее поколение часто само является источником виктимблейминга), издержкам политики гендерного равенства в зарубежных странах и т.д.

Сообразно всем приведенным аргументам, выглядит обоснованным предложение относительно необходимости включения в КРКоАП нового состава административного правонарушения, который бы включал признаки деяния, связанного с оправданием семейно-бытового насилия, а также дискриминацией и обвинением жертв бытового насилия. Исходя из логики построения Главы 26 КРКоАП «Административные правонарушения в области печати и информации», соответствующую норму следует включить в рамках новой ст. 453-1 и изложить следующим образом: *«Распространение информации, а равно публичные высказывания, связанные с оправданием*

семейно-бытового насилия, в том числе, с обвинением жертвы, дискриминационными высказываниями по гендерному признаку и любой иной формой искажения, независимо от цели соответствующей деятельности...».

В данном случае нет необходимости акцентирования внимания на санкции предлагаемой статьи (преимущественно в правонарушениях данной группы используются штрафные санкции, а также конфискация продукции СМИ). В целом, достаточным будет даже предупреждение или временная приостановка деятельности (в том числе, блокировка пользователя в сети Интернет). Вопрос возникает только в контексте квалифицирующих признаков данного состава. В данном случае следует учитывать ряд обстоятельств.

Во-первых, повышенная ответственность должна иметь в случаях, когда лицо, распространяющее информацию, имеет возможность доносить ее до значительного количества пользователей.

Во-вторых, следует в обязательном порядке установить ответственность должностных лиц за соответствующие высказывания, поскольку в данном случае эффект эмоционального воздействия на массы может оказаться меньшим, однако сам факт публичного высказывания должностного лица в подобном русле должен признаваться недопустимым и приводить к соответствующей правовой реакции.

Недооценивать роль информационного воздействия в эскалации того или иного вида уголовно наказуемого поведения часто чревато негативными последствиями. В частности, именно по этой причине в 2022 г. УК РК был дополнен ст. 217-1 «Рекламирование финансовой (инвестиционной) пирамиды», поскольку административно-правовых ресурсов воздействия оказалось недостаточно для сдерживания стремительного роста деяний соответствующего вида. Итак, в рамках предложенной ст. 453-1 КРКоАП предлагаются к включению следующие квалифицирующие признаки: 1) деяние, предусмотренное ч. 1 настоящей статьи, совершенное повторно в течение года после наложения административного взыскания (стандартный квалифицирующий признак, имеющий значение в деяниях, которые тяготеют к повторению в последующем); 2) совершение деяния лицом, уполномоченным на выполнение государственных функций, а также лидером общественного мнения. Соответственно, формулировка ч. 2 ст. 453-1 КРКоАП будет звучать следующим образом: «Деяние, предусмотренное частью первой настоящей статьи, совершенное повторно в течение года после наложения административного взыскания, а также лицом, уполномоченным на выполнение государственных функций или лидером общественного мнения». При этом в примечании к данной статье (аналогично ранее приведенному примечанию относительно инфлюенсеров) следует указать: «Для целей настоящей статьи лидером общественного мнения признается лицо, которое в силу своей профессиональной деятельности и иных обстоятельств способно оказывать информационное воздействие на значительный круг лиц». Причем, в экономических исследованиях современных маркетинговых технологий уже давно отмечается высокая информационная эффективность рекламных кампаний с привлечением лидеров общественного мнения для продвижения тех

или иных товаров или услуг, что требует определенной правовой базы в отношении данного вида деятельности [226].

Использование в качестве специального субъекта «лидеров общественного мнения» (а не блогеров, инфлюенсеров) в данном случае является оправданным по той причине, что в большей степени имеет значение даже не столько массовость подписчиков того или иного лица в соцсетях (в целом, он может даже вообще не вести аккаунты), а тот факт, что данное лицо является известным значительному количеству граждан, может воздействовать на их сознание, а его личная позиция или убеждения могут привести к «эффекту подражания», безоговорочного принятия информации. Предложенное дополнение КРКоАП позволит повысить уровень не только моральной, но и правовой ответственности лиц, которые до настоящего времени без каких-либо ограничения позволяют себе инсинуации в отношении фактов семейно-бытового насилия, государственной политики в данном направлении и т.д.

Ранее уже была обозначена проблема защиты жертвы семейно-бытового насилия на стадии досудебного производства, которая до настоящего времени не решена на уровне уголовно-процессуального законодательства. При этом данный вопрос неизбежно находится в общем комплексе криминологической профилактики, поскольку если вопросы реабилитации жертвы семейно-бытового насилия преимущественно находятся в сфере оказания ей адресных социальных услуг, то вопросы предотвращения ретравматизации, вторичной виктимизации как раз непосредственно связаны с деятельностью правоохранительных органов, в том числе в связи с осуществлением досудебного производства по делам о семейно-бытовом насилии.

Одной из основных первоначальных задач при купировании актов последующего семейно-бытового насилия, а также создания благоприятной обстановки для жертвы такого насилия максимально требуется ее сепарация с насильником, т.е. все возможные способы исключения дальнейшего контактирования в случаях, когда имеется основание полагать, что оно неблагоприятно скажется на пострадавшем лице.

В настоящее время наибольший акцент в вопросах обеспечения прав потерпевших в уголовном процессе касается несовершеннолетних жертв преступлений. К основополагающим документам здесь можно отнести Конвенцию о правах ребенка от 20 ноября 1989 года [3], Конвенцию Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуального насилия от 25 октября 2007 года [13], Руководящие принципы, касающиеся правосудия в вопросах, связанных с участием детей-жертв и свидетелей преступлений, принятые 22 июля 2005 г. [227], согласно которым благополучие и интересы детей являются основополагающими ценностями, что требует, в том числе, и принятие мер, препятствующих их повторной травматизации в ходе уголовного судопроизводства.

Анализ указанных международных документов, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних и с их участием позволяет выделить следующие основополагающие принципы (методы), которые рекомендуется применяться в подобных случаях: 1) минимизация рисков

получения повторного психологического травмирования в ходе ведения процедур, связанных с расследованием преступления и рассмотрения дела в суде; 2) предотвращение коммуникации несовершеннолетних с предполагаемым нарушителем на всех этапах уголовного судопроизводства; 3) применять вызов в суд только в случае крайней необходимости за счет применения других мер получения и фиксации материалов опросов (допросов) несовершеннолетних лиц; 4) применение методов видеофиксации, которые могут заменить непосредственное участие несовершеннолетнего в суде; 5) использовать методы передачи показаний не только непосредственно, но и через посредников.

В рамках действующего УПК РК имеется инструмент, который непосредственно можно рассматривать в качестве формы реализации рекомендаций указанных международно-правовых документов. Так, согласно ч. 1 ст. 217 УПК РК предусматривается возможность процедура депонирования показаний потерпевшего или свидетеля следственным судьей, которая осуществляется при наличии следующих оснований: «...более поздний их допрос в ходе досудебного расследования либо судебного заседания может оказаться невозможным в силу объективных причин (постоянное проживание за пределами Республики Казахстан, выезд за границу, тяжелое состояние здоровья, применение мер безопасности), а также в целях исключения последующих допросов несовершеннолетних свидетелей и потерпевших для исключения психотравмирующего воздействия».

К настоящему времени в рамках уголовного процесса многих стран ближнего и дальнего зарубежья применяются различные методики защиты несовершеннолетних жертв преступлений, которые базируются на том, чтобы исключить возможность ретравматизации в ходе участия в следственных действиях, в особенности, когда они связаны с необходимостью контактирования с виновным лицом. Так, в частности, при отсутствии института депонирования показаний, УПК РФ предусматривает возможность видеофиксации показаний несовершеннолетних потерпевших или свидетелей. У данной практики есть как сторонники, так и противники. В частности, отмечается, что в ряде случаев применение видеофиксации показаний несовершеннолетних потерпевших имеет ряд побочных нежелательных последствий, связанных с тем, что имеет место сплошная запись всего речевого ряда, при котором несовершеннолетний может испытывать затруднения при формулировании своих мыслей, а также допускать использование ненормативной лексики и т.д. [228].

Контент-анализ информационно-коммуникационных ресурсов, публикаций в СМИ свидетельствует о том, что современные методы, применяемые при участии несовершеннолетних в производстве следственных действий, далеки от тех рекомендаций, которые были приведены ранее. Так, в частности, описывается ситуация, когда 12-летняя девочка, подвергшаяся сексуализированному насилию со стороны нескольких взрослых мужчин, по причине участия в значительном количестве следственных действий, накануне

дня очередного следственного мероприятия потеряла сознание, в результате чего у нее было диагностировано психическое истощение [229].

В разрезе указанных проблемных вопросов казахстанский опыт депонирования показаний (ст. 217 УПК РК) представляется достаточно убедительным решением проблемы; что касается применения видеофиксации с целью последующего освобождения несовершеннолетнего от участия в судебных заседаниях, - данный вопрос также заслуживает внимания. Вместе с тем, несовершеннолетние – не единственная уязвимая категория, поскольку в рамках дел о семейно-бытовом насилии также имеются значительные риски к тому, чтобы потерпевший был лишен возможности дать истинные показания по причине давления со стороны членов семьи, самого подозреваемого, обвиняемого (особенно если к нему не применена мера пресечения в виде содержания под стражей).

К примеру, основания для применения депонирования показаний в случаях актов семейно-бытового насилия фактически предусматривает украинский законодатель. Так, ст. 225 УПК Украины предусматривает возможность применения процедуры депонирования в случаях: «наличие существующей опасности для жизни и здоровья свидетеля, потерпевшего, либо, когда свидетель, потерпевший - тяжелобольные; наличие других обстоятельств, которые могут сделать невозможным их допрос в суде, либо же данные обстоятельства могут повлиять на полноту и достоверность их показаний» [230]. Казахские исследователи, оценивая опыт Украины, высказывают мнение о предпочтительности казахстанского варианта регламентации по причине более выраженной детализации обстоятельств, указанных в ч. 1 ст. 217 УПК РК [231]. Вместе с тем, именно лаконичность, принятая за основу украинским законодателем, фактически позволяет применять данную процедуру в гораздо большем диапазоне случаев, в том числе, и по делам о семейно-бытовом насилии.

В теории уголовного процесса вопрос относительно целей, задач, оснований и процедуры проведения депонирования показаний в настоящее время является предметом активного обсуждения. Как показывает опыт стран, где уже внедрена практика депонирования показаний свидетелей, потерпевших (Украина, Молдова, Эстония, Грузия, Кыргызстан), максимальный акцент имеет место в отношении несовершеннолетних свидетелей, хотя, к примеру в Грузии имеется оговорка о применении депонирования в случаях применения специальных мер защиты. В теории же подчеркивается значимость депонирования показаний в ситуациях, когда потерпевший, свидетель могут быть подвергнуты угрозам, запугиванию со стороны других участников процесса или иных лиц [232]. Таким образом, в целях повышения степени защищенности жертв семейно-бытового насилия в уголовном процессе, а равно для получения достоверных данных о совершенном уголовном правонарушении, ч. 1 ст. 217 УПК РК должна быть дополнена новым обстоятельством: «наличие существующей опасности для жизни и здоровья свидетеля, потерпевшего». В целом, оно может быть применимо и к иным ситуациям (не связанным со сферой семейно-бытовых отношений), но именно

исследуемый сегмент преступность максимально тяготеет к применению данного приема получения и фиксации показаний.

В контексте комплексного предупредительно-купирующего воздействия на факты бытового насилия особое значение имеет фактор принудительной коррекции поведения лица, допускающего соответствующие формы поведения.

Впервые вопросы наложения определенных ограничений на лиц, допустивших насильственные формы поведения, были обозначены в ст. 59-1 КоАП РК редакции 2001 г., которая была включена Законом РК от 29 апреля 2010 г. №272-IV [233]. Во многом это было обусловлено последовательной диффузией вопросов профилактики семейно-бытового насилия в правовое поле национального законодательства, в том числе, и путем использования заимствования из зарубежных практик. Одним из основных постулатов в вопросах воздействия на лиц, совершивших акты бытового насилия, является необходимость максимального обеспечения пострадавших лиц в последующем периоде, которое нередко возможно только путем тех или иных форм сепарации правонарушителя от семьи или от конкретной жертвы. В этом смысле постоянно обсуждается также и вопрос относительно криминализации stalking как навязчивого преследования одним лицом другого, поскольку зарубежный опыт продемонстрировал существенные криминогенные возможности перерастания stalking в более общественно опасные формы поведения. При положительном решении вопроса о введении самостоятельной ответственности за stalking в Казахстане, очевидно, потребуется, сопоставление соответствующего состава с теми требованиями к поведению, которые указываются в ст. 98-3 УК РК [234].

Так, в частности, в первоначальной редакции ст. 59-1 КоАП РК 2001 г. уже указывались такие особые требования к поведению правонарушителя, как: «1) вопреки воле потерпевшего разыскивать, преследовать, посещать, вести устные, телефонные переговоры и вступать с ним в контакты иными способами, включая несовершеннолетних и (или) недееспособных членов его семьи; 2) приобретать, хранить, носить и использовать огнестрельное и другие виды оружия». При этом, исходя из редакции нормы, логически следует вывод, что контроль за соблюдением указанных особых требований к поведению правонарушителя возлагался на ОВД, в том числе, в ч. 2 первоначальной редакции статьи (как и в последующих редакциях) отмечалось, что на правонарушителя может быть возложена обязанность являться в ОВД для профилактической беседы до 4-х раз в месяц.

Законом РК от 18 февраля 2014 г. №175-V «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам противодействия бытовому насилию», основным лейтмотивом которого явилось именно совершенствование законодательства в вопросах противодействия семейно-бытовому насилию, редакция ст. 59-1 КоАП РК 2001 г. была изменена, в том числе, путем включения новой редакции части второй данной статьи, в которой уже предусматривалась возможность применения к лицу, совершившему административное правонарушение в сфере семейно-бытовых отношений, требования о проживании в другом жилище,

нежели в том, где проживает потерпевший (причем, отдельно указывалось «в случае наличия у этого лица другого жилища») [235].

Указанные изменения можно признать одним из ключевых моментов в вопросах формирования комплексной криминологической системы безопасности в семейно-бытовой сфере, поскольку только с указанного момента стал реализовываться не только аспект юридической ответственности, но и значимый фактор превенции в отношении риска последующих насильственных инцидентов в семье. При этом следует отметить целый ряд не вполне согласованных аспектов, которые объективировались с включением анализируемых изменений в административно-деликтное законодательство.

Во-первых, как уже было отмечено, в отношении особых требований к поведению правонарушителя, изначально оформленных в ст. 59-1 КРКоАП 2001 г., отсутствуют какие-либо указания относительно того, кто должен осуществлять непосредственный контроль и с какой периодичностью (в частности, если на лицо не была возложена обязанность являться для профилактической беседы в ОВД). Однозначно был определен суд в качестве исключительного субъекта, который по ходатайству заинтересованных лиц может принять решение о применении соответствующих мер. В отличие от мер, указанных в ст. 59-1 КоАП РК 2001 г., в ст. 20 Закона РК «О профилактике бытового насилия» от 4 декабря 2009 г. № 214-VI в качестве особой меры превентивного воздействия предусмотрено защитное предписание, инициатива которого возлагается на отдельных субъектов-должностных лиц ОВД (перечень указан в ч. 1 ст. 20). При этом по факту принятия профильного закона по вопросам профилактики семейно-бытового насилия, в КоАП РК 2001 г. в апреле 2010 г. была включена ст. 355-1 «Нарушение защитного предписания». Таким образом, в отличие от мер, указанных в ст. 59-1 КоАП РК 2001 г. (устанавливаемых судом), вынесение защитного предписания было подкреплено административно-правовой санкцией за его несоблюдение. Содержание ограничений, составляющих содержание защитного предписания, было изначально практически аутентично п.1 ч. 1 ст. 59-1 КоАП РК 2001 г.

Во-вторых, в отличие от особых требований к поведению (ч. 1 ст. 59-1 КоАП РК 2001 г.), продолжительность которых сразу была определена сроком до 1 года, срок действия защитного предписания (ст. 20 Закона о профилактике бытового насилия) изначально составлял 10 суток с момента его вручения правонарушителю, а в 2014 году был изменен на 30-суточный срок. Причем, с момента изменения срока действия защитного предписания было установлено требование о том, что периодичность проверки должна составлять не реже, чем 1 раз в 7 календарных дней. В данном случае обращает на себя внимание то обстоятельство, что периодичность контроля за соблюдением особых требований к поведению, устанавливаемых в порядке ст. 59-1 КоАП РК 2001 г. не оговаривалась.

В-третьих, складывалась ситуация, что вопросы применения особых требований к поведению ограничивались исключительно сферой административно-правовой юрисдикции, в результате чего более общественно опасные акты насильственного поведения в семейно-бытовой сфере, относимые

к уголовно наказуемым деяниям, не предполагали возможности применения подобного инструментария к лицам, совершившим акты семейно-бытового насилия в заметно более опасных формах. Подобная ситуация возникла по причине того, что сфера семейно-бытового насилия совершенно необоснованно была изначально закольцована исключительно на таких деяниях, как побои и умышленное причинение легкого вреда здоровью (в совокупности с побочными эффектами, возникавшими по причине неоднократного изменения юрисдикционной принадлежности данных составов). Соответственно, например, при применении мер уголовного воздействия, не связанных с изоляцией от общества, в отношении лица, умышленно причинившего средней тяжести вред здоровью члену семьи, наложение соответствующих ограничительных мер к поведению УК РК 1997 г. (равно как и последующий УК РК 2014 г.) не предусматривали.

В первоначальной редакции ч. 1 ст. 54 КРКоАП 2014 г. возникли изменения, которые были связаны, в первую очередь, с изначальным решением законодателя вновь криминализировать побои и умышленное причинение легкого вреда здоровью в рамках первоначальной редакции УК РК 2014 г. (повторно были декриминализированы в 2017 г.); кроме того, перечень особых требований был дополнен указанием на запрет несовершеннолетним лицам посещать определенные места, а также выезжать в другие местности без разрешения комиссии по делам несовершеннолетних. Далее, Законом РК от 9 апреля 2016 г. №501-V «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам защиты прав ребенка» перечень ограничений к поведению правонарушителя был дополнен также указанием на запрет употребления алкоголя, наркотических средств и психотропных веществ [236].

В связи с принятием кардинального решения о повторной декриминализации побоев и умышленного причинения легкого вреда здоровью с переводом в разряд административных правонарушений, перечень правонарушений в ч. 1 ст. 54 КРКоАП редакции 2014 г. была дополнена указанием на вновь включенные ст. 73-1 и ст. 73-2 КРКоАП.

Некоторые последующие изменения преимущественно касались уточнения редакции ч. 1 ст. 54 КРКоАП, в том числе, перечня деяний, при совершении которых допустимо применение соответствующих ограничительных мер (в частности, ст. 436 КРКоАП была включена, а в последующем изъята из перечня). И, наконец, Законом РК от 15 апреля 2024 г. № 73-VIII, были произведены изменения, которые, во-первых, связаны с принятием решения о реконструкции составов побоев и умышленного причинения легкого вреда здоровью в УК РК; во-вторых, с расширением перечня особых требований к поведению правонарушителя. Соответственно, в ч. 1 ст. 54 КРКоАП было изъято указание на ст. 73-1 и ст. 73-2.

Особо примечательно решение законодателя отказаться от того, чтобы связывать возможность принуждения к отдельному проживанию правонарушителя от потерпевшего в течение 30 суток только с фактом наличия у первого отдельного жилья (в настоящее время данное обстоятельство не

принимается во внимание и фактически решение жилищного вопроса возлагается на самого правонарушителя). При этом ст. 54 КРКоАП была дополнена ч. 2-1 следующего содержания: «При установлении особых требований к поведению лица, совершившего административное правонарушение в сфере семейно-бытовых отношений, суд вправе установить меры по оказанию психологической помощи».

Как уже было отмечено, законодатель совершенно справедливо отказался от соотнесения факта применения данной меры с наличием (отсутствием) другого жилья у виновного, что позволяет ему проживать отдельно от потерпевшего. При этом соответствующую меру в структуре ответственности за акты семейно-бытового насилия следует воспринимать как составную часть собственно процесса реализации данной ответственности. Это есть суть современного представления о комплексности всех общественных отношений, которые складываются по факту того, что один член семьи применил насилие (или последовательность актов насилия) к другому члену семьи.

Еще Гегель, несмотря на культивирование идей относительно того, что цель наказания заключается, в том числе, в исправлении преступника, а также в превенции новых преступлений, акцентировал внимание на то, что оно, в первую очередь, есть все-таки возмездие, поскольку преступник фактически совершил осознанное посягательство на «всеобщее» [237]. Как указывают современные исследователи в сфере философии права, наказание за преступление по своей сути неизбежно представляет собой определенное социальное дистанцирование [238]. В контексте насильственных посягательств в сфере семейно-бытовых отношений данное «метафизическое» дистанцирование требует воплощения во вполне конкретных формах, поскольку этого требуют как интересы жертвы, так и самого правонарушителя. В настоящее время уже имеет смысл постановки новых аксиологических акцентов в вопросах противодействия семейно-бытовому насилию. И в этом плане Закон РК «О профилактике бытового насилия» не в полной мере отвечает современному концепту, в рамках которого развивается общемировая практика и к которому, судя по динамике последних изменений всячески стремится Казахстан.

Наказание, сдерживание, наложение ограничения и т.д. – это все необходимый инструментарий к тому, чтобы либо оздоровить микроклимат конкретной семьи (в этом случае цель сопоставима с ранее указанным принципом, включенным в Закон РК «О семейно-бытовом насилии»), либо способствовать тому, чтобы криминологическая безопасность каждого члена семьи была обеспечена на достаточном уровне (в данном случае, следует признать, что сохранение семьи далеко не всегда может способствовать достижению данного маркера).

В отношении работы с жертвами бытового насилия (а также, нередко, и с самими правонарушителями), нередко применяются самые различные термины: социальная поддержка; реабилитация; оказание адресных услуг; психологическая поддержка и др. Однако все эти понятия отражают то или иное направление работы, а не результат, к которому стремится государство и

гражданское общество в попытке влиять на факторы семейно-бытового насилия. Самым же приоритетным результатом, который реально способен предупредить семейно-бытовое насилие (преимущественно, в виктимологическом аспекте), – это достижение аксикреации жертвы бытового насилия. В одной из публикаций автор данного исследования акцентировал внимание на том, что психическое (психологическое) насилие не менее болезненно воздействует на потерпевшего от бытового насилия, поскольку последствия его могут быть еще более трудно преодолимыми и приводит к своего рода «институализации жертвы» [239].

Термин «аксикреация» не получил до настоящего времени широкого применения и встречается лишь фрагментарно в отдельных исследованиях в рамках наук социального цикла. Постепенно он начинается восприниматься и в виктимологическом аспекте. Так, в частности, она оценивается как процесс формирования у виктимной категории граждан (жертв преступлений) новых или регенерация имеющихся положительных направленных установок поведения» [240]. Иными словами, речь идет о такой направленности психологического процесса оздоровления жертвы семейно-бытового насилия, когда профилактика последующих актов насилия происходит не столько за счет расширения набора факторов, сдерживающих правонарушителя, сколько опосредованно через саму жертву, которая перестает быть потенциальной или реальной жертвой. В данном случае значимо то обстоятельство, что положительные установки могут быть утрачены (по причине попадания в токсичную ситуацию) либо вовсе отсутствовать (в частности, у лиц, рано вступивших в брак и не имеющих положительных проекций в родительской семье). При этом абсолютно обоснованный акцент в данном случае сводится к тому, что при отсутствии виктимных качеств, детерминирующих семейно-бытовое насилие, риски виктимизации существенно снижаются или полностью нивелируются. Соответственно, ни в рамках сложившихся семейно-бытовых отношений, ни в возможных последующих коммуникациях первичная жертва не будет подвержена рецидивам виктимизации.

Именно поэтому закономерно предположить, что непосредственно в Законе РК «О профилактике семейно-бытового насилия» в легальной дефиниции термина «профилактика бытового насилия» необходимо указать на цель аксикреации жертв соответствующих форм насильственного поведения. Достижение же этой цели возможно через формирование комплексной системы профилактических мер, которые будут «точечно» воздействовать на правонарушителя и на жертву, в том числе и с точки зрения их необходимой сепарации (краткосрочной, длительной или бессрочной), которая должна применяться гораздо более интенсивно, поскольку она является единственным фактором, реально обеспечивающим Криминологическую безопасность жертв семейно-бытового насилия. Так, в частности, опрос потерпевших, находящихся в кризисных центрах, показал, что в ответе на вопрос относительно причин обращения за помощью 57,8% указали, что нуждались в безопасном месте проживания; 47,8% - стремились скрыться от агрессора, чтобы избежать

последующих насильственных действий; 44,4% - в целях получения профессиональной помощи.

Отчасти решение данных вопросов заложено в Законе РК от 15 апреля 2024 г. №72-VIII. В частности, в Кодекс РК «О браке (супружестве) и семье» внесены изменения, связанные, в том числе, и с включением инструментов по обеспечению криминологической безопасности семей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации в связи с актами семейно-бытового насилия.

Так, КоБС РК был дополнен ст. 5-1 «Центры поддержки семьи», среди направлений деятельности которых, в том числе названо и «оказание поддержки лицам с признаками бытового насилия с возможностью их временного проживания сроком до одного месяца» [27]. Корреспондирующие изменения внесены и в ст. 27 Закона РК от 23 января 2001 г. «О местном государственном управлении и самоуправлении в Республике Казахстан» [25].

Возвращаясь к вопросу относительно особых требований к поведению правонарушителя, которые, в соответствии с Законом РК от 15 апреля 2024 г. № 72-VIII были включены, в том числе, в УК РК, следует отметить ряд вопросов, который требует разрешения. Во-первых, это установление ясной и непротиворечивой системы обстоятельств, при наличии которых устанавливается обязанность виновного лица проживать отдельно от семьи (как было отмечено, использование термина «исключительные случаи» фактически презюмирует, что данная мера будет применяться редко). Во-вторых, необходима четкость относительно периодичности контрольных мероприятий, которые должны осуществляться в отношении проверки соблюдения правонарушителем установленного режима ограничений. В-третьих, следует устранить отраслевые противоречия, которые возникли по причине того, что соответствующие нормативные предписания (добавление УК РК ст. 98-3) стали следствием практически прямого переноса из ст. 54 КРКоАП. Решение фактически всех вопросов следует сконцентрировать на последнем из перечисленных обстоятельств, а именно на уточнении субъекта контроля, в обязанности которого должно входить наблюдение за лицом, совершившим уголовное правонарушение, связанное с семейно-бытовым насилием. Изменения, произведенные Законом РК от 15 апреля 2024 г. № 72-VIII, при их детальной оценке свидетельствуют о том, что они отчасти характеризуются недостатком баланса в отношении учета отраслевой специфики уголовно-правовой сферы. Редакция новой ст. 98-3 УК РК является явным тому подтверждением, поскольку она фактически переносит сферу административно-правовой юрисдикции в уголовно-правовую сферу. При этом, в отличие от сферы административно-деликтной ответственности, в отношении контроля за поведением осужденных лиц имеются иные надлежащие субъекты – службы пробации и учреждения уголовно-исполнительной системы. Соответственно, возникает вопрос относительно того, что Закон РК от 15 апреля 2024 г. должен был внести корреспондирующие изменения и в УИК РК, а также в Закон РК от 30 декабря 2016 г. «О пробации». Причем, практически все звенья пробационного цикла (досудебная, приговорная, пенитенциарная и постпенитенциарная пробация), исходя из расширения механизма

противодействия семейно-бытовому насилию должны быть дополнены новым функционалом. Пробел, допущенный законодателем в связи с принятием Закона РК от 15 апреля 2024 г. № 72-VIII, очевидно, связан с тем, что сфера семейно-бытового насилия в последние годы преимущественно связывалась с фактами побоев и умышленного причинения легкого вреда здоровью. Именно по этой причине изменение юрисдикции с административно-правовой на уголовно-правовую и привело к тому, что были «механически» перенесены отдельные меры без учета того, что субъекты контрольной деятельности должны быть изменены.

Итак, противоречия, связанные с тем, что особые требования к поведению правонарушителя, установленные во вновь включенной в УК РК ст. 98-3, были без содержательных изменений перенесены из ст. 54 КоАП РК, заключаются в том, что сама специфика уголовного процесса существенным образом отличается от производства по делам об административных правонарушениях и, в первую очередь, сроками. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 98-3 УК РК, «к лицу, признанному виновным в совершении уголовного правонарушения, при назначении наказания либо при освобождении от уголовной ответственности или наказания судом по собственной инициативе либо по ходатайству сторон уголовного процесса могут быть установлены особые требования к его поведению на срок от трех месяцев до одного года...». В данном случае следует обратить внимание, как минимум, на следующие обстоятельства. Во-первых, в ч. 1 вновь включенной в УК РК ст. 98-3 фактически объединены два самостоятельных основания для установления особых требований к правонарушителю: 1) признание лица виновным в совершении уголовного правонарушения; 2) освобождение от уголовной ответственности. Во-вторых, субъектом применения соответствующих мер определен суд (в том числе и при наличии ходатайства сторон).

Возникает ряд вопросов, которые, как уже было указано, связаны со сроками уголовного судопроизводства, которые существенным образом отличаются от сроков производства по делам об административных правонарушениях. Так, в соответствии со ст. 817 КоАП РК, «дела об административных правонарушениях рассматриваются в течение пятнадцати суток со дня получения органом (должностным лицом), правомочным рассматривать дело, протокола об административном правонарушении и других материалов дела». Согласно ч. 2 указанной статьи, срок производства может быть продлен максимально до 1 месяца, о чем должно быть вынесено мотивированное постановление (в случае ходатайств сторон, а также при наличии необходимости в дополнительном выяснении обстоятельств дела).

Иные сроки установлены УПК РК, причем, учитывая то обстоятельство, что к настоящему времени весь сегмент семейно-бытового насилия будет иметь сферу уголовно-правовой юрисдикции, во внимание следует принимать именно сроки досудебного расследования. Так, согласно ч. 1 ст. 192 УПК РК, «Досудебное расследование должно быть закончено в разумный срок с учетом сложности уголовного дела, объема следственных действий и достаточности исследования обстоятельств дела, но не более срока давности уголовного

преследования, установленного Уголовным кодексом Республики Казахстан». При этом несмотря на то, что в ч. 2 ст. 192 УПК РК оговариваются основные сроки досудебного расследования (1 месяц по делам дознания и 2 месяца по делам предварительного следствия), предусматривается целый ряд оснований для продления данных сроков, а категория «разумный срок» является системообразующей при установлении сроков досудебного производства. Что же касается критического временного порога сроков досудебного расследования, то он, как указано в приведенной цитате положений ч. 1 ст. 192 УПК РК, коррелирует со сроками давности уголовного преследования, которые определены в ч. 1 ст. 71 УК РК. При этом минимальный срок давности привлечения по уголовным проступкам составляет 1 год, а максимальный (по особо тяжким преступлениям) – 15 лет [241].

Соответственно, возникает вопрос относительно того, что жертва бытового насилия может оказаться вне необходимой сферы защиты непосредственно после факта совершенного насильственного уголовного правонарушения. В этом смысле совершенно справедливы акценты исследователей проблемы семейно-бытового насилия, что организационно-правовой механизм противодействия должен включать не только профилактику и адекватные механизмы юридической ответственности, но и инструментарий по защите жертвы бытового насилия сразу после самого насильственного инцидента [242]. Здесь следует учитывать то обстоятельство, что насильственный инцидент в семье может спровоцировать дальнейшие акты насильственного поведения, в том числе, мотивированные мстостью за сообщение в правоохранительные органы, связанные с принуждением жертвы к отказу от претензий, примирению с виновным и т.д. Иными словами, отсутствие оперативно принятых мер может привести к тому, что жертва рискует быть подвержена ретравматизации, которая может иметь характер физического или психического воздействия.

Несмотря на значимость механизмов юридической ответственности в противодействии семейно-бытовому насилию, не следует также и исключать и то обстоятельство, что оно имеет собственные закономерности детерминации, развития и эскалации. Так, американский исследователь Л. Милс, являющаяся одновременно практикующим специалистом в вопросах противодействия семейно-бытовому насилию, отмечает, что практически в каждой ситуации следует вести речь о «круге насилия в семье», поскольку всегда имеет место достаточно сложная динамика развития насильственных сценариев [243]. Закономерно предположить, что и рассмотренные ранее проблемные вопросы, связанные с реализацией права на необходимую оборону от актов семейного насилия, также следует включить в общий паттерн «круга насилия в семье». Именно по этой причине сам факт привлечения виновного лица к ответственности далеко не исчерпывает всего необходимого набора средств, которые следует использовать в контексте каждого насильственного инцидента в семье. В этом смысле существенное значение имеет стадия непосредственно после совершенного акта насилия, когда требуется, во-первых, оперативная защита жертвы бытового насилия; во-вторых, обязательная работа со всеми

сторонами конфликта в целях поиска путей преодоления и купирования последующих рисков. Именно подобная комплексная модель, которая фактически является разновидностью восстановительного правосудия, применяется практически во всех штатах США в отношении случаев семейно-бытового насилия [244].

Несмотря на то, что казахстанская практика обеспечения криминологической безопасности жертв бытового насилия во многом основана на имплементации успешных зарубежных практик, многие вопросы требуют адаптации к казахстанской системе уголовного правосудия. Следует учитывать, что во многих странах сроки судебного рассмотрения и принятия соответствующих решений являются гораздо более сокращенными, что позволяет принимать меры на самых ранних стадиях. Так, в частности, исследователи проблем противодействия семейно-бытовому насилию отмечают, что с принятием в Германии 1 января 2002 г. закона о защите от насилия в семье («Gewaltschutzgesetz»), полиция имеет возможность удалять насильника немедленно при обнаружении признаков совершенного правонарушения. Первоначальный десятидневный период может быть продлен в последующем вплоть до запрета на приближении ближе, чем 50 метров [245]. Оперативность в данном случае является самым значимым фактором, поскольку оставление виновного лица в жилом помещении с другими членами семьи (особенно, если жертва насилия находится там же) может спровоцировать последующие акты агрессивного поведения. Большинство исследователей признается исключительно эффективной практика практически всех штатов США в отношении оперативности принятия мер по дистанцированию жертв бытового насилия от правонарушителей. В частности, используется три вида охранных ордеров – чрезвычайный, временный и постоянный, - причем, чрезвычайный может быть выдан дежурным судьей даже в ночное время при наличии реальной опасности немедленного применения насилия, а постоянный может быть длительностью до 2 лет [246].

В целом, обращаясь к существующему в настоящее время механизму противодействия семейно-бытовому насилию в РК (с учетом всех последних законодательных изменений) следует признать, что меры оперативного реагирования по-прежнему возможны в рамках вынесения защитного предписания (ст. 20 Закона РК «О профилактике бытового насилия»). Вместе с тем предельный срок защитного предписания, который составляет 30 суток, может истечь до того, как будет окончено досудебное производство по делу, по причине чего возникает некоторый вакуум в последующем решении вопроса, то есть до того, как дело будет рассмотрено в суде с вынесением решения о наложении ограничений в порядке ст. 98-3 УК РК.

Более пристальное внимание, как правило, имеет место в отношении защиты несовершеннолетних, где вопросы оперативного дистанцирования от правонарушителя являются непосредственным требованием к уполномоченным органам и должностным лицам. Так, согласно п. 14 Алгоритма оперативного реагирования на факты насилия над детьми, «органы внутренних дел, образования и социальной защиты принимают срочные меры по созданию

безопасных условий для ребенка до принятия решения Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав путем его размещения в медицинские организации либо организации, осуществляющие функции по защите прав детей (Центры адаптации несовершеннолетних, Центры поддержки детей, кризисные центры), где обеспечиваются первичные потребности ребенка, также обеспечивается раздельное доставление в ОВД потерпевшего ребенка и подозреваемого» [247]. Однако соответствующие меры быстрого реагирования требуются и в отношении иных случаев семейно-бытового насилия, поскольку ситуация нередко имеет критический характер. Как уже было указано, в качестве первичной меры может выступить защитное предписание, однако ст. 20 Закона РК «О профилактике бытового насилия» требует уточнения, что данное предписание вручается немедленно и требует немедленного исполнения (в том числе, и в ночное время суток).

В отношении несовершеннолетних лиц требуется также отдельное решение вопроса в ситуациях, когда они становятся жертвами семейно-бытового насилия со стороны членов семьи. Согласно действующему уголовно-процессуальному законодательству, участие в уголовном процессе несовершеннолетних лиц (как в качестве подозреваемых, обвиняемых, так и в качестве потерпевших) предполагает обязательное представительство их интересов взрослыми лицами. Так, в соответствии с ч. 2 ст. 75 УПК РК, «для защиты прав и законных интересов потерпевших, являющихся несовершеннолетними или не владеющих языком судопроизводства либо по своему физическому или психическому состоянию лишенных возможности самостоятельно защищать свои права и законные интересы, к обязательному участию в процессе привлекаются их законные представители и представители». Согласно ч. 1 ст. 215 УПК РК, при допросе несовершеннолетнего свидетеля в возрасте до 14 лет, а по усмотрению лица, осуществляющего досудебное производство, - до 18 лет вызывается педагог и (или) психолог. В свою очередь, согласно ч. 1 ст. 371 УПК РК, при допросе несовершеннолетнего лица, являющегося свидетелем или потерпевшим, участвуют его законный представитель и педагог.

Вместе с тем, учитывая паттерны семейно-бытового насилия, следует обратить внимание на то, что при совершении насильственного уголовного правонарушения в отношении несовершеннолетнего со стороны члена семьи имеются риски того, что другой член семьи (мать, другие члены семьи, в особенности родственники подозреваемого, обвиняемого) может оказывать на него давление с целью недопущения изложения истины в ходе допроса относительно имевшего место насильственного инцидента.

Так, П.В. Шмарион предлагает следующее решение непосредственно в УПК: «В случае если обвиняемым по делу является член семьи несовершеннолетнего потерпевшего или лицо, от которого несовершеннолетний потерпевший или члены его семьи находятся в материальной или иной зависимости, в качестве законного представителя органом дознания, следствия или судом назначается орган опеки и попечительства» [248]. В том же ключе рассуждает и П.С. Пащенко: «В тех

случаях, когда одного из родителей необходимо привлечь к уголовной ответственности, довольно часто законный представитель, вместо защиты прав и законных интересов несовершеннолетнего – потерпевшего от домашнего насилия, избирает линию поведения, в корне противоположную закрепленной в законе. Мать или отец несовершеннолетнего, являясь законным представителем, получив материальную компенсацию либо обещание продолжить совместную жизнь от лица, совершившего противоправные деяния, уговаривает потерпевшего изменить показания, а лицам, производящим расследование, объясняет эти обстоятельства малолетним возрастом и склонностью к фантазированию» [249].

Учитывая то обстоятельство, что одной из основных задач по аксикреации жертвы семейно-бытового насилия является применение дистанцирования от виновного, защита несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля требует принятия соответствующих решений. В этом смысле приведенные выше теоретические позиции представляются заслуживающими внимания. Соответственно, ст. 371 УПК РК следует дополнить новой частью 1-1 следующего содержания: *«В случаях, когда несовершеннолетнее лицо является свидетелем или потерпевшим по одному из преступлений, перечисленных в пункте 18-2 статьи 3 Уголовного кодекса Республики Казахстан, а подозреваемым, обвиняемым является член семьи, в качестве законного представителя привлекаются органы опеки и попечительства»*. В данном случае следует учитывать то обстоятельство, что на настоящем этапе противодействия семейно-бытовому насилию за основу принимается допустимость вторжения государства в сферу семейно-бытовых отношений в тех случаях, когда требуется обеспечение безопасности членов семьи, в особенности, когда речь идет о необходимости защиты прав несовершеннолетних лиц [241, с. 74-77].

Как уже ранее было отмечено, изменения в нормативном регулировании вопросов противодействия семейно-бытовому насилию практически не коснулись регламентации деятельности службы пробации, хотя именно она должна выступать в качестве основного субъекта контроля и коррекционного воздействия на лиц, совершающих уголовные правонарушения, в том числе, и в сфере семейно-бытового насилия. Очевидно, это связано с тем, что семейно-бытовое насилие на протяжении длительного времени связывалось исключительно со сферой административно-правовой юрисдикции несмотря на то, что оно всегда имело и гораздо более опасные, криминальные формы проявления. При этом в зарубежных публикациях особо отмечается роль службы пробации в реагировании на случаи домашнего насилия [250], при этом имеет место практика оценки отдельно взятых кейсов, в которых имеются те или иные позитивные или негативные практики деятельности службы пробации в вопросах противодействия семейно-бытовому насилию и защиты пострадавших от него [251]. В отдельных штатах США службы пробации имеют специальные подразделения по надзору за лицами, обвиняемыми или осужденными по факту семейно-бытового насилия, которые осуществляют

контроль за исполнением ограничений, наложенных судом, а также за участием в коррекционных программах [252].

Превентивные меры по отношению к лицу, совершившему акт семейно-бытового насилия, логично могут стать предметом деятельности в рамках досудебной пробации. Данный вид пробации (который во многих развитых странах занимает до 70% всего объема выполняемых в рамках пробации функций) к настоящему времени не получил достаточного развития. Сдержанная регламентация досудебной пробации в Законе РК «О пробации» была изначально связана с тем, что, с одной стороны, это принципиально новый вид деятельности, ранее не имевший аналогов в правоприменительной практике РК; с другой стороны, казахстанский законодатель определил курс на единовременное включение в уголовно-исполнительную деятельность всего пробационного цикла, который к настоящему времени выработан в рамках передового опыта зарубежных стран. Учитывая то обстоятельство, что сфера семейно-бытового насилия к настоящему времени полностью перемещена в область уголовно-правовой юрисдикции, это не может не сказаться на структуре пробационной деятельности, поскольку осужденные (в отличие от лиц, к которым применено административное взыскание) в немалом количестве случаев будет находится на учете службы пробации (за исключением случаев назначения наказания в виде лишения свободы).

Значимый социальный компонент заключается также и в том, чтобы служба пробации являлась инструментом социальной оценки поведения лица, совершившего уголовное правонарушение, оценки рисков повторного криминального поведения, а также контроля за выполнением обязанностей, которые были возложены судом. Очевидно, что именно служба пробации должна стать субъектом контроля за выполнением ограничений к поведению, наложенных в рамках включенной в УК РК ст. 98-3 (в противном случае будет нарушена системность субъектов уголовно-исполнительных отношений). Отсутствие учета данного обстоятельства весьма заметно в контексте принятых изменений Законом РК от 15 апреля 2024 г. №72-VIII.

До настоящего времени содержательный компонент досудебной пробации, определенный в ст. 13 Закона РК от 30 декабря 2016 г. №38-VI, является крайне лаконичным и фактически предполагает ее применение в исключительных случаях. Так, во-первых, указывается, что досудебная пробация применяется исключительно на добровольной основе; во-вторых, категория лиц, в отношении которых она применяется, является весьма ограниченной (несовершеннолетние; лица с инвалидностью; женщины 58 лет и старше; беременные; мужчины 63 лет и старше; мужчины, в одиночку воспитывающие малолетних детей). Кроме того, дополнительно отмечается, что досудебная пробация не применяется к лицам, к которым применена мера пресечения в виде заключения под стражу или домашний арест. Все перечисленное свидетельствует о том, что законодатель изначально не заложил в структуру досудебной пробации потенциал широкого применения. Кроме того, в действующей модели она во многом имеет формальный характер, поскольку все перечисленные в ст. 13 Закона РК «О пробации» категории лиц и

без того относятся к «льготным» категориям, в отношении которых уголовно-правовая репрессия и без того является весьма сдержанной.

Таким образом, действующая редакция ст. 13 Закона РК «О пробации» не может не вызвать нарекания с точки зрения учета назначения досудебной пробации. Очевидно, что усеченная сфера досудебной пробации связана с тем, что расширение ее применения было отнесено к перспективам деятельности УИС, а на этапе внедрения было принято решение ограничиться тем незначительным сегментом, который определен в ч. 1 ст. 13 Закона РК «О пробации». При этом следует учитывать, что значение досудебного доклада, который и составляет основной компонент деятельности в рамках досудебной пробации, заключается в том, чтобы представить суду результаты социально-психологической оценки личности подозреваемого, обвиняемого (ст. 14 Закона РК «О пробации»). Очевидно, что оценки ситуации семейно-бытового конфликта, его детерминации, специфики взаимоотношений между членами семьи, факта предшествующих актов насильственного поведения, наличие психологической напряженности со стороны пострадавшего лица (лиц) и т.д. – все это является значимыми обстоятельствами социально-психологического исследования. Несмотря на то, что деятельность органов досудебного расследования также предполагает учет соответствующих обстоятельств при решении вопросов процессуального характера по каждому акту бытового насилия, данные решения могут приниматься в унифицированном варианте, без учета особых потребностей конкретной семьи, конкретного пострадавшего и виновного лица.

Отсутствие пристального внимания к вопросам досудебной пробации косвенно подтверждается, в частности, погрешностями, допущенными законодателем при внесении изменения в редакцию ст. 13 Закона РК «О пробации». Так, Законом РК от 30 декабря 2021 г. №95-VII «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам внедрения новой регуляторной политики в сфере предпринимательской деятельности и перераспределения отдельных функций органов внутренних дел Республики Казахстан» редакция п. 4 и п. 5 ст. 13 была подвергнута изменениям, которые были связаны с исключением из полномочий службы пробации деятельности по составлению и реализации программы оказания социально-правовой помощи [253]. При этом параграф 2 п. 4, который, по логике, законодателя, должен был быть исключен из редакции данной статьи, по-прежнему остается в действующей редакции как признак небрежности, допущенной в ходе законодательных изменений. Однако это лишь побочное замечание, которое является дополнительным свидетельством тому, что интерес к эффективному внедрению инструментов пробации в последнее время несколько снизился. При этом именно досудебная пробация может являться недостающим звеном к тому, чтобы своевременно, в оперативном режиме применять к лицу, совершившему акт семейно-бытового насилия, меры социального дистанцирования от жертвы, а также меры коррекционного воздействия на поведение уже в досудебной стадии.

В данном случае следует учитывать, что сроки досудебного расследования, как уже было ранее указано, не позволяют гарантировать защищенность потерпевшего в случаях, когда виновное лицо остается на свободе (т.е. к нему не применена мера пресечения в виде заключения под стражу), поскольку до момента принятия решения судом может пройти достаточно значительный временной промежуток, а действие защитного предписания, согласно ст. 20 Закона РК «О профилактике бытового насилия», составляет максимально 30 суток. Иными словами, до момента принятия решения относительно принудительного дистанцирования виновного лица у последнего имеется крайне нежелательный пространственно-временной ресурс для того, чтобы осуществить повторные акты насилия в отношении того же или других членов семьи. Данный аспект требует наиболее пристального внимания, поскольку строгость наказания, которое может последовать (или не последовать) не может являться гарантией защиты жертвы сразу же после насильственного инцидента. Именно по этой причине именно на опасность дальнейшего совместного пребывания жертвы и виновного лица часто указывают исследователи, поскольку это создает негативные последствия двоякого рода: жертва либо вовсе не будет обращаться за помощью; либо после обращения имеются риски, что виновное лицо совершит акт мести и вновь применит насилие [254].

Исследователи концентрируют существенные проблемы в рамках недостаточной эффективности деятельности досудебной пробации на том обстоятельстве, что уголовно-процессуальное законодательство никак не учитывает статус (роль) сотрудника пробации, не оформляет его статуса в рамках уголовного судопроизводства. Так, в частности, предлагается непосредственно в УПК РК включить нормы, которые предусматривали бы процедуру учета сведений, которые указаны в досудебном докладе сотрудника службы пробации [255]. Другие исследователи полагают, что статус сотрудника службы пробации в связи с подготовленным им досудебным докладом вообще должен быть определен непосредственно в УПК в рамках категориальной группы «иные лица» [256].

Итак, после факта совершенного насилия в сфере семейно-бытовых отношений дистанцирование виновного и жертвы фактически возможно только в двух основных формах: применение к виновному меры пресечения в виде содержания под стражей и наложение ограничений в отношении поведения виновного лица (причем, применение пространственного дистанцирования должно носить не характер исключительной меры, а применяться во всех случаях, когда имеется риск повторения актов насилия). При этом редакция ч. 2 ст. 136 УПК РК после изменений, внесенных Законом РК от 15 апреля 2024 г. № 72-VIII, тем не менее, выглядит весьма неоднозначной: «К лицам, подозреваемым, обвиняемым в совершении уголовных правонарушений, предусмотренных статьями 99, 106, 107, 108-1 (частью второй), 109-1 (частью второй), 110, 120, 121 (частью 3-1), 122, 123, 124... содержание под стражей в качестве меры пресечения может быть применено по мотивам тяжести совершенного преступления и (или) квалификации уголовного

правонарушения» [21]. Формулировка является не вполне четкой, поскольку указание «по мотивам тяжести совершенного преступления и (или) квалификации уголовного правонарушения» не содержит четких ориентиров относительно реальных оснований к применению меры пресечения в виде содержания под стражей. Прежняя редакция ч. 2 ст. 136 УПК РК, включавшая формулировку «по мотивам одной лишь тяжести совершенного преступления» также не была вполне удачной, однако сам перечень преступлений был более лаконичный и не вызывал спорных ситуаций, которые имеют место в действующей редакции. В данном случае будет закономерным предположение о том, что редакция ч. 2 ст. 136 УПК РК еще будет подвергаться критическому анализу и потребует официальных разъяснений относительно ориентиров ее применения.

В соответствии с п. 4 ч. 1 ст. 55 УПК РК, следственный судья, помимо прочих обширных полномочий в стадии досудебного производства, в том числе и санкционирует запрет на приближение. Сама процедура санкционирования следственным судьей (а равно судьей) запрета на приближение регламентируется ст. 165 УПК РК. Согласно ч. 2 указанной статьи, «при наличии реальной угрозы либо совершении подозреваемым, обвиняемым уголовного правонарушения, связанного с применением насилия или с угрозой его применения против семьи и несовершеннолетних, лицо, осуществляющее досудебное расследование, по письменному заявлению потерпевшего или иного лица, подлежащего защите, выносит постановление о возбуждении ходатайства перед судом о санкционировании запрета на приближение и направляет его в суд». Ч. 4 ст. 165 УПК РК включает указание, что ходатайство рассматривается следственным судьей единолично в течение 24 часов. При этом отсутствуют какие-либо указания относительно того, в течение какого периода времени после совершения уголовного правонарушения соответствующее ходатайство может быть подано (то есть, фактически, это может быть и сразу после совершения деяния, и в процессе осуществления досудебного расследования).

Таким образом, складывается впечатление, что к настоящему времени создан достаточный механизм для того, чтобы защитить потерпевших от семейно-бытового насилия уже в досудебной стадии (причем, ст. 165 УПК РК не содержит каких-либо ограничений по времени применения данной меры, поскольку она отменяется только в случае, когда в ней отпадает необходимость). Вместе с тем, указание на то, что постановление о возбуждении ходатайства о санкционировании запрета на приближение выносится по ходатайству «потерпевшего или иного лица» выглядит достаточно спорным и не может во всех случаях обеспечить применение соответствующей меры даже в случаях крайней ее необходимости. В работе неоднократно подчеркивались особые паттерны семейно-бытового насилия, по причине которых жертва может быть настолько подавлена и испугана, что ее активное поведение по принятию соответствующих мер самозащиты становится сомнительным. Кроме того, в случаях, когда досудебное производство начато не по инициативе потерпевшего, то и ходатайство с его

стороны может не поступить даже при наличии критической угрозы со стороны виновного лица. Что касается «иных лиц», то в данном случае также нет четких критериев, кто входит в данный круг лиц, а также насколько справедливы ожидания относительно того, что соответствующие лица проявят данную процессуальную активность.

Суммируя все изложенные аргументы, закономерен вывод о том, что в досудебной стадии по делам об уголовных правонарушениях, сопряженных с семейно-бытовым насилием, следует включить службу пробации. Во-первых, именно служба пробации может провести социальное исследование самого подозреваемого, обвиняемого и членов его семьи; во-вторых, это позволит исключить ситуации, когда запрет на приближение не будет применен только по той причине, что отсутствовало ходатайство со стороны потерпевшего или иных лиц. В-третьих, рассредоточение функций всегда приводит к положительным результатам, поскольку органы досудебного расследования преимущественно ориентированы на работу с подозреваемым, обвиняемым, сбору доказательств по делу и т.д. На необходимость коррекции поведения виновного в актах семейно-бытового насилия уже в досудебных стадиях настойчиво указывает Д.А. Шестаков, в том числе, обращаясь к опыту досудебной пробации зарубежных стран (в частности, США). По мнению автора, психологическая коррекция сразу после преступного поведения способна позитивно отразиться как на пострадавших членах семьи, так и на самом виновном, а необходимый элемент принуждения к участию в соответствующих программах дает возможность оценить отношение виновного уже при рассмотрении дела в суде и постановлении приговора [257].

Соответственно, целесообразно внесение следующих изменений в Закон РК «О пробации»:

1) ст. 13 следует дополнить новой ч. 1-1 со следующей формулировкой: *«Досудебная пробация применяется в обязательном порядке по делам о семейно-бытовом насилии в случаях, если к подозреваемому, обвиняемому не применена мера пресечения в виде содержания под стражей»;*

2) ст. 14 необходимо дополнить ч. 2-1, которую изложить в следующей редакции: *«По делам о семейно-бытовом насилии службой пробации составляется: в течение 3-суток краткий досудебный доклад с рекомендацией следственному судье о санкционировании запрета на приближении в порядке ст. 165 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан; в течение срока досудебного расследования полный досудебный доклад с рекомендациями суду относительно необходимости применения мер, предусмотренных ст. 98-3 Уголовного кодекса Республики Казахстан».*

Обращаясь к приговорной пробации, которая регламентируется ст. 15 Закона РК «О пробации», с одной стороны, не обнаруживаются какие-либо противоречия, связанные с пробационной деятельностью в отношении лиц, которые будут осуждены за факты семейно-бытового насилия. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 15 Закона РК «О пробации», приговорная пробация применяется в отношении двух категорий осужденных – к ограничению свободы и лиц, осужденных условно [22]. Поскольку данный вопрос не

является предметом настоящего исследования, проблемные вопросы соотношения наказания в виде ограничения свободы и института условного осуждения не станут предметом самостоятельного рассмотрения. Основной вопрос в данном случае возникает в иной плоскости. Так, согласно ч. 1 ст. 44 УК РК, ограничение свободы состоит в установлении пробационного контроля на срок от 6 месяцев до 7 лет (с привлечением к принудительному труду), при этом отбывание данного наказания осуществляется по месту жительства осужденного. В свою очередь, согласно ч. 1 ст. 63 УК РК, «если, назначив наказание в виде лишения свободы, суд придет к выводу о возможности исправления осужденного без отбывания наказания, он постановляет считать назначенное наказание условным» [16]. При этом, исходя из содержания редакции ст. 63 УК РК, предполагается возможность достаточно широкого применения условного осуждения, в том числе, и по делам о семейно-бытовом насилии. Так, ч. 6 ст. 63 устанавливает исчерпывающий перечень наиболее опасных форм криминального поведения, при которых применение условного осуждения исключается. Соответственно, фактически в большинстве случаев семейно-бытового насилия суды имеют реальную возможность применить условное осуждение. При этом, несмотря на то что непосредственно в ст. 63 УК РК не указывается, что осужденный в период условного осуждения находится по месту жительства, отсылка к правилам ст. 44 УК РК фактически свидетельствует именно о данном факте.

Таким образом, требуется поиск более или менее приемлемых конструкций к тому, чтобы адаптировать случаи назначения наказания в виде ограничения свободы и условного осуждения к общей политике государства относительно реакции на случаи семейно-бытового насилия. В частности, ограничение свободы как альтернативное наказание может быть применено по ч. 1 и ч. 2 ст. 105 УК, по ч. 2 ст. 108-1 УК; по ч. 1 ст. 122 УК; по ч. 1 ст. 123 УК.

Что касается применения условного осуждения, то, как уже было отмечено, диапазон его возможного применения, заложенный в законодательных конструкциях, еще более широк, поскольку ограничения в отношении применения данного института являются весьма сдержанными (в частности, даже не указывается предельный срок лишения свободы, при котором возможно применение условного осуждения).

Анализ санкций статей УК РК, которые мы ранее отнесли к самостоятельной группе посягательств, связанных с семейно-бытовым насилием, свидетельствует о том, что законодатель достаточно широко в настоящее время применяет безальтернативные санкции, в которых включается только одно наказание – лишение свободы (динамика законодательных изменений была проанализирована в предыдущих подразделах работы). При этом, что касается случаев применения наказаний, не связанных с лишением свободы (штраф, исправительные работы, привлечение к общественным работам, ограничение свободы), к лицам, совершившим акты семейно-бытового насилия, закономерно должна действовать презумпция относительно того, что данные лица не представляют в последующем опасности для членов своей

семьи. В противном случае назначение альтернативных лишению свободы наказаний фактически лишено превентивной функции.

Обратившись к зарубежному опыту назначения альтернативных наказаний (аналогичных ограничению свободы и институту условного осуждения), можно обнаружить значительное количество вариантов регламентации, которые непосредственно учитывают интересы потерпевших.

В частности, одним из критериев теоретической классификации оснований назначения ограничения свободы в зарубежных странах авторы чаще всего избирают место отбывания данного наказания [258]: 1) ограничение свободы отбывается в специализированных учреждениях (Беларусь, Таджикистан, Грузия и некоторые др.); 2) осужденные находятся по месту жительства под контролем специализированного органа (Польша, Литва, Казахстан и др.); 3) применяется «смешанный» вариант, предполагающий динамику режима свободы и полусвободы, в зависимости от поведения осужденного (Германия, Великобритания, США, Испания, Швеция, Франция, Молдова, Латвия и др.). В некоторых вариантах законодательной практики можно обнаружить наказания, схожие по своему содержанию с ограничением свободы, но имеющие другие наименования: лишение права находиться в определенной местности (ст. 48 УК Испании); запрет нахождение в определенных районах (§33 Общегражданского УК Норвегии); надзор за осужденным (ст.ст. 38-41 УК Китая); полное или частичное ограничение прав и ограничение свободы выбора места жительства (ст. 20 Закона Ирана «Об исламских уголовных наказаниях») [259].

Для большинства стран ближнего зарубежья характерно выделение ограничения свободы в самостоятельный вид наказания (а не в качестве своего рода дополнительного ограничения, которое применяется, в частности, в странах, где активно функционирует пробация). В большей степени это обусловлено тем, что на 7-ом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ 17 февраля 1996 г. был принят Модельный кодекс для государств-участников СНГ [260]. При этом следует также особо отметить, что в некоторых странах ближнего зарубежья, в которых предусмотрено отбывание ограничения свободы в специализированных учреждениях, к настоящему времени произошел отказ от выделения данного наказания в отдельный вид (например, в Азербайджане) [261].

Согласно ст. 55 УК Республики Беларусь (УК РБ), ограничение свободы отбывается в специализированном учреждении, с обязательным привлечением к труду и под надзором администрации [262]. В Грузии также ограничение свободы отбывается в исправительных центрах (при этом оно может быть назначено с 14-летнего возраста) (ст. 72 УК Грузии) [263]. В свою очередь, согласно ч. 1 ст. 54 УК Республики Таджикистана, ограничение свободы также отбывается в специализированных учреждениях без изоляции от общества (при условии обязательного надзора со стороны администрации). Особенностью механизма назначения ограничения свободы в УК РТ является то обстоятельство, что данное наказание может быть назначено условно с возложением испытания на осужденного. Кроме того, если осужденный не

допускает режима пребывания в специализированном учреждении, ему может быть разрешено проживание с семьей за пределами учреждения на арендованной или собственной жилой площади [264].

Согласно ст. 48 УК Литвы, суд может возложить дополнительные обязанности на осужденного по его собственному желанию или с учетом мнения иных участников уголовного процесса (в данном случае за основу принимается мнение о том, что эти дополнительные обязанности будут в лучшей степени способствовать исправлению осужденного) [265].

В соответствии со ст. 48 УК Испании, в отношении осужденного устанавливается обязанность не посещать определенные места, а также возвращаться в местность, где было совершено преступление либо где проживает потерпевший или его семья [266]. Данная мера носит дополнительный, превентивный характер, поскольку, во-первых, учитывает интересы потерпевшего от преступления, а, во-вторых, предупреждает риски повторной криминализации осужденного по причине сохраняющегося конфликта с потерпевшим.

В США, где с 1913 г. действует пробация, в частности, применяется мера, при которой осужденный на время назначенного судом наказания помещается под надзор с одновременным наложением на него ряда ограничений.

В целом, данный механизм схож с теми, которые были рассмотрены ранее в том, что спектр обязанностей может являться достаточно широким и жестким (в частности, запрет на общение с определенными лицами; обязанность возместить вред, причиненный преступлением и др.). С 1982 года в США стала функционировать так называемая пробация с интенсивным надзором, в рамках которой были усилены меры по контролю, а также по объему обязанностей, возлагаемых на осужденных [267]. В свою очередь, пробация в Великобритании осуществляется по типу условного осуждения с возложением на осужденного широкого спектра обязанностей (в том числе, возможно и временное пребывание в исправительном центре с ночным присутствием) [268]. В Германии используется практика применения так называемых мер безопасности и исправления, в рамках которых применяется установление надзора с возложением на осужденного обязанностей: не покидать место жительства или конкретный район без разрешения органа надзора; избегать посещения определенных мест, которые могут спровоцировать совершение нового преступления; запрет на занятие определенными видами деятельности и др. [269]. Здесь также следует отметить, что проблема семейно-бытового насилия, которая актуализировалась практически во всех странах, связана с постоянным внесением изменений в национальные законодательства, многие из которых уже были упомянуты в данной работе.

Учитывая все ранее исследованные аспекты, равно как и приведенный фрагментарный анализ зарубежного опыта свидетельствует о том, что проблема назначения наказания в виде ограничения свободы, а также условного осуждения должна быть решена в контексте случаев осуждения за факты семейно-бытового насилия. Как отмечает В. Овчинский, наказание в виде

ограничения свободы, исходя из редакции санкций уголовного закона, преимущественно ориентировано на лиц, которые совершили преступление по причине аморального образа жизни (пьянство, бытовое хулиганство, потребление наркотиков, третирование соседей и т.п.) [270]. В свою очередь, П.В. Тепляшин относительно случаев назначения ограничения свободы за преступления, совершенные на семейно-бытовой почве, указал, что назначение данного вида наказания будет только провоцировать дальнейшее насильственное поведение [271]. Соответственно, вряд ли можно признать в качестве дискриминационного фактора то обстоятельство, что совершение деяния в сфере семейно-бытового насилия должно влечь некоторые законодательные изъятия для того, чтобы защитить жертву бытового насилия. В данном случае следует учитывать то обстоятельство, что оставление виновного лица на свободе уже само по себе является весьма гуманной мерой, в связи с чем наложение дополнительных запретов является как необходимым (исходя из характера совершенного уголовного правонарушения), так и не противоречащим тенденции гуманизации уголовной политики.

Соответственно, в рамках законодательного оформления содержания наказания в виде ограничения свободы и института условного осуждения требуется внесение соответствующих изменений: 1) ст. 44 УК РК следует дополнить ч. 1-1 следующего содержания: *«При назначении ограничения свободы лицу, совершившему деяние, предусмотренное пунктом 18-2 статьи 3 настоящего Кодекса, применение мер, указанных в ч. 1 ст. 98-3 настоящего Кодекса, является обязательным. Запрет на проживание в одном жилище с потерпевшим устанавливается сроком на три месяца и может быть продлен вплоть до окончания срока назначенного наказания»*; 2) аналогичное изменение должно быть включено в ст. 63 УК РК (дополнение ч. 3-1). В данном случае при конструировании предложения для изменения редакции ст. 44 и ст. 63 УК РК использован ранее обоснованный перечень деяний, связанных с семейно-бытовым насилием, который предложено было включить в ст. 3 УК РК (пунктом 18-2).

Кроме указанных обстоятельств требуется и определенные корреспондирующие изменения в редакции ст. 64 УК РК «Отмена условного осуждения». Как уже неоднократно указывалось, общий «криминологический фон» семейно-бытового насилия характеризуется цикличностью и эскалирующим характером, что требует соответствующей реакции на случаи совершения повторных насильственных инцидентов со стороны лица, к которому было применено условное осуждение за совершение уголовного правонарушения, связанного с семейно-бытовым насилием.

В особенности с учетом ранее сформулированных ограничений, связанных с поведением лица, а также с необходимостью временного отдельного проживания с потерпевшим при применении условного осуждения за анализируемые деяния, факт совершения осужденным нового насильственного посягательства в сфере семейно-бытовых отношений должен получать адекватную реакцию. Сообразно указанным моментам, ст. 64 УК РК следует дополнить новой ч. 4-1 следующего содержания: *«В случае совершения*

условно осужденным за уголовное правонарушение, предусмотренное пунктом 18-2 статьи 3 настоящего Кодекса любого нового уголовного правонарушения, включенного в соответствующий перечень, условное осуждение подлежит отмене с назначением наказания по совокупности приговоров. В отношении несовершеннолетних лиц вопрос о сохранении или отмене условного осуждения решается в порядке общих оснований, предусмотренных в настоящей статье».

Предлагаемое дополнение должно способствовать достижению целей наказания, равно как и способствовать принципу разумности и справедливости при применении условного осуждения к лицам, допустившим акты семейно-бытового насилия. В подобных ситуациях вполне закономерна презумпция относительно того, что сохранение насильственной мотивации, реализуемой в сфере семейно-бытовых отношений, свидетельствует о том, что лицо не оправдало ожиданий, которые имели место в связи с принятием решения о постановлении приговора с условным наказанием. В подобных ситуациях сохранение условного осуждения фактически идет вразрез с современным вектором уголовной политики в вопросах противодействия семейно-бытовому насилию.

Несмотря на значимость дистанцирования виновного лица и жертвы семейно-бытового насилия преимущественно в ситуациях, когда подозреваемый, обвиняемый, осужденный остается на свободе, в целом ряде случаев она сохраняется и в случаях, когда виновное лицо было осуждено к лишению свободы. Как указывает автор одного из последних криминологических исследований проблемы семейно-бытового насилия В.С. Харламов, «во избежание эксцесса внутрисемейного насилия целесообразно ввести в практику криминологическое сопровождение семьи со стороны правоохранительных органов. Следует выделить следующие периоды рассматриваемого процесса: досудебное сопровождение (этап, предшествующий судебному разбирательству), судебное сопровождение (этап судебного разбирательства); постсудебное сопровождение (заключительный этап после вступления судебного решения в законную силу)» [28, с. 25].

При этом автор предлагает к научному и законодательному обороту термин «принудительные меры коммуникативной превенции», однако не распространяет их в рамках «постсудебного сопровождения», в том числе, и не пенитенциарный период, когда виновное лицо уже отбывает лишение свободы. Безусловно, физическая изоляция существенно снижает для потерпевших от семейно-бытового насилия риски подвергнуться новым насильственным эксцессам. Вместе с тем, закономерности психологического оздоровления жертв семейного насилия (аксикреации – как было обозначено в работе в качестве одной из значимых целей профилактики семейно-бытового насилия) заключаются в том, что в целом ряде случаев отрицательно может сказаться даже минимальная коммуникация.

В указанном аспекте представляется заслуживающим внимания опыт законодателя Грузии, который в 2019 году внес в Кодекс заключения под стражу, регламентирующий вопросы отбывания наказания в виде лишения

свободы, положение, согласно которому переписка осужденного за насилие в отношении женщин или насилие в семье с потерпевшим (потерпевшей) может ограничиваться по заявлению данных лиц. Как и в отношении переписки, в ст. 19 Кодекса заключения под стражу Грузии была введена ч. 4, которая предусматривает ограничение на переговоры (равно как и право на отправку посылки) осужденного за насильственное преступление против женщины или (и) в семейной сфере, если потерпевшая (потерпевший) возразит против этого в письменном заявлении [272].

Учитывая то обстоятельство, что в работе обосновывается необходимость всесторонней реализации принципа защиты жертв семейно-бытового насилия, следует возложить на суд, рассматривающий уголовное дело по существу, обязанность устанавливать (с учетом пожелания потерпевшего или по собственному усмотрению) запрета для осужденного за акт семейно-бытового насилия к лишению свободы по осуществлению различных форм коммуникации с потерпевшим в период пребывания в изоляции. Соответственно, целесообразно ч. 1 ст. 398 УПК РК, регламентирующую вопросы, подлежащие отражению в резолютивной части приговора, дополнить п. 12 следующего содержания: *«решение о запрете осужденному к лишению свободы за преступления, предусмотренные пунктом 18-2 Уголовного кодекса Республики Казахстан, поддерживать в период отбывания наказания любые формы связи с потерпевшим, если об этом ходатайствует сам потерпевший, иные заинтересованные лица либо суд сам придет к выводу о необходимости данной меры»*. Очевидно, данный запрет должен носить динамичный характер и подлежать пересмотру в том случае, когда (если) потерпевший изменит свою позицию относительно коммуникации с осужденным.

Одним из вопросов, который также заслуживает внимания в рамках данного исследования, является необходимость некоторой ревизии норм брачно-семейного законодательства РК, которое к настоящему времени является малочувствительным к проблемам семейно-бытового насилия, за исключением изменений, которые были включены Законом РК от 15 апреля 2024 г. № 72-VIII. Вместе с тем, все изменения преимущественно касаются вопросов помощи семьям, максимально ориентированы на сохранение брака и семьи (что, в целом, созвучно целям брачно-семейного законодательства). Вместе с тем, значимым обстоятельством «здоровой» семьи является добровольность брака, которая в соответствии с Кодексом РК «О браке (супружестве) и семье» трактуется исключительно как добровольность вступления в брак [27]. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 9 действующего КоБС РК, «для заключения брака (супружества) необходимы свободное и полное согласие мужчины и женщины, вступающих в брак (супружество), и достижение ими брачного (супружеского) возраста». При этом принцип добровольности заключения брака также акцентируется во многих документах международного характера [273]. Однако следует учитывать также и то обстоятельство, что в рамках паттернов семейно-бытового насилия его жертва может продолжать оставаться в брачных отношениях принудительно либо из страха мести, расправы со стороны обидчика. К сожалению, критерий

добровольности пребывания в брачных отношениях КоБС РК не касается, в отличие от решения данного вопроса в законодательстве отдельных стран (причем, именно применительно к фактам семейно-бытового насилия).

Что касается добровольности вступления в брак, то в данном случае также возникают некоторые вопросы, связанные с риском принудительных ранних браков, что отнесено в настоящее время к одной из глобальных проблем человечества в плане преодоления гендерного неравенства и ущемления прав женщин (девочек). Так, в соответствии с ч. 3 ст. 10 КоБС РК «ходатайство о снижении брачного (супружеского) возраста может быть подано желающими вступить в брак (супружество) и их родителями либо попечителями с указанием причин, вызывающих необходимость снижения установленного брачного (супружеского) возраста». В целях повышений гарантий от злоупотреблений со стороны родителей и попечителей следует соответствующее право закрепить за самими несовершеннолетними.

Никогда не стоит исключать случаи злоупотреблений, использования детей в тех или иных корыстных интересах, нежелание самим заниматься дальнейшим воспитанием ребенка и т.п. Мотивация родителей и попечителей может не иметь ничего общего с реальными интересами несовершеннолетних (давление на них на почве возможного общественного обсуждения; возможные варианты «соглашательства» с лицом более старшего возраста, желающего вступить в брак с несовершеннолетним лицом, в том числе и корыстного характера и т.д.). В этом смысле нельзя абсолютизировать исключительно позитивные мотивы родителей в отношении детей. В качестве дополнительного аргумента также можно указать, что практически все страны ближнего зарубежья ставят данный вопрос исключительно в зависимость от решения самих лиц, вступающих в брак.

При этом в Докладе Управления Верховного комиссара ООН по правам человека от 2 апреля 2014 года подчеркивалась «важность дополнительных правовых гарантий защиты права всех лиц на свободное вступление в брак даже в условиях множественных правовых систем, сочетающих обычное и статутное право» [274]. В Дополнительной Конвенции об упразднении рабства, работорговли и институтов и обычаев, сходных с рабством от 7 сентября 1956 г. также особо отмечаются обстоятельства, по которым во многих странах имеются риски ранних и принудительных браков (неблагополучное материальное положение семей, традиции подчиненности детей мнению родителей, недостаточная защищенность женщин, преимущественная ориентация на репродуктивные возможности женщин и т.д.) [275].

В Руководстве ЕС 2016 г., касающемся работы в области профилактики ранних и принудительных браков также приводится развернутый перечень причин, по которым данная проблема сохраняется до настоящего времени: «борьба с нежелательными формами сексуальной жизни (включая предполагаемую распущенность или ЛГБТ); борьба с нежелательным поведением, таким как употребление алкоголя и наркотиков, использование макияжа или раскрепощенное поведение; предотвращение «неподходящих»

отношений, например, за пределами этнической, культурной, религиозной или кастовой группы; защита «чести семьи»; реагирование на давление со стороны друзей или родственников; попытка укрепить семейные связи; достижение финансовой выгоды; желание сохранить землю, недвижимость и т.д. как собственность семьи; защита привычных культурных и религиозных идеалов, которые являются заблуждением...» [276] и некоторые другие.

Таким образом, в целях снижения рисков принуждения к вступлению в брак лиц, не достигших брачного возраста со стороны родителей и попечителей, следует внести соответствующие изменения в механизм решения данного вопроса, законодательно возложив право инициирования данного вопроса на самих лиц, желающих вступить в брак.

Заслуживает внимания также и процедура расторжения брака, которая законодателем поставлена в зависимость от соблюдения целого ряда условий. Так, в частности, в одностороннем порядке брак может быть расторгнут, согласно ч. 2 ст. 17 КоБС РК, только в случаях, когда один из супругов: признан безвестно отсутствующим; признан недееспособным ограниченно дееспособным; осужден за совершение преступления к лишению свободы на срок не менее 3-х лет. При этом, с учетом формирования национальных моделей противодействия семейно-бытовому насилию, в ряде стран ближнего зарубежья уже имеются механизмы, позволяющие расторгнуть брак в одностороннем порядке в случаях насильственного поведения в семье.

Так, в ст. 110 СК Украины от 10 января 2002 г. предусмотрена возможность расторжения брака в ситуациях, когда «один из супругов совершил противоправное поведение, содержащее признаки уголовного преступления, в отношении другого из супругов или ребенка» [277]. В свою очередь, пп. 1 п. 73 Гражданского закона Латвии включает схожее обстоятельство для расторжения брака: «причиной распада брака является физическое, сексуальное, психологическое или экономическое насилие супруга над супругом, требующим расторжения брака, или над его ребенком или общим ребенком супругов» [278]. Часть 2 ст. 3.49 ГК Литовской Республики содержит указание на расторжение брака по вине одного из супругов (ч. 2 ст. 3.49 ГК Литвы), к которой, в частности, относятся случаи, когда один из супругов был «осуждён за сознательное преступление или был неверным, или жестоко обращался с другим супругом или членами семьи, или оставил семью и более одного года совершенно не заботился о ней» [279]. При этом в процессе рассмотрения вопроса о расторжении брака суд может применить временные защитные меры, в частности, обязать одного из супругов жить отдельно (пп. 1 п. 2 ст. 3.65 ГК Литвы).

Учитывая основной лейтмотив данного исследования, в котором постоянно воспроизводится акцент на необходимости аксикреации жертвы бытового насилия, следует распространить механизмы дистанцирования и на брачно-семейное законодательство РК. Так, ч. 2 ст. 17 КоБС РК, предусматривающая возможность расторжения брака по заявлению одного из супругов (независимо от наличия несовершеннолетних детей), должна содержать, в том числе, и указание на случаи совершения другим супругом

актов семейно-бытового насилия, а также уголовного правонарушения, связанного с посягательством на жизнь и здоровье другого супруга или несовершеннолетних детей. В данном случае фактически будет достигнута реализация двух значимых аспектов. Во-первых, данное обстоятельство позволит супругу, подвергшемуся акту насилия, существенно облегчить процедуру расторжения брака, что избавит его от пролонгации рисков и в дальнейшем подвергаться новым насильственным инцидентам. Во-вторых, это станет дополнительной гарантией принципа добровольности брачных отношений, поскольку в случаях домашнего насилия данный принцип неизбежно подвергается недопустимой деформации. Соответственно, ч. 2 ст. 17 КоБС РК должна быть дополнена пунктом следующего содержания: «совершил акты семейно-бытового насилия либо уголовное правонарушение, посягающее на жизнь и здоровье другого супруга или несовершеннолетних детей».

Таким образом, подводя итог исследованным в рамках данного подраздела вопросам, к основным выводам можно отнести:

1 Современная постановка целей профилактического воздействия на семейно-бытовое насилие требует концентрации всего «профилактического» законодательства в отношении правонарушений и преступлений в рамках одного законодательного акта. Кроме того, требуется пересмотр подходов к определению ключевых понятий, в том числе и понятия «профилактика семейно-бытового насилия», сформулированного в Законе РК «О профилактике семейно-бытового насилия». Учитывая то обстоятельство, что сама жертва бытового насилия по причине произошедших в ней негативных деформаций нравственно-психологической сферы становится детерминантой последующих насильственных инцидентов, одним из направлений профилактического воздействия должна стать система мер, обеспечивающих аксикреацию жертвы, что непосредственно должно быть отражено в легальной формулировке понятия «профилактика семейно-бытового насилия». Соответственно в перечне основных понятий следует сформулировать определение термина «аксикреация жертвы», *под которым предлагается понимать «мероприятия, направленные на формирование у жертвы семейно-бытового насилия новых установок поведения, а также восстановления утраченных положительных установок, направленных на формирование психологической защиты от последующих актов насилия».*

2 Учитывая центральное место местных органов власти в качестве субъектов профилактического воздействия на правонарушения и преступность, следует повысить их роль в деятельности по адресной помощи семьям, пострадавшим от семейно-бытового насилия. В частности, необходимо введение правила обязательного (независимо от обращения) оказания социально-правовой помощи лицам, совершившим акты семейно-бытового насилия, с их участием в психокоррекционных программах, а также семьям (членам семей), пострадавшим от данного насилия.

3 Учитывая то обстоятельство, что одной из основных задач по аксикреации жертвы семейно-бытового насилия является применение дистанцирования от виновного требуется формирование комплексного

межотраслевого механизма посредством следующих изменений в законодательных актах:

- ст. 371 УПК РК следует дополнить новой частью. 1-1 следующего содержания: *«В случаях, когда несовершеннолетнее лицо является свидетелем или потерпевшим по одному из преступлений, перечисленных в пункте 18-2 статьи 3 Уголовного кодекса Республики Казахстан, а подозреваемым, обвиняемым является член семьи, в качестве законного представителя привлекаются органы опеки и попечительства»;*

- ч. 1 ст. 217 УПК РК (регламентирующая процедуру депонирования показаний потерпевшего и свидетеля) должна быть дополнена новым обстоятельством: *«наличие существующей опасности для жизни и здоровья свидетеля, потерпевшего»;*

- ч. 1 ст. 398 УПК РК, регламентирующую вопросы, подлежащие отражению в резолютивной части приговора, дополнить п. 12 следующего содержания: *«решение о запрете осужденному к лишению свободы за преступления, предусмотренные пунктом 18-2 Уголовного кодекса Республики Казахстан, поддерживать в период отбывания наказания любые формы связи с потерпевшим, если об этом ходатайствует сам потерпевший, иные заинтересованные лица либо суд сам придет к выводу о необходимости данной меры».*

- Закон РК «О пробации»: 1) ст. 13 следует дополнить новой ч. 1-1 со следующей формулировкой: *«Досудебная пробация применяется в обязательном порядке по делам о семейно-бытовом насилии в случаях, если к подозреваемому, обвиняемому не применена мера пресечения в виде содержания под стражей»;* 2) ст. 14 необходимо дополнить ч. 2-1, которую изложить в следующей редакции: *«По делам о семейно-бытовом насилии службой пробации составляется: в течение 3-суток краткий досудебный доклад с рекомендацией следственному судье о санкционировании запрета на приближении в порядке ст. 165 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан; в течение срока досудебного расследования полный досудебный доклад с рекомендациями суду относительно необходимости применения мер, предусмотренных ст. 98-3 Уголовного кодекса Республики Казахстан».*

- Уголовный кодекс РК: 1) ст. 44 УК РК следует дополнить ч. 1-1 следующего содержания: *«При назначении ограничения свободы лицу, совершившему деяние, предусмотренное пунктом 18-2 статьи 3 настоящего Кодекса, применение мер, указанных в ч. 1 ст. 98-3 настоящего Кодекса, является обязательным. Запрет на проживание в одном жилище с потерпевшим устанавливается сроком на три месяца и может быть продлен вплоть до окончания срока назначенного наказания»;* 2) аналогичное изменение должно быть включено в ст. 63 УК РК (дополнение ч. 3-1);

4 Следует признать в качестве пробела сформированного механизма противодействия семейно-бытовому насилию в Казахстане отсутствие четких критериев в отношении публикации материалов со стороны масс-медиа (СМИ, блогеров и иных лиц), способных оказать влияние на общественное мнение. Соответственно, предлагается формулировка в КРКоАП ст. 453-1, которую

изложить следующим образом: *«Распространение информации, а равно публичные высказывания, связанные с оправданием семейно-бытового насилия, в том числе, с обвинением жертвы, дискриминационными высказываниями по гендерному признаку и любой иной формой искажения, независимо от цели соответствующей деятельности...»*. Соответственно, ч. 2 ст. 453-1 КРКоАП будет звучать следующим образом: *«Деяние, предусмотренное частью первой настоящей статьи, совершенное повторно в течение года после наложения административного взыскания, а также лицом, уполномоченным на выполнение государственных функций или лидером общественного мнения»*. При этом в примечании к данной статье следует указать: *«Для целей настоящей статьи лидером общественного мнения признается лицо, которое в силу своей профессиональной деятельности и иных обстоятельств способно оказывать информационное воздействие на значительный круг лиц»*.

5 Явным недостатком является также и отсутствие в нормах казахстанского брачно-семейного законодательства правовых элементов, которые исключали бы риски для лиц, вступающих в брак и пребывающих в браке с точки зрения потенциальной опасности стать жертвой семейно-бытового насилия. По этой причине предложено: 1) в ч. 3 ст. 10 КоБС РК установить исключительное право самих лиц, желающих вступить в брак до достижения общего брачного возраста; 2) ч. 2 ст. 17 КоБС РК, регламентирующая возможность расторжения брака в одностороннем порядке, должна быть дополнена пунктом следующего содержания: *«совершил акты семейно-бытового насилия либо уголовное правонарушение, посягающее на жизнь и здоровье другого супруга или несовершеннолетних детей»*.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Семейно-бытовое насилие является частью исторически сложившихся обстоятельств, выразившихся в формировании патриархального сознания, одобряющего применение разных форм насилия как инструмента преодоления межличностного конфликта на современном этапе. Вместе с тем, проводить полную параллель с историческими формами зависимого положения женщин и детей в казахской семье нельзя, поскольку современные социально-экономические условия существенным образом отличаются от предшествующих периодов.

Международно-правовые нормы содержат к настоящему времени рекомендации, которые направлены на формирование таких национальных моделей противодействия семейно-бытовому насилию, которые исключали бы последующие риски для жертв бытового насилия, были связаны с применением оперативных мер реагирования сразу же после произошедшего насильственного инцидента, включали бы различные механизмы более или менее длительного дистанцирования жертвы и виновного лица, компенсационные механизмы, а также инфраструктуру по оказанию необходимой социальной помощи пострадавшему лицу. Вопросы относительно рекомендуемых мер наказания международно-правовые стандарты не содержат, относя их решение к ведению национального законодателя. В целом, зарубежная практика различных государств представлена различными вариантами регламентации, причем, в странах дальнего зарубежья многие предписания существенным образом отличаются от приемов регулирования в национальном законодательстве, могут быть оценены в качестве чрезмерно казуистичных либо, напротив, имеющих чрезмерно обобщенные формулировки. При этом опыт наиболее благополучных стран в вопросах противодействия семейно-бытовому насилию свидетельствует о том, что успешность данной деятельности лишь отчасти зависит от строгости правовых предписаний, поскольку существенное значение имеют целый ряд иных факторов организационного, идеологического, социально-психологического характера.

Механизм защиты жертв семейно-бытового насилия должен охватывать все сферы правового регулирования и носить комплексный, межотраслевой характер, в связи с чем необходимо объединения всех существующих нормативно-правовых актов, касающихся вопросов профилактики правонарушений (Закон РК от 9 июля 2004 г. №591-II; Закон от 4 декабря 2009 г. №214-IV; Закон РК от 29 апреля 2010 г. №271-IV) в рамках единого закона. Учитывая то обстоятельство, что к настоящему времени весь сегмент воздействия на насилие в семейно-бытовой сфере перемещен в уголовно-правовую плоскость, на основе статически выявленных закономерностей и на основе теоретических обоснований сформулировано предложение относительно дополнения ст. 3 УК РК перечнем уголовных правонарушений, относящихся к сфере семейно-бытового насилия, который предлагается сформулировать следующим образом: «*уголовные правонарушения,*

относящиеся к сфере семейно-бытового насилия – деяния, предусмотренные статьями 99, 101, 102, 105, 106, 107, 108-1, 109-1, 110, 111, 112, 115, 120, 121, 121-1, 122 и 124 настоящего кодекса, если они совершены в семейно-бытовой сфере». Целесообразность конструирования подобного перечня обуславливается, во-первых, применимостью подобного подхода казахстанского законодателя, идущего по пути использования перечневого метода в отношении отдельных групп уголовных правонарушений; во-вторых, потребностями в установлении особых параметров уголовной ответственности за уголовные правонарушения, относящиеся к сфере семейно-бытового насилия (в данном случае предполагается перспектива дальнейшего совершенствования уголовного законодательства).

Определение понятия семейно-бытового насилия в Законе РК «О профилактике бытового насилия» необоснованно сужает сферу применения положений данного нормативного правового акта, что не соответствует ни нормам других отраслей права национального законодательства, ни международным стандартам и передовой зарубежной практике. По этой причине соответствующее определение понятия «семейно-бытовые отношения», включенное в Закон РК «О профилактике бытового насилия», целесообразно подвергнуть следующему изменению: «семейно-бытовые отношения – отношения между супругами, бывшими супругами, лицами, проживающими или проживавшими совместно, близкими родственниками, родственниками, свойственниками, лицами, имеющими общего ребенка (детей)». Данное определение позволяет решить задачи, которые следуют из самого предназначения Закона РК «О бытовом насилии», за счет обоснованного расширения круга субъектов семейно-бытовых отношений. Одновременно все составы уголовных правонарушений, входящие в предложенный перечень, необходимо дополнить квалифицирующим признаком «совершенное в отношении лица, находящегося с виновным в семейно-бытовых отношениях».

Казахстанский опыт законодательной регламентации уголовной ответственности за семейно-бытовое насилие отличается специфической практикой неоднократного изменения сферы юрисдикции в отношении ответственности за побои и умышленное причинение легкого вреда здоровью. Изначально включенные в УК РК 1997 года ст. 105 и ст. 106 были декриминализованы с переводом в разряд административных правонарушений (статья 106 – Законом РК от 9 декабря 2004 г. №10-III, ст. 105 – Законом РК от 18 января 2011 г. №393-IV). Включенные в УК РК 2014 г. ст. 108 «Умышленное причинение легкого вреда здоровью» и ст. 109 «Побои» (в редакции диспозиций, сопоставимой с той, которая имела место в УК 1997 г. до их декриминализации) были декриминализованы Законом РК от 3 июля 2017 г. №84-VI. Данные дискретные изменения неизбежно повлияли на криминологическую ситуацию в стране, последствия чего требуют самостоятельного анализа с поиском путей для преодоления негативных тенденций, сформировавшихся в обществе. Именно по этой причине принятое законодателем решение относительно отнесения ст. 108-1 УК РК к уголовным проступкам должно быть признано ошибочным, не отражающим потребности

адекватной реакции на криминологическую действительность, а также идущее вразрез с уголовной политикой по противодействию семейно-бытовому насилию, в целом.

Динамика изменений, вносимых в уголовный закон в рамках составов уголовных правонарушений, наиболее типичных для сегмента семейно-бытового насилия, свидетельствует о том, что имел место неизменный вектор на ужесточение санкций соответствующих статей, а также на уточнение и включение новых квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков. Особенно явно заметна тенденция возрастания репрессивности по отношению к ответственности за половые посягательства в отношении несовершеннолетних и малолетних лиц. В итоге к настоящему времени санкции ст. 120, 121, 122, 123, 124 УК РК практически достигли возможного максимума, что в дальнейшем потребует поиска дополнительных инструментов уголовно-правового воздействия. При этом ресурс уголовного закона в отношении более глубокого учета возрастных параметров потерпевших от половых преступлений до настоящего времени в полной мере не исчерпан. Соответственно, в целях более дифференцированного учета возраста потерпевших в составах половых преступлений, в рамках ст. 122 и ст. 124 УК РК требуется *установить повышенные параметры уголовной ответственности за случаи совершения деяния в отношении лиц, не достигших 12-летнего возраста.*

По результатам анализа выявленных статистических закономерностей и изученных материалов судебной практики обосновывается справедливость презумпции относительно того, что значительная часть случаев самообороны от актов семейно-бытового насилия в итоговой квалификации оценивается либо как превышение пределов необходимой обороны, либо как уголовное правонарушение без признаков состояния необходимой обороны. Учитывая факт того, что длительность травматизации по причине повторяющихся актов семейно-бытового насилия может привести к утрате критического восприятия ситуации на фоне негативного эмоционального состояния (страх, испуг, состояние постоянной травли, унижения, постоянной физической боли от насилия и т.д.), предлагается дополнение ч. 3 ст. 32 УК РК новой формулировкой следующего содержания: *«Не является превышением необходимой обороны причинение вреда посягающему вследствие страха, испуга, замешательства, а также в случаях, когда обороняющийся ранее подвергался насилию со стороны посягающего лица.»* с одновременным исключением ст. 66 из УК РК. Одновременно следует внести в п. 17 Нормативного постановления Верховного Суда РК от 11 мая 2007 г. №2 следующую формулировку: *«Для установления факта предшествующего насилия со стороны нападавшего лица в отношении оборонявшегося за основу принимаются все обстоятельства, подтверждающие такое насилие – обращения в правоохранительные органы, привлечение к административной или уголовной ответственности за акты насильственного поведения нападавшего в отношении оборонявшегося; медицинские документы,*

свидетельские показания и другие фактические данные, независимо от того, получали они в прошлом правовую оценку или нет».

Учитывая общемировые тенденции повышенной защиты женщин, в том числе приводящие к практике криминализации фемцидов, формулируется предложение относительно сложившейся на протяжении длительного времени концепции казахстанского законодателя у потерпевшей в учете состояния беременности исключительно в случаях, когда устанавливается факт заведомой осведомленности о данном состоянии со стороны виновного лица. Обосновано, что беременность следует расценивать как особое, но не исключительное состояние женщины, поскольку оно в полной мере производно от ее биологического естества, не является болезненным, искусственным и т.п. состоянием. Соответственно, интеллектуальный момент умысла любого лица (как мужского, так и женского пола) фактически должен включать факт осознания того, что женщина может находиться в состоянии беременности исключительно по признаку ее биологического пола. В связи с этим обоснована необходимость *отказа от признака «заведомости» по отношению к состоянию беременности во всех составах преступлений, где имеет место посягательство на женщину именно как на биологический организм, одновременно дополнив данным признаком ст.ст. 106, 107, 108-1, 109-1 УК РК.* Аналогично, необходимо отказаться от признака заведомой осведомленности о несовершеннолетнем возрасте потерпевшего в составах, в которых повышенная степень уголовно-правовой защиты данных лиц от насилия определяется именно физиологическим (возрастным) критерием, исключая дополнительные социальные оценки.

Выявленные в ходе исследования статистические «перепады» свидетельствуют о том, что сфера правовой юрисдикции (административно-правовая или уголовно-правовая), равно как и изменение категории уголовного правонарушения неизбежно отражается на регистрации соответствующих деяний. С учетом изменений, которые внесены Законом РК от 15 апреля 2024 г. №72-VIII, обоснован прогноз, что *количество регистраций побоев (вновь включенная ст. 109-1 УК РК) и случаев умышленного причинения легкого вреда здоровью (ст. 108-1 УК РК) заметно сократится.*

С учетом проведенного анализа есть основания для утверждения, что к личности семейно-бытового насильника применима оценка через «свойство опасного состояния», формируемого именно применительно к сфере семейно-бытовых отношений, которое отличает его от других видов личности преступника. Особенность эта заключается в том, что конкретное лицо (категория лиц), как правило, являются источником опасности исключительно в сфере замкнутого круга семейно-бытовых отношений, когда жертвой насилия становится один или несколько членов семьи. По этой причине факт изменения сферы ответственности за менее опасные формы физического насилия с административно-правовой на уголовно-правовую не способно оказать существенно сдерживающего эффекта (разве что в незначительном временном промежутке), а лишь повысит уровень латентности совершаемых насильственных деяний. Соответственно, *профилактическое воздействие*

предполагает обязательный учет тех лиц, кто ранее привлекался к административной ответственности (тем более, неоднократно) за факты семейно-бытового насилия.

Учитывая повышенные способности семейно-бытовой преступности к самодетерминации (за счет специфики паттернов семейно-бытового насилия), следует констатировать, что *декриминализация побоев и умышленного причинения легкого вреда здоровью выступила в качестве специфического акселератора насильственной преступности в семейно-бытовой сфере, случившейся именно на факторе самодетерминации.* Так, констатация базового прироста в 2023 г. (в сравнении с 2017 г.) общей массы административной деликтности в семейно-бытовой сфере на 238,7%; убийств на 124%; умышленного причинения тяжкого вреда здоровью на 186%; умышленного причинения средней тяжести вреда здоровью на 287%; изнасилований (при условии незначительных случаев регистрации) – 533% свидетельствует о том, что имела место кумуляция насильственной мотивации, которая не получала должного пресечения в административно-правовом поле по причине несущественности применяемых санкций.

Самодетерминация семейно-бытового насилия иллюстрируется и на основе регионального подхода, поскольку области, демонстрирующие наибольший уровень административно-правовой деликтности в сфере семейно-бытового насилия (Восточно-Казахстанская, Карагандинская, Алматинская, Павлодарская, Костанайская область), представлены негативными тенденциями и в уголовно-правовых формах анализируемого сегмента преступности.

Современная постановка целей профилактического воздействия на семейно-бытовое насилие требует пересмотра подходов к определению ключевых понятий, в том числе и понятия «профилактика семейно-бытового насилия», сформулированного в Законе РК «О профилактике семейно-бытового насилия». Учитывая то обстоятельство, что сама жертва бытового насилия по причине произошедших в ней негативных деформация нравственно-психологической сферы становится детерминантой последующих насильственных инцидентов, одним из направлений профилактического воздействия должна стать система мер, обеспечивающих аксикреацию жертвы, что непосредственно должно быть отражено в легальной формулировке понятия «профилактика семейно-бытового насилия». Соответственно в перечне основных понятий следует сформулировать определение термина «аксикреация жертвы», под которым предлагается понимать «мероприятия, направленные на формирование у жертвы семейно-бытового насилия новых установок поведения, а также восстановления утраченных положительных установок, направленных на формирование психологической защиты от последующих актов насилия».

Учитывая то обстоятельство, что одной из основных задач по аксикреации жертвы семейно-бытового насилия является применение дистанцирования от виновного требуется формирование комплексного межотраслевого механизма посредством следующих изменений в законодательных актах:

– ст. 371 УПК РК следует дополнить новой частью. 1-1 следующего содержания: «В случаях, когда несовершеннолетнее лицо является свидетелем или потерпевшим по одному из преступлений, перечисленных в пункте 18-2 статьи 3 Уголовного кодекса Республики Казахстан, а подозреваемым, обвиняемым является член семьи, в качестве законного представителя привлекаются органы опеки и попечительства»;

– ч. 1 ст. 217 УПК РК (регламентирующая процедуру депонирования показаний потерпевшего и свидетеля) должна быть дополнена новым обстоятельством: «наличие существующей опасности для жизни и здоровья свидетеля, потерпевшего»;

– ч. 1 ст. 398 УПК РК, регламентирующую вопросы, подлежащие отражению в резолютивной части приговора, дополнить п. 12 следующего содержания: «решение о запрете осужденному к лишению свободы за преступления, предусмотренные пунктом 18-2 Уголовного кодекса Республики Казахстан, поддерживать в период отбывания наказания любые формы связи с потерпевшим, если об этом ходатайствует сам потерпевший, иные заинтересованные лица, либо суд сам придет к выводу о необходимости данной меры».

Закон РК «О пробации»: 1) ст. 13 следует дополнить новой ч. 1-1 следующей формулировкой: «Досудебная пробация применяется в обязательном порядке по делам о семейно-бытовом насилии в случаях, если к подозреваемому, обвиняемому не применена мера пресечения в виде содержания под стражей»; 2) ст. 14 необходимо дополнить ч. 2-1, которую изложить в следующей редакции: «По делам о семейно-бытовом насилии службой пробации составляется: в течение 3-суток краткий досудебный доклад с рекомендацией следственному судье о санкционировании запрета на приближении в порядке ст. 165 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан; в течение срока досудебного расследования полный досудебный доклад с рекомендациями суду относительно необходимости применения мер, предусмотренных ст. 98-3 Уголовного кодекса Республики Казахстан».

Уголовный кодекс РК: 1) ст. 44 УК РК следует дополнить ч. 1-1 следующего содержания: «При назначении ограничения свободы лицу, совершившему деяние, предусмотренное пунктом 18-2 статьи 3 настоящего Кодекса, применение мер, указанных в ч. 1 ст. 98-3 настоящего Кодекса, является обязательным. Запрет на проживание в одном жилище с потерпевшим устанавливается сроком на три месяца и может быть продлен вплоть до окончания срока назначенного наказания»; 2) аналогичное изменение должно быть включено в ст. 63 УК РК (дополнение ч. 3-1).

Кроме того, следует повысить роль местных органов власти и самоуправления в деятельности по адресной помощи семьям, пострадавшим от семейно-бытового насилия, посредством введения правила обязательного (независимо от обращения) оказания социально-правовой помощи лицам, совершившим акты семейно-бытового насилия, с их участием в психокоррекционных программах, а также семьям (членам семей), пострадавшим от данного насилия, с целью чего п. 29 ст. 27 и п. 26 ст. 31

Закона РК от 23 января 2001 г. №148-ІІ дополнить формулировкой: «...а также на обязательной основе оказывает комплексную социально-правовую помощь лицам, совершившим акты бытового насилия, и их семьям на основе специально разработанных программ».

Следует признать в качестве пробела сформированного механизма противодействия семейно-бытовому насилию в Казахстане отсутствие четких критериев в отношении публикации материалов со стороны СМИ, блогеров и иных лиц, способных оказать влияние на общественное мнение. Соответственно, предлагается формулировка в КРКоАП ст. 453-1, которую изложить следующим образом: «Распространение информации, а равно публичные высказывания, связанные с оправданием семейно-бытового насилия, в том числе, с обвинением жертвы, дискриминационными высказываниями по гендерному признаку и любой иной формой искажения, независимо от цели соответствующей деятельности...». Соответственно, ч. 2 ст. 453-1 КРКоАП будет звучать следующим образом: «Деяние, предусмотренное частью первой настоящей статьи, совершенное повторно в течение года после наложения административного взыскания, а также лицом, уполномоченным на выполнение государственных функций или лидером общественного мнения». При этом в примечании к данной статье следует указать: «Для целей настоящей статьи лидером общественного мнения признается лицо, которое в силу своей профессиональной деятельности и иных обстоятельств способно оказывать информационное воздействие на значительный круг лиц».

Явным недостатком является также и отсутствие в нормах казахстанского брачно-семейного законодательства правовых элементов, которые исключали бы риски для лиц, вступающих в брак и пребывающих в браке с точки зрения потенциальной опасности стать жертвой семейно-бытового насилия. По этой причине предложено: 1) в ч. 3 ст. 10 КоБС РК установить исключительное право самих лиц, желающих вступить в брак до достижения общего брачного возраста; 2) ч. 2 ст. 17 КоБС РК, регламентирующая возможность расторжения брака в одностороннем порядке, должна быть дополнена пунктом следующего содержания: «совершил акты семейно-бытового насилия либо уголовное правонарушение, посягающее на жизнь и здоровье другого супруга или несовершеннолетних детей».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1 Конституция Республики Казахстан: принята на республиканском референдуме 30 августа 1995 года (с изм. и доп. по состоянию на 19.09.2022 г.) // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1005029. 11.10.2022.

2 Всеобщая декларация прав человека: утв. резолюцией Генеральной Ассамблеи от 10 декабря 1948 года, №217А(III) // <https://adilet.zan>. 25.03.2022.

3 Конвенция о Правах ребёнка: утв. резолюцией Генеральной Ассамблеи от 20 ноября 1989 года, №44/25 // <https://www.un.org/ru/>. 25.03.2022.

4 Декларация Организации Объединенных Наций об основных принципах правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью: утв. резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 29 ноября 1985 года, №40/34 // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1022356. 25.03.2022.

5 Активизация усилий в целях искоренения всех форм насилия в отношении женщин: утв. Генеральной Ассамблеей от 30 января 2007 года, №A/RES/61/143 // <https://www.refworld.org/ru/legal/resolution/unga>. 25.03.2022.

6 Декларация о ликвидации дискриминации в отношении женщин: утв. Генеральной Ассамблеей от 7 ноября 1967 года // <https://online.zakon>. 01.04.2022.

7 Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин: утв. резолюцией Генеральной Ассамблеи от 18 декабря 1979 года, №34/180 // https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z980000248_. 27.03.2022.

8 Факультативный протокол к Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин: утв. резолюцией Генеральной Ассамблеи от 6 октября 1999 года, №54/4 // https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/womendiscrim_prot.shtml. 01.04.2022.

9 Декларация об искоренении насилия в отношении женщин: утв. резолюцией Генеральной Ассамблеи от 20 декабря 1993 года, №48-104 // https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/violence.shtml. 01.04.2022.

10 Типовые стратегии и практические меры по искоренению насилия в отношении женщин в области предупреждения преступности и уголовного правосудия: утв. резолюцией Генеральной Ассамблеи от 12 декабря 1997 года, №52/86 // <https://www.un.org/ru/documents>. 04.04.2024.

11 Пекинская декларация: утв. 4-й Всемирной конференцией по положению женщин (Пекин, 4–15 сентября 1995 года) // https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/womdecl.shtml. 04.04.2022.

12 Конвенция Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием: утв. 11 мая 2011 года (Стамбул) // <https://rm.coe.int/168046253f>. 04.04.2022.

13 Конвенция Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуального насилия: утв. 25 октября 2007 года, Лансароте // <https://rm.coe.int/168046e1da>. 04.04.2022.

14 Форма отчета №1-М «О зарегистрированных уголовных правонарушениях» (сводный по Республике Казахстан) // <https://qamqor.gov.kz/crimestat/statistics>. 18.02.2022.

15 Уголовный кодекс Республики Казахстан от 16 июля 1997 года, №167-I // https://adilet.zan.kz/rus/docs/K970000167._ 08.08.2024.

16 Уголовный кодекс Республики Казахстан: принят 3 июля 2014 года, №226-V // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252. 08.08.2024.

17 Закон Республики Казахстан. О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам обеспечения прав женщин и безопасности детей: принят 15 апреля 2024 года, №72-VIII // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2400000072>. 08.08.2024.

18 Указ Президента Республики Казахстан. Об утверждении Концепции семейной и гендерной политики в Республике Казахстан до 2030 года: утв. 6 декабря 2016 года, №384 // <https://online.zakon.kz/Document>. 03.09.2024.

19 Закон Республики Казахстан. О профилактике бытового насилия: утв. 4 декабря 2009 года, №214-IV // <https://online.zakon.kz/Document/>. 18.10.2023.

20 Нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан. О применении законодательства о необходимой обороне: утв. 11 мая 2007 года, №2 // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30105428. 18.10.2023.

21 Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан: принят 4 июля 2014 года, №231-V // <https://online.zakon.kz/Document>. 03.09.2023.

22 Закон Республики Казахстан. О пробации: принят 30 декабря 2016 года, №38-VI // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1600000038>. 03.09.2023.

23 Закон Республики Казахстан. О профилактике правонарушений среди несовершеннолетних и предупреждении детской безнадзорности и беспризорности: принят 9 июля 2004 года, №591-II // <https://online.zakon.kz/Document>. 03.09.2024.

24 Закон Республики Казахстан. О профилактике правонарушений: принят 29 апреля 2010 года, №271-IV // <https://online.zakon.kz/>. 23.09.2024.

25 Закон Республики Казахстан. О местном государственном управлении и самоуправлении в Республике Казахстан: принят 23 января 2001 года, №148 // <https://online.zakon.kz/Document/>. 23.09.2024.

26 Кодекс Республики Казахстан. Об административных правонарушениях: принят 5 июля 2014 года, №235-V // <https://online.zakon.kz>. 23.09.2024.

27 Кодекс Республики Казахстан. О браке (супружестве) и семье: принят 26 декабря 2011 года, №518-IV // <https://online.zakon.kz/Document/?>. 10.10.2024.

28 Харламов В.С. Теория и практика противодействия преступному насилию в семье: системное криминологическое и уголовно-правовое исследование: дис. ... док. юрид. наук: 12.00.08. – СПб., 2018. – 719 с.

29 Эрдынеев А.Э. Антрополого-правовой обзор работы Фридриха Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» // Вестник БГУ. – 2015. – №2. – С. 143-148.

30 Ковалевский М.М. Очерк происхождения и развития семьи и собственности / пер. с фр. – М., 1939. – 188 с.

31 Кусова Е.С Развитие матриархата: исторический аспект // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. – 2017. – №1(7). – С. 97-101.

- 32 Cynthia E. The Myth of Matriarchal Prehistory: Why an Invented Past Won't Give Women a Future. – Boston, 2001. – 288 p.
- 33 Essays J.M. Primate Behavior // <https://educheer.top/essays/>. 10.10.2023.
- 34 Бутовская М. Власть, пол и репродуктивный успех. – Фрязино, 2005. – 64 с.
- 35 Была ли в истории человечества эпоха матриархата? // <https://dzen.ru/a/WsYDwl9JZ7ZNEH-D?ysclid=m4vpc7pqil738607119>. 03.10.2022.
- 36 Чурков Д.О. Матриархат и рождение Homo creatrix: новые поиски, дискуссии, открытия. – М.: Прометей, 2020. – 314 с.
- 37 Осколков В.С. История Казахстана (курс лекций): учеб. пос. – Алматы: УМУ МАБ, 2010. – 159 с.
- 38 Абиль Е.А. История государства и права Казахстана. – Изд. 4-е, перер. и доп. – Алматы, 2020. – 240 с.
- 39 Геродот. История / пер. с греч. – М., 2004. – 640 с.
- 40 Саверский А. Следы матриархата. Часть 1 // <https://womantory.livejournal.com/117746.html?ysclid=m3ziwk20kv720604006>. 03.10.2022.
- 41 Кемали М. Насилие над женщиной в семейно-бытовой сфере и его исторические предпосылки // Матер. междунар. науч.-практ. конф. «Проблемы борьбы с преступлениями в контексте национальной концепции права», посв. памяти Е.Г. Джакишева. – Алматы: КазГЮУ, 2002. – С. 131-137.
- 42 Тегизбекова Ж.Ч. Регулирование брачно-семейных отношений кыргызов по обычному праву. – Бишкек: Изд-во КРСУ, 2015. – 206 с.
- 43 Гумилёв Л.Н. Древние тюрки. История образования и расцвета Великого тюркского каганата (VI-VIII вв. н.э.). – М., 2002. – 298 с.
- 44 Сатанова Л.М. История государства и права Республики Казахстан: учеб. пос. – Алматы: КазНПУ им. Абая, 2008. – 272 с.
- 45 Кан Г.В. История Казахстана. – Алматы, 2005. – 223 с.
- 46 Древний мир права казахов: материалы, документы и исследования / под ред. С.З. Зиманова. – Алматы, 2001. – 632 с.
- 47 Корзун И.В. Преступность среди женщин в Казахстане. – Алматы: Жеті жарғы, 1998. – 192 с.
- 48 Фокус С.Л. Обычное право казахов в XVIII – первой половине XIX века. – Алма-Ата, 1981. – 224 с.
- 49 Тронов В. Обычай и обычное право киргиз. – СПб., 1891. – Т. 17, вып. 2. – 85 с.
- 50 Культелеев Т.М. Уголовное обычное право казахов. – Алма-Ата: Академия наук Каз.ССР, 1955. – 302 с.
- 51 Могилевский А.Л. Охрана прав женщин в Туркменской ССР. – Ашхабад: Ылым, 1979. – 188 с.
- 52 Казахи. Историко-этнографическое исследование / под ред. М.К. Козыбаева, Х.А. Аргынбаева, М.С. Муканова. – Алматы, 1995. – 352 с.
- 53 Марков Е.Л. Фергана. Путевые очерки кокандского ханства. Глава III. Старая и новая столицы Ферганы // https://drevlit.ru/docs/central_asia. 15.10.2022.

54 Сман А.С. Правовой статус личности по обычному праву казахов // Вестник Института законодательства Республики Казахстан. – 2006. – №3(3). – С. 27-32.

55 Левшин А. Описание киргиз-казацких, или киргиз-кайсацких орд и степей // Этнографические известия. – 1832. – Ч. 3. – С. 170-178.

56 Югай М. Семейно-бытовые преступления в истории обычного права казахов // Фемида. – 2007. – №11(143). – С. 31-34.

57 Гумилёв Л.Н. Древние тюрки: история образования и расцвета Великого тюркского каганата (VI-VIII вв. н.э.). – СПб., 2003. – 574 с.

58 Ахметова Н.С. Проблемы и вопросы теории и истории государства и права // Вестник ЮУрГУ. – 2007. – Вып. 12, №28. – С. 4-9.

59 Кемали М.С. Насилие над женщинами в семье и быту (криминологические и уголовно-правовые проблемы): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. – Караганда, 2007. – 170 с.

60 Тугельбаева Б.Г., Хамзаева А.Д. Криминология: проблемы предупреждения домашнего (семейного) насилия: учеб. пос. – Бишкек, 2010. – 134 с.

61 Сапаралиева С.М. Правовой статус женщины в обычном праве казахов // Матер. междунар. науч.-практ. конф. «Актуальные проблемы борьбы с преступностью на современном этапе». – Алматы, 2003. – Ч. 2. – С. 177-186.

62 Тленчиева Г. Права женщин – права человека в Казахстане // Женщина, гендер, культура: сб. ст. – М., 1999. – С. 249-260.

63 Джунусбаев М.Д. Образ жизни семьи в Казахстане: учеб. пос. Чимкент, 1991. – 148 с.

64 Культелеев Т.М. Уголовное обычное право казахов. – Алматы, 2004. – 430 с.

65 Вареникова С.П. Казахское обычное право и судопроизводство биев // Lex Russica. – 2016. – №8(117). – С. 168-177.

66 Зиманов С.З. Казахский суд биев – уникальная судебная система. – Алматы: Атамұра, 2008. – 224 с.

67 Даукетова Ж. Исследования по обычному праву казахов и институтов степных судей-биев // Право и государство. – 2018. – №1-2(78-79). – С. 216-230.

68 Беккулова А.Д., Ильяс А., Сексенбай Г. Развитие обычного казахского права // Актуальные научные исследования в современном мире. – 2016. – №11-4(19). – С. 30-35.

69 Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Казахстан: летопись трех тысячелетий. – Алма-Ата: Рауан, 1992. – 378 с.

70 Корзун И.В. Теоретические и прикладные проблемы социально-правового контроля и предупреждения преступности среди женщин: по материалам Республики Казахстан: автореф. ... док. юрид. наук: 12.00.08. – М., 2001. – 52 с.

71 Материалы по казахскому обычному праву: сб. / сост. Т.М. Культелеев, М.Г. Масевич, Г.Б. Шакаев. – Алматы: Жалын, 1999. – 463 с.

72 Султан А. Суд биев: почему у казахов не было тюрем и почему в степи не прижились законы шариата? // <https://mir24.tv/articles>. 14.11.2022.

73 Кожоналиев С.К. Суд и уголовное обычное право киргизов до Октябрьской революции. – Фрунзе, 1963. – 66 с.

74 Махмутов А.М. Преступления, составляющие пережитки патриархально-родового быта. – Алма-Ата, 1963. – 336 с.

75 Жубандыкова Л. Об историко-правовых аспектах насилия в сфере семейно-бытовых отношений // Матер. междунар. науч.-практ. конф. «Факторы семейно-бытового насилия и их профилактика». – Актобе, 2023. – С. 25-34.

76 Кемали М.С. Некоторые аспекты осуществления информационно-аналитической деятельности в сфере правовой статистики и специальных учётов // Законность и правовая статистика. – 2005. – №1(1).

77 Байназарова М.Д. Ответственность за доведение до самоубийства женщин на почве пережитков местных обычаев: автореф. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. – М., 1986. – 20 с.

78 Байрамов Ф.А. Уголовно-правовая охрана равноправия женщин: автореф. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. – М., 1989. – 24 с.

79 Закон Республики Казахстан. О присоединении Республики Казахстан к Конвенции о политических правах женщин: принят 30 декабря 1999 года, №18-II // https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z990000018_. 18.11.2022.

80 Закон Республики Казахстан. О присоединении Республики Казахстан к Конвенции о гражданстве замужней женщины: принят 30 декабря 1999 года, №19-II // https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z990000019_. 01.11.2022.

81 Указ Президента Республики Казахстан. Об утверждении Стратегии гендерного равенства в Республике Казахстан на 2006-2016 годы: утв. 29 ноября 2005 года, №1677 // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id.: 14.11.2022.

82 Защита семьи: резолюция: утв. на 26-й сессии Совета ООН по правам человека 16 июля 2014 года // <https://www.refworld.org/ru/legal>. 18.11.2022.

83 Модельное законодательство о насилии в семье: рекомендации / ООН // Вестник «Новые возможности для женщин». – 1997. – №10. – С. 22-31.

84 Кодекс Украины об административных правонарушениях: принят 7 декабря 1984 года, №8073-X // <https://online.zakon.kz/Document/>. 15.07.2023.

85 Кодекс Азербайджанской Республики об административных проступках // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36865427. 15.07.2023.

86 Каракушев С.И., Саттарова А.Ф., Жубандыкова Л.А. и др. Профилактика насилия в семье: науч.-практ. пос. – Алматы, 2023. – 136 с.

87 Домашнее насилие по законодательству зарубежных стран: ответственность и превенция / под ред. Н.А. Голованова. – М., 2011. – 382 с.

88 Уголовный кодекс Дании // <https://www.retsinformation>. 15.07.2023.

89 Закон Израиля. Об уголовном праве // <https://naukaprava.ru>. 15.07.2023.

90 Уголовный кодекс Швеции: принят 1 января 1965 года // <https://www.government.se/government-policy/judicial-system/the>. 15.07.2023.

91 Уголовный кодекс Франции: принят 22 июля 1992 года (по состоянию на 1 июля 2000 г.) // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id. 15.07.2022.

92 Руководством по правам женщин, пострадавших от гендерного насилия (по состоянию на май 2022 года) // guiaderechos_RUS.pdf. 15.07.2023.

93 Приходько Т.В. Правовое регулирование противодействия семейно-бытовому насилию в России и Германии: сравнительное исследование // Правоприменение. – 2022. – №4. – С. 149-161.

94 Шавьер Ф., Нету Ф. Опыт бразильского законодательства в области борьбы с домашним насилием: теория и практика // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2021. – №1. – С. 90-100.

95 Заброда Д.Г., Заброда С.Н. Австрийский опыт предупреждения домашнего насилия: характеристика и предложения по использованию в России // Общество и право. – 2016. – №3(57). – С. 107-112.

96 Тапаев С.Б., Хан В.В., Түсіп Т.А. және т.б. Отбасылық-тұрмыстық зорлық-зомбылық; ұрып соғу, денсаулыққа қасақана жеңіл зиян келтіру нысандарын криминализациялау/қылмыстық сипаттан арылту. – Қосшы, 2021. – 471 б.

97 Форма отчета №1-М «О зарегистрированных уголовных правонарушениях» (сводный по Республике Казахстан; декабрь 2020 г) / <https://qamqor.gov.kz/crimestat/statistics>. 18.02.2022.

98 Форма отчета №1-М «О зарегистрированных уголовных правонарушениях» (сводный по Республике Казахстан; декабрь 2021 г) // <https://qamqor.gov.kz/crimestat/statistics>. 12.03.2022.

99 Форма отчета №1-М «О зарегистрированных уголовных правонарушениях» (сводный по Республике Казахстан; декабрь 2022 г) // <https://qamqor.gov.kz/crimestat/statistics>. 24.02.2023.

100 Форма отчета №1-М «О зарегистрированных уголовных правонарушениях» (сводный по Республике Казахстан; декабрь 2023 г) // <https://qamqor.gov.kz/crimestat/statistics>. 27.01.2024.

101 Антонян Ю.М. Проблемы неосторожной преступности // Вестник Воронежского института МВД России. – 2011. – №1. – С. 4-9.

102 Евлоев Н.Д. К вопросу о целях наказания за неосторожные преступления // Общество и право. – 2010. – №4(31). – С. 134-139.

103 Уголовный кодекс Российской Федерации: принят 13 июня 1996 года, №63-ФЗ // https://www.consultant.ru/document/cons_doc. 17.09.2023.

104 Уголовный кодекс Республики Молдова: принят 18 апреля 2002 года, №985-XV // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30394923. 16.09.2023.

105 Дерягин Г.Б. Криминальная сексология. – М., 2011. – 399 с.

106 Маликова М.Г. Криминологическая характеристика преступности в сфере семейно-бытовых отношений: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. – Махачкала, 2006. – 183 с.

107 Юдина А.А. Некоторые вопросы совершенствования уголовной ответственности за сексуальные домогательства в Российской Федерации // Правопорядок: история, теория, практика. – 2022. – №3(34). – С. 114-119.

108 Векленко С. В., Стулов А. В. Необходимо ли уголовное наказание за сексуальные домогательства? // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2019. – №1. – С. 11-16.

109 Закон Республики Казахстан. О жилищных отношениях: принят 16 апреля 1997 года, №94-І (с изм. и доп. по состоянию на 22.07.2024 г.) // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1007658. 15.08.2024.

110 Ильина О.Ю. Частные и публичные интересы в семейном праве Российской Федерации: дис. ... док. юрид. наук: 12.00.03. – М., 2006. – 374 с.

111 Фаддеева Т.А. Советское семейное право: учеб. – М., 1982. – 256 с.

112 Афанасьева И.В. Акценты и приоритеты в дефиниции понятий «брак» и «семья» и их значение для юридической науки и практики // Семейное и жилищное право. – 2006. – №1. – С. 30-33.

113 Косова О.Ю. О конституционном принципе защиты семьи государством // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1997. – №3(218). – С. 14-23.

114 Жубандыкова Л.А. Семейно-бытовое насилие: проблемы диспаритета законодательных мер воздействия // Ғылым-Наука. – 2022. – №4(75). – С. 149-157.

115 Отабоева Л.О. Охрана личных прав и свобод женщин в семейно-бытовой сфере: уголовно-правовой и криминологический аспекты: по материалам Республики Таджикистан: автореф. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. – М., 2008. – 23 с.

116 Шахов В.И. Социальное и уголовно-политическое значение института семьи // Насилие в семье: уголовно-правовое и криминологическое значение: дис. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2003. – 197 с.

117 Жубандыкова Л.А. Актуальные вопросы совершенствования законодательства Республики Казахстан по противодействию семейно-бытовому насилию // Матер. междунар. науч.-практ. конф. «Организация и деятельность органов внутренних дел на современном этапе: проблемы и пути решения». – Костанай, 2022. – С. 58-67.

118 Закон Республики Казахстан. О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам обеспечения защиты прав ребенка: принят 23 ноября 2010 года, №354-ІV // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30854901. 15.07.2023.

119 Закон Республики Казахстан. О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам прав человека в сфере уголовного судопроизводства, исполнения наказания, а также предупреждения пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения: принят 17 марта 2023 года, №212-VII // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2300000212>. 15.07.2023.

120 Борчашвили И.Ш. В отдельную категорию // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31082214&pos=6;-106#pos=6;-106. 15.06.2024.

121 Борчашвили И.Ш. Гуманизация уголовной политики в Республике Казахстан // Современное уголовное право и криминология: сб. науч. тр. – М., 2007. – С. 43-53.

122 Кригер Г.А. Конституция СССР и совершенствование уголовного законодательства // Вестник Московского университета. – 1979. – №2. – С. 7-8.

123 Хилюта В.В. Уголовный проступок: быть или не быть // Юрист-Правоведь. – 2019. – №2(89). – С. 147-152.

124 Гаврилов Б.Я., Рогова Е.В. Уголовный проступок: концепция развития (мнение ученого и практика) // Публичное и частное право. – 2016. – №4. – С. 7-45.

125 Махоткин В.П. Преступления, не представляющие большой общественной опасности: уголовно-правовое и криминологическое исследование: автореф. ... док. юрид. наук: 12.00.08. – М., 1992. – 29 с.

126 Герасимов А.М. Теория уголовного проступка: автореф. ... док. юрид. наук: 5.1.4. – Саратов, 2022. – 56 с.

127 Жубандыкова Л.А., Симонова Ю.И. Уголовно-правовые меры противодействия семейно-бытовому насилию: необходимость преодоления противоречий и поиск дополнительных ресурсов // Фылым-Наука. – 2024. – №1(80). – С. 145-154.

128 Закон Республики Казахстан. О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам, связанным с деятельностью организаций, осуществляющих функции по защите прав ребенка: принят 1 апреля 2019 года, №240-VI // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1900000240>. 20.09.2023.

129 Закон Республики Казахстан. О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросу реализации отдельных положений Послания Главы государства народу Казахстана от 1 сентября 2020 года «Казахстан в новой реальности: время действий»: принят 30 декабря 2020 года, №393-VI // <https://adilet.zan.kz/rus/docs>. 120.09.2023.

130 Галиакбаров Р.Р. Борьба с групповой преступностью средствами уголовного закона: учеб. пос. – Саратов, 1999. – 64 с.

131 Д. 3598-16-00-1/92 (Приговор Специализированного межрайонного суда по уголовным делам Карагандинской области от 17 августа 2016 года). – Караганда, 2022 (ДСП).

132 Д. 3598-22-00-1/17 (Приговор Специализированного межрайонного суда по уголовным делам Карагандинской области 16 марта 2022 года). – Караганда, 2022 (ДСП).

133 Д. 5598-16-00-1/5 (Приговор специализированного межрайонного суда по уголовным делам Павлодарской области (г. Павлодар) от 18 мая 2016 года). – Павлодар, 2022 (ДСП).

134 Дядюн К.В. К вопросу о целесообразности установления уголовной ответственности за половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста // Universum: экономика и юриспруденция. – 2017. – №5. – С. 1-8.

135 Артемьев Н.С., Полищук Е.Г. Основные понятия виктимологической характеристики преступлений, совершаемых в сфере семейно-бытовых отношений // Человек: преступление и наказание. – 2008. – №4. – С. 89-93.

136 Антонян Ю.М. Криминология как одна из фундаментальных наук о человеке // Тр. института государства и права РАН. – 2022. – Т. 17, №5. – С. 223-234.

137 Абальцев С.Н., Дерябин С.Д., Солодовников С.А. Побои и истязани: проблемы криминологии. – М., 1999. – 127 с.

138 Лихачева О.В. Некоторые аспекты криминологического понятия насильственного преступления, совершаемого в сфере семейных отношений // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2008. – №2. – С. 36-41.

139 Д. 1598-22-00-1/8 (Приговор Специализированного межрайонного суда по уголовным делам Актыбинской области от 28 марта 2022 года). – Актыбинск, 2022 (ДСП).

140 Борчашвили И.Ш. В рамках обстоятельств, исключющих преступность деяния // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id.20.09.2023.

141 Д. 3571-21-00-1/31 (Приговор Специализированного межрайонного суда по уголовным делам Карагандинской области от 13 мая 2021 года). – Караганда (ДСП).

142 Третьяков А.С. Уголовно-правовая превенция тяжких насильственных преступлений: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. – Челябинск, 2004. – 203 с.

143 Меркурьев В.В. Необходимая оборона: уголовно-правовые и криминологические аспекты: автореф. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. – Рязань, 1998. – 27 с.

144 Меркурьев В.В. Теоретические и методологические проблемы уголовно-правового обеспечения права человека на гражданскую самозащиту: автореф. ... док. юрид. наук: 12.00.08. – Рязань, 2006. – 54 с.

145 Косарев А.В. Актуальные проблемы института необходимой обороны: автореф. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. – Р-на-Д., 2001. – 29 с.

146 Заря А.В. Условия и пределы правомерности необходимой обороны по уголовному праву России: автореф. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. – М., 2009. – 24 с.

147 Атабаева Т.Ш. Необходимая оборона: теория, законодательство, практика применения: автореф. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. – Томск, 2004. – 23 с.

148 Лукки Е.В. Необходимая оборона при посягательствах на членов семьи: уголовно-правовые и криминологические аспекты: автореф. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. – Краснодар, 2019. – 30 с.

149 Ильяшенко А.Н. Противодействие насильственной преступности в семье: уголовно-правовые и криминологические аспекты: автореф. ... док. юрид. наук: 12.00.08. – М., 2003. – 59 с.

150 Щепельков В.Ф. Особенности применения норм о необходимой обороне по делам о домашнем насилии // Криминалист. – 2021. – № 3(36). – С. 48-56.

151 Симашенков П.Д. Необходимая оборона как конфликт интересов: исторический опыт и новые подходы к квалификации // Концепт. – 2015. – №6. – С. 141-145.

152 Кейдунова Е.Р., Мавренкова Е.А., Витвицкий А.А. Правовая основа противодействия семейно-бытовому насилию // Юрист-Правоведъ. – 2021. – №4(99). – С. 85-92.

153 Mince-Didier A. Self Defense Laws // <https://www.criminaldefenselawyer.com/resources/self-defense-laws.htm.com>. 20.09.2023.

154 Закон Республики Казахстан. О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам совершенствования правоохранительной деятельности и дальнейшей гуманизации уголовного законодательства: принят 9 ноября 2011 года, №490 // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31081671. 20.09.2023.

155 Нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан. О квалификации некоторых уголовных правонарушений против жизни и здоровья человека: утв. 11 мая 2007 года, №1 // https://adilet.zan.kz/rus/docs/P07000001S_. 20.09.2023.

156 Бабичев А.Г. Преступления против жизни: теоретико-прикладные проблемы и доктринальная модель уголовного закона: автореф. ... док. юрид. наук: 12.00.08. – Казань, 2019. – 60 с.

157 Нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан. О квалификации некоторых уголовных правонарушений против жизни и здоровья человека: утв. 11 мая 2007 года, №1 (с изм. и доп. по состоянию на 17.12.2024 г.) // <https://online.zakon.kz/Document>. 18.09.2023.

158 Плаксина Т.А. Социальные основания квалифицирующих убийство обстоятельств и их юридическое выражение в признаках состава преступления: автореф. ... док. юрид. наук: 12.00.08. – Томск, 2006. – 49 с.

159 Кудяева Л.А. Проблемы реализации уголовной политики в отношении преступлений, совершаемых исключительно женщинами: теория, законодательство и правоприменительная практика: автореф. ... канд. юрид. наук: 5.1.4. – Саратов, 2023. – 32 с.

160 Ткачев И.О. Множественность потерпевших и ее значение при квалификации убийств: автореф. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. – Екатеринбург, 2009. – 26 с.

161 Киселева М.В. Уголовно-правовая охрана материнства: автореф. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. – М., 2010. – 29 с.

162 Пахомова Е.В. Проблемы законодательного учета признаков потерпевшего от преступления при дифференциации уголовной ответственности за преступления против жизни и здоровья: автореф. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. – Р-на-Д., 2001. – 27 с.

163 Багмет А.М., Скобелин С.Ю. Уголовно-правовая охрана материнства и детства // Юридический мир. – 2015. – №3. – С. 49-53.

164 Жубандыкова Л.А. Проблемы применения признака заведомости в уголовном праве: влияние на защиту женщин и несовершеннолетних // Мир закона – 2024. – №9, 10 (269-270). – С. 114-125.

165 Нормативное постановление Верховного суда Республики Казахстан. О некоторых вопросах квалификации преступлений, связанных с

изнасилованием и иными насильственными действиями сексуального характера: утв. 11 мая 2007 года, №4 // <https://adilet.zan.kz/rus/docs>. 21.08.2023.

166 Байков В.А. Квалифицированные виды убийств: уголовно-правовые и криминологические проблемы: автореф. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. – М., 2003. – 24 с.

167 Иванов А.Г. Значение признака «заведомость» в установлении умысла // Юридическая наука и практика. – 2020. – №2. – С. 74-81.

168 Аначкина Е.А. Критерии определения признака «заведомость» при конструировании уголовно-правовых запретов // Идеи и принципы всеобщей декларации прав человека: состояние и перспективы реализации, национальный и международный опыт: сб. тр. конф. – Иваново, 2018. – С. 162-167.

169 Дядюн К.В. Проблемы толкования и применения критерия «заведомость» при квалификации убийств // Журнал российского права. – 2018. – №5. – С. 86-95.

170 Щипанова Н.И., Лалац В.В. Квалификация убийства при ошибке в свойствах личности потерпевшей // Вестник ЮУрГУ. – 2013. – Т. 13, №1. – С. 67-70.

171 Осмоловская С.И. Проблемы установления и толкования признаков субъективной стороны состава преступления, предусматривающего уголовную ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления // Тр. Академии управления МВД России. – 2019. – №3(51). – С. 111-121.

172 Попова Т.Ю. Проблемы квалификации и расследования ненасильственных преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних // Актуальные вопросы юриспруденции: матер. междунар. заоч.-науч.-практ. конф. – Новосибирск, 2013. – С. 33-40.

173 Борчашвили И.Ш. Комментарий к Уголовному кодексу Республики Казахстан. Общая часть. – Алматы: Жеті Жарғы, 2021. – Т. 1. – 836 с.

174 Рарог А.И. Настольная книга судьи по квалификации преступлений. – М.: Проспект, 2008. – 220 с.

175 Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. – Изд. 2-е, перер. и доп. – М., 1999. – 301 с.

176 Никифоров Б.С. Об умысле по действующему уголовному законодательству // Советское государство и право. – 1965. – №6. – С. 26-36.

177 Есаков Г. Осознание возраста потерпевшего лица в половых преступлениях: позиция судебной практики // Уголовное право. – 2011. – №6. – С. 15-17.

178 Кругликов Л.Л., Скрипченко Н.Ю. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» // Уголовное право. – 2012. – №1. – С. 40-44.

179 Хатуев В.Б. Уголовно-правовая охрана беременных женщин, малолетних, беззащитных и беспомощных лиц и лиц, находящихся в зависимости от виновного: автореф. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. – М., 2004. – 32 с.

180 Хатуев В.Б. Уголовно-правовое значение особых свойств потерпевшего от преступления как основных или квалифицирующих признаков преступлений // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – №3(100). – С. 177-193.

181 Абдрашит А.А. Уголовная ответственность за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью по законодательству Республики Казахстан: автореф. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. – Саратов, 2004. – 24 с.

182 Уголовный кодекс Республики Болгария: принят 15 марта 1968 года // <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/21816>. 11.02.2023.

183 Уголовный кодекс Литовской Республики: принят Сеймом Литовской Республики 25 октября 2000 г. (вступил в силу с 1 мая 2003 года) // <https://www.e-tar.lt/portal/lt/legalAct/TAR.2 B866DFF7D43/asr>. 27.04.2023.

184 400 женщин умирают ежегодно: почему в уголовный кодекс РК нужно ввести понятие фемицид // <https://orda.kz/400-zhenschin>. 22.09.2023.

185 Шахов В.И. Насилие в семье: уголовно-правовое и криминологическое значение: автореф. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. – Казань, 2003. – 25 с.

186 Принятие мер против гендерно мотивированных убийств женщин и девочек: резолюция: утв. Генеральной Ассамблеи ООН от 18 декабря 2013 года, №68/191 // <https://www.un.org/ru/ga/68/docs/68res2.shtml>. 10.11.2023.

187 Статистическая система для оценки гендерно мотивированных убийств женщин и девочек (также называемым «фемицидом»/ «феминцидом»); утв. Статистической комиссией Организации Объединенных Наций на ее 53-й сессии 28 февраля – 2 марта и 4 марта 2022 года // <https://docs.yandex.kz/docs/view?tm=1734629457&tld=kz&lang=ru&>. 10.11.2023.

188 Гомонов Н.Д., Труш В.М. и др. Методологические основания криминологических исследований: аспекты профилактики предотвращения преступности // Юридическая наука. – 2024. – №1. – С. 153-156.

189 Шестаков Д.А. Семейная криминология: семья - конфликт – преступление. – СПб., 1996. – 264 с.

190 Шестаков Д.А. Криминология. – Юридический центр, 2006. – 713 с.

191 Артемьев Н.С. О результатах криминологического исследования преступности в сфере семейно-бытовых отношений // Человек: преступление и наказание. – 2019. – Т. 27(1-4), №2. – С. 136-139.

192 Шостакович Б.В., Горинов В.В. Агрессия, агрессивное поведение и психопатология: постановка // В кн.: Агрессия и психическое здоровье. – М., 2002. – С. 10-22.

193 Непомнящая Т.В. Мера уголовного наказания: проблемы теории и практики. – М., 2012. – 384 с.

194 Д. 6349-22-00-1/3 (Специализированный межрайонного суда по уголовным делам Восточно-Казахстанской области от 15 марта 2022 года). – Усть-Каменогорск. 2022 (ДСП).

195 Берсей Д.Д. Опасное состояние личности в свете современного российского уголовного законодательства // Правовая политика и правовая жизнь. – 2014. – №1. – С. 109-113.

196 Титаренко А.П. Опасность правонарушителя для окружающих как относительно новый феномен в профилактической деятельности сотрудника полиции // Уголовная юстиция. – 2018. – №12. – С. 139-147.

197 Булыгина В.Г. Психологическая концепция профилактики общественно опасных действий лиц с тяжелыми психическими расстройствами: дис. ... док. психол. наук: 19.00.04. – М., 2015. – 391 с.

198 Шестаков Д.А. Криминологические проблемы семейных отношений: автореф. ... док. юрид. наук: 12.00.08. – Л., 1986 – 45 с.

199 Шестаков Д.А. Введение в криминологию семейных отношений. – Л., 1980. – 115 с.

200 Бартол К. Психология криминального поведения / пер. с англ. – СПб., 2004. – 352 с.

201 Михайлова Е.В. Особенности причинного комплекса семейно-бытовой преступности в России // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2023. – Т. 29, №3(90). – С. 195-201.

202 Яркеев В.И., Шеслер А.В. Учет свойств личности преступника в процессе воздействия на механизм индивидуального преступного поведения // Вестник молодого ученого Кузбасского института: сб. науч. ст. – Новокузнецк, 2018. – С. 132-133.

203 Рахметов С.М. Проблемы совершенствования законодательства Республики Казахстан по противодействию семейно-бытовому насилию // Вестник института законодательства и правовой информации РК. – 2020. – №5(63). – С. 127-134.

204 Д. 3936-16-00-1/92 (Приговор Специализированного межрайонного суда по уголовным делам Костанайской области от 27 сентября 2016 года). – Костанай, 2022 (ДСП).

205 Шестаков Д.А. Семейная криминология: криминофамилистика. – Изд. 2-е. – СПб., 2003. – 384 с.

206 Антонян Ю.М., Тимошина Е.М. Убийства в семье // Вестник Московского университета МВД России. – 2022. – №1. – С. 27-37.

207 Хилюта В.В. Общественная безопасность и криминализация в системе мер безопасности // Вестник Югорского государственного университета. – 2022. – №4(67). – С. 44-50.

208 Жубандыкова Л.А. Семейно-бытовое насилие в Республике Казахстан: актуальные оценки состояния и динамики // Матер. междунар. науч. конф. молод. учёных, магистр. и доктор., посв. 30-летию органов внутренних дел Республики Казахстан: Кабылбаевские чтения. – Костанай, 2022. – С. 215-226.

209 Рогозин М.Д., Свечкарев В.П., Юсов С.В. Когнитивный анализ самодетерминации преступности // Юридический вестник ДГУ. – 2019. – Т. 30, №2. – С. 117-122.

210 Жубандыкова Л.А. К проблеме соразмерности наказаний за насилие в сфере семейно-бытовых отношений // Проблемы противодействия гендерному насилию на современном этапе: матер. междунар. науч.-практ. конф., посв. междунар. дню борьбы с дискриминацией. – Алматы, 2023. – С. 62-65.

211 Zhubandykova L., Borchashvili I., Tuleugalieva Zh. Combating domestic violence: developing legislative and socio-organizational measures to protect women in Kazakhstan // *Balkan Social Science Review*. – 2024. – Vol. 23. – P. 213-235.

212 Лыкова Н. Почему в Казахстане существует несколько телефонов доверия для детей и подростков // https://baigenews.kz/pochemu_v_. 16.07.2022.

213 Шарипов Р.Н. Предупреждение преступлений в условиях формирования правового государства в России: автореф. канд. юрид. наук: 12.00.08. – СПб., 2006. – 21 с.

214 Боровикова В.В. Проблемы освещения преступности в средствах массовой информации и профилактическая деятельность органов внутренних дел: автореф. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. – М., 2002. – 22 с.

215 Булатецкий П.С. Влияние средств массовой информации на насильственную преступность: криминологический аспект: автореф. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. – М., 2013. – 22 с.

216 Макаров В.В. Криминологическое исследование самодетерминации преступности: автореф. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. – М., 2014. – 22 с.

217 Закон Республики Казахстан. О доступе к информации: принят 16 ноября 2015 года, №401-V // <https://adilet.zan.kz/rus/docs>. 05.09.2024.

218 Закон Республики Казахстан. О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию: принят 2 июля 2018 года, №169 // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1800000169>. 15.09.2024.

219 Ваганова К.В. Виктимблейминг как причина латентности домашнего насилия // *The best research practices*: сб. ст. междунар. науч.-исследов. конкур. – Петрозаводск, 2020. – С. 122-124.

220 Лофиченко О.П., Колесник И.И. Виктимблейдинг (обвинение жертвы) как социокультурное явление в современной России // *Неделя науки СПбПУ: матер. науч. конф. с междунар. участ.* – СПб., 2018. – С. 461-463.

221 Калашникова О.А., Филиппова Е.О. Виктимблейминг и его влияние на общественную жизнь // *Шаг в науку*. – 2021. – №2. – С. 91-93.

222 Закон Республики Казахстан. О масс-медиа: принят 19 июня 2024 года, №93-VIII ЗРК // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2400000093>. 15.08.2024.

223 Закон Республики Казахстан. О средствах массовой информации: принят 23 июля 1999 года, №451-I // <https://online.zakon.kz/>. 10.09.2024.

224 Казахстанский депутат призвал арестовывать женщин, которые «провоцируют» домашнее насилие // <https://kz.kursiv.media>. 11.09.2024.

225 Кулагина А.К. Репрезентация домашнего насилия и фемцида в российских СМИ: лингвистический аспект // *Знак: проблемное поле медиаобразования*. – 2022. – №2(44). – С. 83-92.

226 Слепцова Е.В., Сандул Р.Н. Лидеры мнений как маркетинговый метод продвижения услуг // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. – 2019. – №11-1(38). – С. 113-115.

227 Руководящие принципы, касающиеся правосудия в вопросах, связанных с участием детей-жертв и свидетелей преступлений: приняты резолюцией от 22 июля 2005 года, №2005/20 на 36-м пленарном заседании Экономического и Социального Совета ООН // <https://www.un.org/ru/>. 26.04.2024.

228 Карагодин В.Н. Расследование умышленных преступлений против жизни, половой свободы и неприкосновенности несовершеннолетних: монография. – М.: Проспект, 2023. – 320 с.

229 Догадина Е., Назарова Н. Потерянное детство. Как расследование сексуального насилия над ребенком может превратиться в пытку // <https://www.bbc.com/russian/features-50865767>. 26.04.2024.

230 Уголовно-процессуальный кодекс Украины: принят 13 апреля 2012 года, №4651-VI // <https://zakon.rada.gov.ua>. 16.03.2024.

231 Жармагамбетова Д.А. Депонирование показаний: сравнительно-правовой анализ основания для проведения допроса свидетелей и потерпевших следственным судьей в судебном заседании во время досудебного расследования по законодательству Республики Казахстан и Украины // Государство и право зарубежных стран. – 2021. – №1(17). – С. 36-43.

232 Кордюкова А.А. Освещение темы домашнего насилия в СМИ // <https://cyberleninka.ru/article/n/osveschenie-temy-domashnego-nasilija-v-smi>. 17.07.2023.

233 Закон Республики Казахстан. О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам профилактики правонарушений: принят 29 апреля 2010 года, №272-IV // https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z100000272_/links. 10.08.2024.

234 Жубандыкова Л.А., Кайнар Е.Е. К проблеме признания общественной опасности преследования, совершаемого в сфере семейно-бытовых отношений // Вестник Карагандинской академии МВД РК им. Б. Бейсенова. – 2023. – №1(79). – С. 239-246.

235 Закон Республики Казахстан. О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам противодействия бытовому насилию: принят 18 февраля 2014 года, №175-V // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31508988. 10.08.2024.

236 Закон Республики Казахстан. О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам защиты прав ребенка: принят 9 апреля 2016 года, №501-V // <https://adilet.zan>. 10.08.2024.

237 Гегель Г.В.Ф. Политические произведения. – М., 1978. – 437 с.

238 Пермяков Ю.А. Наказание как экзистенциальная ситуация // Вестник Самарской гуманитарной академии. – 2010. – №1(7). – С. 71-82.

239 Жубандыкова Л.А., Хакимов Е.М. Актуальные вопросы уголовно-правовой регламентации психологического и эмоционального насилия, совершаемого в сфере семейно-бытовых отношений // Учен. тр. Алматинской академии МВД Республики Казахстан: науч. период. изд. – 2023. – Вып. 4(77). – С. 323-336.

240 Байчорова Ф.Х. Проблемы виктимологии: учеб.-метод. пос. – Черкесск, 2023. – 80 с.

241 Жубандыкова Л.А. Законодательные инициативы по защите жертв домашнего насилия в уголовном процессе // Матер. междунар. науч.-практ. конф. «Уголовная ответственность и особенности профилактики насилия в отношении женщин и несовершеннолетних». – Актобе, 2024. – С. 74-78.

242 Кокамбо Ю.Д., Скоробогатова О.В. Проблемы правового регулирования защиты прав жертв семейного насилия // Вестник АмГУ. – 2021. – Вып. 92. – С. 21-25.

243 Mills L.G. Insult to Injury: Rethinking Our Responses to Intimate Abuse. – Princeton, 2003. – 304 p.

244 Лысова А.В. Насилие в семье – объект социальной политики США // Социологические исследования. – 2005. – №12. – С. 108-116.

245 Струков В.А. Мировой положительный опыт противодействия насилию в сфере семейно-бытовых отношений // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2017. – №4(76). – С. 81-85.

246 Сошникова И.В., Шерпаев В.И. Насилие – социальная опасность семьи // Известия УрГЭУ. – 2012. – №3 – С. 137-141.

247 Алгоритм оперативного реагирования на факты насилия над детьми: утв. зам. руков. Администрации Президента Республики Казахстан А. Балаевой от 6 июня 2023 года // <https://www.gov.kz/memleket/entities/bko->. 10.08.2024.

248 Шмарион П.В. Криминологическая характеристика и предупреждение преступлений, совершаемых в семье в отношении несовершеннолетних: автореф. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. – Тамбов, 2010. – 27 с.

249 Пащенко А.С. Особенности расследования преступлений, связанных с домашним насилием: автореф. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. – Волгоград, 2005. – 25 с.

250 Probation Perspective (From The Multi-Agency Approach to Domestic Violence: New Opportunities, Old Challenges? P 228-253, 1999, Nicola Harwin, Gill Hague, et al., eds. See NCJ-187541 // <https://www.ojp.gov/ncjrs/virtual->. 12.08.2024.

251 Probation officer on how social services handle domestic violence // https://thefword.org.uk/2009/10/probation_offic/. 15.08.2024.

252 What Happens in Cases of Domestic Violence // <https://www.seattle.gov/courts/programs-and-services/specialized-courts>. 15.08.2024.

253 Закон Республики Казахстан. О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам внедрения новой регуляторной политики в сфере предпринимательской деятельности и перераспределения отдельных функций органов внутренних дел Республики Казахстан: принят 30 декабря 2021 года, №95-VII // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2100000095>. 10.08.2024.

254 Атагимова Э.И. Правовое регулирование противодействия семейно-бытовому насилию в России и за рубежом: сравнительно-правовой анализ // Мониторинг правоприменения. – 2018. – №2(27). – С. 49-53.

255 Жолдаскалиев С.М. Организационно-правовые аспекты реализации досудебной пробации в Республике Казахстан: проблемы и пути решения // Тр. Академии управления МВД России. – 2019. – №2(50). – С. 132-144.

256 Бачурин С.Н., Исергепова А.К. Эволюция развития и функционирования досудебной пробации в за рубежных странах и в законодательстве Республики Казахстан (сравнительно-правовой анализ) // Преступление, наказание, исправление» (к 20-летию вступления в силу

Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации): сб. мат. междунар. науч.-практ. конф. «Исполнение от дельных видов уголовных наказаний: проблемы и пути совершенствования». – Рязань, 2017. – С. 100-110.

257 Шестаков Д.А. Криминология. Новые подходы к преступлению и преступности. Криминогенные законы и криминологическое законодательство. Противодействие преступности в изменяющемся мире. – Изд. 2-е, перер. и доп. – СПб., 2006. – 561 с.

258 Колбасова Е.А. Правовое регулирование исполнения наказания в виде ограничения свободы: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. – М., 2017. – 261 с.

259 Новикова Е.А. Сущность ограничения свободы по законодательству зарубежных стран // Юридическая наука и практика: вестник нижегородской академии МВД России. – 2014. – №2(26). – С. 246-249.

260 Модельный Уголовный кодекс стран СНГ: принят Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ от 17 февраля 1996 года, №7-5 // <http://docs.cntd.ru/document/901781490>. 20.09.2023.

261 Закон Азербайджанской Республики. О внесении изменений в Уголовный кодекс Азербайджанской Республики: принят 31 мая 2011 года, №137-IVQD // https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=46282. 15.11.2023.

262 Уголовный кодекс Республики Беларусь: принят 9 июля 1999 года, №275-3 // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414984. 15.11.2023.

263 Уголовный Кодекс Грузии: принят 22 июля 1999 года, №2287 // <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/16426?publication=247>. 15.11.2023.

264 Кодекс исполнения уголовных наказаний Республики Таджикистан: принят 28 июня 2001 года // <https://online.zakon.kz/Document/?>. 20.09.2023.

265 Уголовный кодекс Литовской Республики = The Lithuanianpenalcode: утв. 26 сентября 2000 года, №VIII-1968 г / пер. с лит.; под ред. В. Павилонис и др. – СПб., 2002. – 468 с.

266 Уголовный кодекс Испании: принят 1995 года // https://artlibrary2017.narod.ru/kodeks/ispanii_uk.doc. 20.09.2023.

267 Шагидуллина Ж.В. Пробация как альтернативный лишению свободы вид уголовного наказания в США // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. – 2012. – №9. – С. 41-46.

268 Пертли В.А. Сущность организации пробации во Франции, Великобритании и Швеции // Пробелы в российском законодательстве. – 2011. – №2. – С. 233-234.

269 Уголовный кодекс Федеративной Республики Германия: принят 13 ноября 1998 года // http://rawunsch.de/images/Ugolovnyiyi_Kodeks. 20.09.2023.

270 Овчинский В.С. О реформе российской пенитенциарной системы в условиях финансово-экономического кризиса // Уголовная политика и право в эпоху перемен: матер. междунар. науч.-практ. конф., посв. памяти П.С. Дагеля. – Владивосток, 2010. – С. 149-165.

271 Тепляшин П.В. Новый закон об уголовном наказании в виде ограничения свободы // Законность. – 2011. – №3. – С. 38-40.

272 Кодекс заключения под стражу: принят Парламентом Грузии от 3 сентября 2010 года, №2696 // <https://www.matsne.gov.ge/en>. 19.09.2023.

273 Американская конвенция о правах человека: утв. 22 ноября 1969 года // <https://base.garant.ru/2559460/>. 20.09.2023.

274 Предупреждение и ликвидация детских, ранних и принудительных браков: доклад Управления Верховного комиссара ООН по правам человека от 2 апреля 2014 // <https://www.unodc.org/res/e4j/data/university>. 28.08.2023.

275 Об упразднении рабства, работорговли и институтов и обычаев, сходных с рабством: дополнительная Конвенция: утв. Конференцией полномочных представителей, созванной в соответствии с резолюцией №608(XXI) Экономического и Социального Совета от 30 апреля 1956 года // https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/supplement. 11.10.2023.

276 Руководство Европейского Союза по работе с ранними и принудительными браками для специалистов и социальных работников (февраль 2016 г.) // <https://eeca.unfra.org/sites/default/files/pub-pdf>. 14.02.2023.

277 Семейный кодекс Украины: принят 10 января 2002 года, №2947-III // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30418309. 09.08.2023.

278 Гражданский закон Латвийской Республики: принят 28 января 1937 года // <https://www.inlatplus.lv/wp-content/uploads/2019/11/>%. 20.09.2023.

279 Гражданский кодекс Литовской Республики: принят 18 июля 2000 года, №VIII-1964 // <https://psihdocs.ru/treteya-kniga-semejnoe-pravo>. 13.02.2023.

ПРИЛОЖЕНИЕ А

Результаты социологического опроса осужденных, совершивших уголовные правонарушения в сфере семейно-бытовых отношений

1. Всего в социологическом опросе приняло участие осужденных:

1.1	ст.96/99	муж	83	163	350
1.2		жен	80		
1.3	ст.106	муж	67	111	
1.4		жен	44		
1.5	ст.120, 121	муж	74	76	
1.6		жен	2		

2. В отношении кого из нижеуказанных лиц, Вами совершено уголовное правонарушение?

№	Статус потерпевшего	ст.96/99		ст.106		ст.120,121		Всего					
		муж	жен	муж	жен								
2.1	супруг(а)	21	25%	14	17,5%	9	13,4%	4	9,1%	6	7,89%	54	15,7%
2.2	бывший супруг(а)	6	7,1%	2	2,5%	2	3%	3	6,8%	4	5,26%	17	4,8%
2.3	гражд. супруг(а), сожитель(ница)	20	23,8%	48	60%	26	38,8%	25	56,8%	2	2,63%	121	34,8%
2.4	ребёнок (дети), в т.ч. усыновленный (удочеренная)	6	7,1%	2	2,5%	-	-	-	-	19	25%	27	7,69%
2.5	ребёнок (дети) супруги (бывшей супруги, гражд. супруги, сожитель/цы)	4	4,8%	1	1,2%	1	1,5%	3	6,8%	34	44,73%	43	12,2%
2.6	отец (отчим), мать(мачеха)	8	9,6%	5	6,3%	12	17,9%	4	9,1%	-	-	29	8,26%
2.7	сестра, брат, дед, бабушка	9	10,7%	2	2,5%	13	19,4%	-	-	5	6,57%	29	8,26%
2.8	близкие родственники супруга(и)	8	9,5%	3	3,7%	2	3%	4	9,1%	-	-	17	4,8%
Иной ответ:													
2.9	зять	1	1,2%	1	1,2%	1	1,5%					3	0,8%
2.10	племянник(ца)	1	1,2%							5	6,57%	6	1,7%
2.11	отца ребёнка			1	1,2%			1	2,3%			2	0,5%
2.12	дядя (брат матери)			1	1,2%	1	1,5%					2	0,5%
2.13	приёмная дочь брата									1	1,31%	1	0,2%

3. Ваш возраст на момент совершения уголовного правонарушения:

№		ст.96/99				ст.106				ст.120,121		Всего 351	
		муж		жен		муж		жен					
3.1	до 18	1	1,2%	-	-	-	-	-	-	3	3,9%	4	1,13%
3.2	с 18 до 25	4	4,8%	3	3,8%	3	4,5%	2	4,5%	4	5,3%	16	4,5%
3.3	с 25 до 30	9	10,7%	10	12,5%	5	7,5%	5	11,4%	7	9,2%	36	10,2%
3.4	с 30 до 35	15	17,9%	18	22,5%	7	10,4%	12	27,3%	6	7,9	58	16,5%
3.5	с 35 до 40	12	14,3%	9	11,2%	16	23,9%	9	20,5%	26	34,2%	72	20,5%
3.6	с 40 до 50	21	25%	27	33,8%	26	38,8%	13	29,5%	21	27,6%	108	30,7%
3.7	свыше 50	22	26,1%	13	16,2%	10	14,9%	3	6,8%	9	11,8%	57	16,2%

5. Место Вашего проживания:

№	Наименование нас.пункта	ст.96/99				ст.106				ст.120,121		Всего 351	
		муж		жен		муж		жен					
5.1	г.Астана	1	1,2%	-	-	2	3%	3	6,8%	1	1,3%	7	1,9%
5.2	г. Алматы	-	-	10	12,5%	1	1,5%	2	4,5%	2	2,6%	15	4,2%
5.3	г. Шымкент	-	-	7	8,75%	-	-	-	-	-	-	7	1,9%
5.4	Абайская обл.	-	-	-	-	4	6%	1	2,3%	-	-	5	1,4%
5.5	Акмолинская обл.	-	-	4	5%	-	-	2	4,5%	1	1,3%	7	1,9%
5.6	Актюбинская обл.	-	-	2	2,5%	6	9%	4	9,1%	9	11,8%	21	5,9%
5.7	Алматинская обл.	-	-	9	11,2%	-	-	4	9,1%	1	1,3%	14	3,9%
5.8	Атырауская обл.	1	1,2%	3	3,7%	-	-	3	6,8%	1	1,3%	8	2,2%
5.9	ЗКО	-	-	2	2,5%	2	3%	-	-	-	-	4	1,1%
5.10	Жамбылская обл.	-	-	5	6,2%	-	-	-	-	-	-	5	1,4%
5.11	Жетысуская обл.	-	-	-	-	1	1,5%	-	-	1	1,3%	2	0,5%
5.12	Карагандинская обл.	30	35,7%	21	26,2%	3	4,5%	14	31,8%	17	22,4%	85	24,2%
5.13	Костанайская обл.	17	20,2%	4	5%	6	9%	2	4,5%	14	18,4%	43	12,2%
5.14	Кызылординская обл.	-	-	2	2,5%	-	-	1	2,3%	-	-	3	0,8%
5.15	Мангыстауская обл.	1	1,2%	2	2,5%	4	6%	3	6,8%	4	5,3%	14	3,9%
5.16	Павлодарская обл.	14	16,7%	1	1,2%	22	32,8%	2	4,5%	12	15,8%	51	14,5%
5.17	СКО	-	-	1	1,2%	-	-	1	2,3%	-	-	2	0,5%
5.18	Туркестанская обл.	-	-	2	2,5%	-	-	-	-	-	-	2	0,5%
5.19	Улытауская обл.	3	3,6%	2	2,5%	-	-	1	2,3%	1	1,3%	7	1,9%
5.20	ВКО	17	20,2%	3	3,7%	16	23,9%	1	2,3%	12	15,8%	49	13,9%

Жубанд

а Л.А.

6. Статус населённого пункта:

№	Наименование нас.пункта	ст.96/99		ст.106		ст.120,121		всего 351					
		муж	жен	муж	жен								
6.1	город	62	73,8%	54	67,5%	46	68,7%	41	93,2%	50	65,8%	253	72%
6.2	село	22	26,2%	26	32,5%	21	31,3%	3	6,8%	26	34,2%	98	27,9%

7. Уровень Вашего образования на момент совершения уголовного правонарушения:

№		ст.96/99		ст.106		ст.120,121		всего 351					
		муж	жен	муж	жен								
7.1	без образования	1	1,2%	2	2,5%	-	-	-	-	1	1,3%	4	1,13%
7.2	неполное среднее образование	13	15,5%	11	13,8%	8	11,9%	6	13,6%	15	19,7%	53	15,09%
7.3	среднее образование	32	38,1%	24	30%	31	46,3%	20	45,5%	31	40,8%	138	39,3%
7.4	среднее специальное образование	28	33,3%	34	42,5%	24	35,8%	16	36,4%	22	28,9%	124	35,3%
7.5	незаконченное высшее образование	2	2,4%	4	5%	-	-	1	2,3%	1	1,3%	8	2,27%
7.6	высшее образование	8	9,5%	5	6,3%	4	6%	1	2,3%	6	7,9%	24	6,8%

8. В какой семье Вы выросли?

№		ст.96/99		ст.106		ст.120,121		Всего 351					
		муж	жен	муж	жен								
8.1	в полной семье (с обоими родными родителями)	50	59,5%	50	62,5%	42	62,7%	22	50%	39	51,3%	203	57,8%
8.2	в семье с родителем и отчимом (мачехой)	9	10,7%	9	11,3%	8	11,9%	3	6,8%	7	9,2%	36	10,2%
8.3	без одного родителя, только с мамой (отцом)	20	23,8%	11	13,7%	11	16,4%	15	34,1%	21	27,6%	78	22,2%
8.4	без обоих родителей (у родственников/ в детском доме и др.)	5	6%	10	12,5%	6	9%	4	9,1%	9	11,8%	34	9,6%

9. Ваше семейное положение на момент совершения уголовного правонарушения:

№		ст.96/99				ст.106				ст.120,121		Всего 351	
		муж	жен	муж	жен	муж	жен						
9.1	состоял в законном браке	25	29,8%	17	21,3%	13	19,2%	5	11,4%	34	44,7%	94	26,7%
9.2	состоял в гражданском браке (сожительствовал)	36	42,9%	54	67,5%	37	55,2%	31	70,5%	28	36,8%	186	52,9%
9.3	состоял в разводе, но продолжал проживать вместе	3	3,6%	1	1,2%	3	4,5%	-	-	1	1,3%	8	2,2%
9.4	состоял в разводе и не проживал вместе с бывшей супругой	6	7,1%	1	1,2%	3	4,5%	-	-	3	3,9%	13	3,7%
9.5	имею общего ребенка (детей)	2	2,4%	3	3,7%	1	1,5%	3	6,8%	4	5,3%	13	3,7%
9.6	был холост	12	14,3%	2	2,5%	10	14,9%	5	11,4%	6	1,3%	35	9,9%
иной ответ:													
9.7	вдовец/вдова			2	2,5%							2	0,5%

Жубанд

10. Род занятий на момент совершения уголовного правонарушения:

№		ст.96/99				ст.106				ст.120,121		всего 351	
		муж	жен	муж	жен	муж	жен						
10.1	учащийся учебных заведений	1	1,2%	1	1,3%	-	-	-	-	1	1,3%	3	0,8%
10.2	служащие гос. или частных организаций	4	4,8%	13	16,3%	3	4,5%	7	15,9%	7	9,2%	34	9,6%
10.3	предпр/ль, самозанятое лицо	10	11,9%	11	13,8%	9	13,4%	5	11,4%	7	9,2%	42	11,9%
10.4	квалиф/ный рабочий	20	23,8%	10	12,5%	18	26,9%	5	11,4%	22	28,9%	75	21,3%
10.5	неквалиф/ный рабочий	21	25%	9	11,3%	18	26,9%	7	15,9%	16	21,05%	71	20,2%
10.6	безработный	22	26,2%	27	33,8%	15	22,4%	15	34%	16	21,05%	94	26,7%
10.7	не работал, по состоянию здоровья, по инвалидности	4	4,8%	2	2,5%	3	4,5%	2	4,5%	4	5,3%	15	4,2%

Л.А.

10.8	пенсионер	2	2,4%	1	1,2%	1	1,5%	1	2,3%	2	2,6%	7	1,9%
иной ответ:													
10.9	домохозяйка			6	7,5%			2	4,5%			8	2,27%
10.10	имам									1	1,3%	1	0,28%

11. Каков был Ваш среднемесячный доход и общий среднемесячный доход семьи на момент совершения уголовного правонарушения?

№		ст.96/99		ст.106		ст.120,121		Всего 351					
		муж	жен	муж	жен	муж	жен	муж	жен				
11.1	не имел дохода:	25	29,8%	31	38,7%	17	25,4%	18	40,9%	23	30,3%	114	32,4%
имел доход, в сумме:													
11.2	до 100 000	20	23,8%	34	42,5%	13	19,4%	13	29,5%	26	34,2%	106	30,1%
11.3	от 100 000 до 200 000	25	29,8%	9	11,3%	17	25,4%	9	20,5%	9	11,8%	69	19,6%
11.4	от 200 000 до 300 000	9	10,7%	3	3,7%	10	14,9%	3	6,8%	6	7,9%	31	8,8%
11.5	от 300 000 до 400 000	3	3,6%	1	1,2%	7	10,4%	1	2,3%	3	3,9%	15	4,2%
11.6	свыше 400 000	2	2,4%	2	2,5%	3	4,5%	-	-	9	11,8%	16	4,5%

12. Что объединяло Вас и потерпевшее лицо на момент совершения уголовного правонарушения?

№		ст.96/99		ст.106		ст.120,121		Всего 373					
		муж	жен	муж	жен	муж	жен	муж	жен				
12.1	привязанность, чувства	25	29,8%	38	47,5%	26	38,8%	23	52,3%	14	18,4%	126	33,7%
12.2	обязанности по заботе, содержанию, воспитанию членов семьи	25	29,8%	18	22,5%	13	19,4%	9	20,5%	28	36,8%	93	24,9%
12.3	жизненные условия	17	20,2%	15	18,8%	14	20,9%	3	6,8%	10	13,1%	59	15,8%

12.4	зависимое материальное положение	1	1,2%	3	3,8%	3	4,5%	1	2,3%			8	2,1%
12.5	привычка	3	3,6%	5	6,3%	1	1,5%	3	6,8%			12	3,2%
12.6	пагубные явления (алкоголь, наркотики)	9	10,7%	4	5%	8	11,9%	3	6,8%			24	6,4%
12.7	половое влечение	3	3,6%	-	-	2	3%	1	2,3%	14	18,4%	20	5,3%
иной ответ:													
12.8	родственные отношения	8	9,5%	5	6,25%	7	10,5%	1	2,3%	3	3,9%	24	6,4%
12.9	лечебные услуги (массаж)									1	1,3%	1	0,2%
12.10	пагубные явления с матерью (отцом) потерпевшей (его)									6	7,8%	6	1,6%

13. Привлекались ли Вы ранее к ответственности за противоправные деяния, до совершения уголовного правонарушения?

№		ст.96/ 99		ст.106		ст.120,121		всего 375					
		муж	жен	муж	жен	муж	жен	муж	жен				
13.1	к административной ответственности за семейно-бытовое насилие	3	3,6%	2	2,5%	3	4,5%	2	4,5%	1	1,3%	11	2,9%
13.2	к уголовной ответственности за семейно-бытовое насилие	3	3,6%	6	7,5%	1	1,5%	2	4,5%	-	-	12	3,2%
13.3	совершал семейно-бытовое насилие, none привлекался к административной ответственности, в связи с примирением с потерпевшим	2	2,4%	2	2,5%	1	1,5%	-	-	3	3,9%	8	2,1%
13.4	совершал семейно-бытовое насилие, none привлекался к уголовной ответственности, в связи с примирением с потерпевшим	3	3,6%	3	3,8%	2	3%	3	6,8%	1	1,3%	12	3,2%

13.5	ранее совершал семейно-бытовое насилие, но не привлекался к ответственности, т.к. потерпевший не заявлял в полицию	1	1,2%	2	2,5%	1	1,5%	1	2,3%	4	5,3%	9	2,4%
13.6	ранее привлекался к уголовной ответственности, но за иные правонарушения	16	19%	12	15%	17	25,4%	8	18,2%	17	22,4%	72	19,2%
13.7	ранее привлекался к адм. ответственности, но за иные правонарушения	12	14,3%	3	3,8%	13	19,4%	2	4,5%	6	7,9%	36	9,6
13.8	не совершал противоправные деяния и не привлекался	48	57,1%	57	71,3%	34	50,7%	26	59,1%	50	65,8%	215	57,3%

14. Состояли ли Вы на профилактическом учете и профилактическом контроле в органах полиции до совершения уголовного правонарушения?

№		ст.96,99		ст.106		ст.120,121		всего 351					
		муж	жен	муж	жен								
14.1	да, состоял	6	7,1%	8	10%	11	16,4%	7	15,9%	5	6,6%	37	10,5%
14.2	нет, не состоял	73	86,9%	70	87,5%	49	73,1%	37	84,1%	62	81,6%	291	82,9%
14.3	не состоял, но проводились профилактические беседы	5	6%	2	2,5%	7	10,4%	-	-	9	11,8%	23	6,5%

15. Была ли у Вас возможность проживать отдельно от потерпевшего, в другом жилье (вашем или ваших близких), чтобы не допустить уголовное правонарушение?

№		ст.96,99		ст.106		ст.120,121		Всего 351					
		муж	жен	муж	жен								
15.1	я жил в собственном жилье	31	36,9%	26	32,5%	18	26,9%	12	27,3%	31	40,8%	118	33,6%
15.2	да, имелась возможность (в т.ч. финансовая) жить в другом жилье	21	25%	19	23,75%	24	35,8%	13	29,5%	14	18,4%	91	25,9%
15.3	не было другого жилья и финансовой возможности	22	26,2%	28	35%	12	17,9%	21	38,6%	22	28,9%	105	29,9%
15.4	проживал отдельно от потерпевшего	8	9,5%	7	8,8%	11	16,4%	2	4,5%	9	11,8%	37	10,5%

16. Находились ли Вы в состоянии опьянения в момент совершения уголовного правонарушения?

№		ст.96/99				ст.106				ст.120,121		Всего 352	
		муж	жен	муж	жен	муж	жен	муж	жен				
16.1	да, я находился в алкогольном опьянении	61	72,6%	47	58,8%	43	64,2%	29	65,9%	30	39,5%	210	59,6%
16.2	да, я находился в состоянии наркотического опьянения	2	2,4%	-	-	1	1,5%	2	4,5%	1	1,3%	6	1,7%
16.3	нет, я был трезв	21	25%	33	41,3%	24	35,8%	13	29,5%	45	59,2%	136	38,6%

17. Ваше отношение к алкоголю, наркотикам на момент совершения уголовного правонарушения?

№		ст.96/99				ст.106				ст.120,121		Всего 351	
		муж	жен	муж	жен	муж	жен	муж	жен				
17.1	умеренно употреблял алкоголь (по праздникам или в гостях)	57	67,9%	57	71,3%	48	71,6%	34	77,3%	35	46,1%	231	65,8%
17.2	систематически злоупотреблял алкогольными напитками	11	13,1%	3	3,7%	7	10,4%	3	6,8%	6	7,9%	30	8,5%
17.3	имел алкогольную зависимость	5	6%	2	2,5%	5	7,5%	1	2,3%	3	3,9%	16	4,5%
17.4	имел наркотическую зависимость	2	2,4%	-	-	1	1,5%	-	-	1	1,3%	4	1,1%
17.5	вообще не употреблял	9	10,7%	18	22,5%	6	9%	6	13,6%	31	40,8%	70	19,9%

18. Если Вы имели алкогольную или наркотическую зависимость, проходили ли лечение от него, до совершения уголовного правонарушения?

№		ст.96/99				ст.106				ст.120,121		Всего 351	
		муж	жен	муж	жен	муж	жен	муж	жен				
18.1	имел зависимость и проходил лечение	10	11,9%	5	6,3%	7	10,4%	3	6,8%	-	-	25	7,1%
18.2	имел зависимость, но не лечился	14	16,7%	5	6,3%	7	10,4%	2	4,5%	13	17,1%	41	11,6%
18.3	не имел никакой зависимости	60	71,4%	70	87,5%	53	79,1%	39	88,6%	63	82,9%	285	81,1%

19. Если уголовное правонарушение было совершено Вами на почве конфликта с потерпевшей(им), то каков был их предмет?

№		ст.96/99		ст.106		ст.120, 121	всего	итого		
		муж	жен	муж	жен					
безработица:										
19.1	<i>Ваша</i>	10	5	3	2	3	23	28,7%	80	9,9%
19.2	<i>потерпевшего лица</i>	16	19	13	5	4	57	71,2%		
пьянство, алкогольная или наркотическая зависимость, отказ в выдаче денег или растрата домашнего имущества на их приобретение										
19.3	<i>Ваше</i>	11	2	7	0	5	25	27,4%	91	11,3%
19.4	<i>потерпевшего лица</i>	15	23	17	8	3	66	72,5%		
участие в азартных играх или иных развлечениях, отказ в выдаче денег или растрата домашнего имущества для участия в них										
19.5	<i>Ваше</i>	3	1	0	1	2	7	15,5%	45	5,5%
19.6	<i>потерпевшего лица</i>	8	17	6	6	1	38	84,4%		
совершение действий, унижающих честь и достоинство (грубые, нецензурные и оскорбительные выражения)										
19.7	<i>Вами</i>	3	3	2	1	4	13	10,8%	120	14,9%
19.8	<i>потерпевшим лицом</i>	33	40	16	15	3	107	89,1%		
агрессия, угрозы, жестокое обращение										
19.9	<i>с Вашей стороны</i>	6	0	2	0	3	11	12,3%	89	11,06%
19.10	<i>со стороны потерпевшего</i>	21	33	11	10	3	78	87,6%		
агрессия, угрозы, жестокое обращение в отношении детей										
19.11	<i>с Вашей стороны</i>	1	0	1	0	2	4	12,1%	33	4,1%
19.12	<i>со стороны потерпевшего</i>	9	11	5	3	1	29	87,8%		
сексуальное насилие										
19.13	<i>с Вашей стороны</i>	1	0	0	0	2	3	17,6%	17	2,1%
19.14	<i>со стороны потерпевшего</i>	0	9	4	1	0	14	82,3%		
вовлечение в занятие противоправной деятельностью										
19.15	<i>с Вашей стороны</i>	1	0	0	0	1	2	50%	4	0,4%
19.17	<i>со стороны потерпевшего</i>	1	0	0	0	1	2	50%		
материальное неблагополучие, не оплата долгов										
19.18	<i>с Вашей стороны</i>	1	0	1	1	1	4	10,5%	38	4,7%
19.19	<i>со стороны потерпевшего</i>	11	14	5	3	1	34	89,4%		
имущественные и денежные споры										
19.20	<i>с Вашей стороны</i>	2	1	1	0	2	6	30%	20	2,4%
19.21	<i>со стороны потерпевшего</i>	5	4	5	0	0	14	70%		

подозрение в измене, ревность															
19.22	<i>с Вашей стороны</i>	18		1		11		1		11		42	64,6%	65	8,08%
19.23	<i>со стороны потерпевшего</i>	1		17		1		4		0		23	35,3%		
желание разорвать отношения, развестись, отказ от развода															
19.24	<i>с Вашей стороны</i>	2		2				2		4		10	66,6%	15	1,8%
19.25	<i>со стороны потерпевшего</i>	3		2				0		0		5	33,3%		
недовольство жилищными условиями															
19.26	<i>с Вашей стороны</i>	0		1		1		0		2		4	26,6%	15	1,8%
19.27	<i>со стороны потерпевшего</i>	4		2		3		1		1		11	73,3%		
вынужденность совместного проживания с родственниками и их вмешательство в семейную жизнь															
19.28	<i>с Вашей стороны</i>	0		0		1		0		3		4	16,6%	24	2,9%
19.29	<i>со стороны потерпевшего</i>	9		5		3		2		1		20	83,3%		
не участие в ведении хозяйства, не выполнение семейных обязанностей															
19.30	<i>с Вашей стороны</i>	0		0		0		0		1		1	8,3%	12	1,4%
19.31	<i>со стороны потерпевшего</i>	8		1		2		0		0		11	91,6%		
разногласия по поводу содержания, воспитания и заботы о детях															
19.32	<i>с Вашей стороны</i>	0		0		0		0		2		2	14,2%	14	1,7%
19.33	<i>со стороны потерпевшего</i>	3		3		3		2		1		12	85,7%		
нарушение общественного покоя															
19.34	<i>с Вашей стороны</i>	0		0		0		0		1		1	5,8%	17	2,1%
19.34	<i>со стороны потерпевшего</i>	2		6		6		2		0		16	94,1%		
физические недуги, психические расстройства членов семьи															
19.35	<i>с Вашей стороны</i>	0		0		0		0		1		1	8,3%	12	1,4%
19.36	<i>со стороны потерпевшего</i>	2		2		3		3		1		11	91,6%		
19.39	конфликтов не было	17		4		19		10		28		78	9,7%	78	9,7%
Иной ответ:															
19.40	сексуальное насилие в отношении детей	4												4	0,4%
19.41	со стороны потерпевшего отсутствовало желание иметь детей	1												1	0,12%
19.42	обманывала					1								1	0,12%
19.43	аморальное поведение матери, не ведение хозяйства					1								1	0,12%
19.44	избиение моей дочери					1								1	0,12%

19.45	отец считал меня не родным, конфликты были с детства					1							1	0,12%	
19.46	чрезмерная увлеченность или зависимость от интернет пространства (соц.сети, виртуальные игры и т.д.)									1				1	0,12%
19.47	оскорбления и агрессия со стороны сожительницы									1				1	0,12%
19.48	не принятие религиозных взглядов									1				1	0,12%
19.49	ревность, измена жены, сожительницы									3				3	0,37%

20. Если до совершения Вами уголовного правонарушения имели место конфликты, как долго они продолжались?

№		ст.96/99				ст.106				ст.120,121		Всего 351	
		муж	жен	муж	жен	муж	жен						
20.1	менее 1 мес.	13	15,5%	12	15%	9	13,4%	7	15,9%	2	2,6%	42	12,1%
20.2	от 1 до 6 месяцев	7	8,3%	10	12,5%	12	17,9%	2	4,5%	7	9,2%	37	10,6%
20.3	от 6 мес. до 1 года	9	10,7%	10	12,5%	5	7,4%	5	11,4%	4	5,3%	30	8,6%
20.4	от 1 года до 3 лет	9	10,7%	13	16,2%	4	6%	7	15,9%	4	5,3%	37	10,6%
20.5	от 3 лет до 5 лет	5	6%	11	13,8%	2	3%	1	2,3%	2	2,6%	21	6,05%
20.6	свыше 5 лет	10	11,9%	12	15%	3	4,5%	4	9,1%	4	5,3%	33	9,5%
20.7	конфликты были редкими	15	17,9%	9	11,3%	12	17,9%	7	15,9%	6	7,9%	49	14,1%
20.8	конфликтов не было	16	19%	4	5%	20	29,9%	11	25%	46	60,5%	97	27,9%
Иной ответ													
20.9	впервые									1	1,3%	1	0,28%

Жубанд

а Л.А.

21. Каков был мотив совершенного Вами насильственного уголовного правонарушения?

№		ст.96/99				ст.106				ст.120,121		Всего 424	
		муж	жен	муж	жен	муж	жен						
21.1	борьба за власть	3	3,6%	3	3,8%	1	1,5%	3	6,8%	1	1,3%	8	1,8%
21.2	ревность	28	33,3%	16	20%	19	29,6%	11	25%	8	10,5%	82	19,3%
21.3	воспрепятствование уходу из семьи	7	8,3%	7	8,8%	-	-	4	9,1%	5	6,6%	23	5,4%
21.4	зависть	-	-	1	1,3%	1	1,5%	1	2,3%	-	-	3	0,7%
21.5	месть	6	7,1%	14	17,5%	10	14,9%	2	4,5%	4	5,3%	36	8,4%
21.6	вымещение злобы	29	34,5%	15	18,8%	19	28,4%	6	13,6%	7	9,2%	76	17,9%
21.7	корысть	-	-	-	-	2	3%	1	2,3%	1	1,3%	4	0,9%
21.8	стремление освободиться от забот	19	22,6%	14	17,5%	8	11,9%	13	29,5%	3	3,9%	57	13,4%
21.9	хулиганские побуждения	6	7,1%	6	7,5%	14	20,9%	2	4,5%	1	1,3%	29	6,8%
21.10	половое влечение	-	-	1	1,3%	1	1,5%	1	2,3%	47	61,8%	50	11,7%
иной ответ:													
21.11	самозащита от физического насилия, защита близких лиц	6	7,1%	14	17,5%	3	4,6%	5	11,36%	-	-	28	6,6%
21.12	защитил близкого человека	1	1,2%									1	0,2%
21.13	не совершал	1	1,2%			2	3%			5	6,6%	8	1,8%
21.14	страх быть убитой, боялась за себя и ребёнка			2	2,5%			1	2,3%			3	0,7%
21.15	неосторожность в ходе семейно-бытового конфликта			2	2,5%	2	3%	1	2,3%			5	1,7%
21.16	сексуальные домогательства со стороны потерпевшего в отношении сестры с инвалидностью, в отношении ребёнка			2	2,5%							2	0,4%
21.17	освободиться от ревности потерпевшего			2	2,5%							2	0,4%
21.18	болезнь головного мозга			1	1,3%							1	0,2%
21.19	потерпевшая постоянно выпивала					1	1,5%					1	0,2%
21.20	потерпевшая выразилась нецензурной бранью					2	3%					2	0,4%
21.21	кража имущества со стороны потерпевшего					1	1,5%					1	0,2%
21.22	физические недуги, психические расстройства							1	2,3%			1	0,2%
21.23	ребёнка убил сожитель, я не совершала							1	2,3%			1	0,2%

22.15	Остановить, вымещение злости за сексуальное насилие со стороны потерпевшего в отношении ребёнка, лица с инвалидностью			4	5%	1	1,5%					5	0,8%
22.16	ревность потерпевшего			3	3,75%							3	0,4%
22.17	необъяснимая реакция на постоянное насилие			2	2,5%			1	2,3%			3	0,4%
22.18	совершила в состоянии аффекта, временное помешательство			1	1,3%					1	1,3%	2	0,3%
22.19	не принятие мер по предотвращению семейно-бытового насилия (побои, угрозы) участковыми инспекторами полиции			2	2,5%							2	0,3%
22.20	сексуальная неудовлетворённость			1	1,3%							1	0,1%
22.21	болезнь потерпевшего			1	1,3%							1	0,1%
22.22	не помню, был в состоянии алкогольного опьянения					1	1,5%					1	0,1%
22.23	измена потерпевшей					1	1,5%					1	0,1%
22.24	хотела освободиться от его давления							1	2,3%			1	0,1%
22.25	сожитель зависел от азартных игр и убил ребёнка, из-за того что не было денег, а я взяла вину на себя							1	2,3%			1	0,1%
22.26	по неосторожности							1	2,3%			1	0,1%
22.27	устала на протяжении долгих лет наблюдать пьяного человека дома (мать), даже после рождения младшего брата ситуация не изменилась							2	4,5%			2	0,3%
22.28	просмотры/демонстрация материалов сексуального характера, с актами насилия, жестокости, детской порнографии									6	7,9%	6	0,9%
22.29	Застал на месте измены									1	1,3%	1	0,1%

23. Имело ли место насилие в Вашем детстве (юношестве)?

№		ст.96/99				ст.106				ст.120,121		всего 387	
		муж	жен	муж	жен	муж	жен	муж	жен				
23.1	да, был жертвой физического насилия в семье	7	8,3%	4	5%	9	13,4%	8	18,2%	6	7,9%	34	8,7%
23.2	да, был жертвой психологического насилия в семье (подвергался крикам, угрозам, оскорблениям, унижениям)	8	9,5%	9	11,25%	13	19,4%	4	9,1%	5	6,6%	39	10%
23.3	да, был жертвой экономического насилия в семье (оставался без еды, изгонялся из дома и др.)	2	2,4%	5	6,25%	3	4,5%	3	6,8%	2	2,6%	15	3,8%
23.4	да, был жертвой сексуального насилия (подвергался насильственным действиям сексуального характера, развращению, изнасилованию и др.)	1	1,2%	6	7,5%	2	3%	-	-	-	-	9	2,3%
23.5	да, был свидетелем постоянного насилия между близкими людьми	5	6%	3	3,75%	7	10,4%	1	2,3%	2	2,6%	18	4,6%
23.6	нет, не был жертвой насилия в семье	67	79,8%	63	78,75%	44	65,7%	34	77,3%	64	84,2%	272	70,2%

24. Как Вы считаете, смогло бы привлечение правонарушителя к принудительным «общественным работам» предотвратить совершение им побоев и умышленного причинения лёгкого вреда здоровью в сфере семейно-бытовых отношений?

№		ст.96/99				ст.106				ст.120,121		Всего 351	
		муж	жен	муж	жен	муж	жен	муж	жен				
24.1	да, «общественные работы» помогли бы изменить поведение	23	27,4%	20	25%	26	38,8%	9	20,5%	28	36,8%	106	30,2%
24.2	думаю, что «общественные работы» помогли бы изменить поведение только на какое-то время	15	17,9%	8	10%	10	14,9%	2	4,5%	8	10,5%	43	12,2%
24.3	скорее всего нет, т.к. такое наказание не решило бы внутрисемейных проблем	27	32,1%	19	23,7%	13	19,4%	8	18,2%	12	15,8%	79	22,5%
24.4	нет, такое наказание только усугубило бы агрессивное поведение	19	22,6%	33	41,3%	18	26,8%	25	56,8%	28	36,8%	123	35,1%

25. Как Вы считаете, смогло бы предотвратить совершение уголовного правонарушения знание о том, что за преступное насилие в отношении лица, состоящего в семейно-бытовых отношениях, уголовная ответственность будет более строгая, чем в отношении других лиц?

№		ст.96/99		ст.106		ст.120,121		Всего 351					
		муж	жен	муж	жен	муж	жен						
25.1	да, смогло бы предотвратить	28	33,3%	33	41,3%	22	32,8%	19	43,2%	32	42,1%	134	38,1%
25.2	нет, не смогло бы предотвратить	56	66,7%	47	58,8%	45	67,2%	25	56,8%	44	57,9%	217	61,8%

26. Как Вы считаете, смогло бы предотвратить повторное совершение уголовного правонарушения знание о том, что примирение сторон допускается только «однократно»?

№		ст.96/99		ст.106		ст.120,121		Всего 351					
		муж	жен	муж	жен	муж	жен						
26.1	да, смогло бы предотвратить	52	61,9%	51	63,7%	46	68,7%	19	43,2%	46	60,5%	214	61,1%
26.2	нет, не смогло бы предотвратить	32	38,1%	29	36,3%	21	31,3%	25	56,8%	30	39,5%	137	39%

27. Как Вы считаете, был бы эффективным перевод статей «Побои» и «Умышленное причинение лёгкого вреда здоровью» из числа административных правонарушений в число уголовных правонарушений, для предотвращения совершения более опасных преступлений?

№		ст.96/99		ст.106		ст.120,121		Всего 351					
		муж	жен	муж	жен	муж	жен						
27.1	да, перевод указанных статей в Уголовный кодекс был бы эффективным	48	57,1%	60	75%	42	62,7%	28	63,6%	50	65,8%	228	64,9%
27.2	эффективным был бы только перевод статьи «Умышленное причинение лёгкого вреда здоровью»	12	14,3%	8	10%	16	23,9%	4	9,1%	8	10,5%	48	13,6%
27.3	нет, это не остановило бы агрессивного поведения	24	28,6%	12	15%	9	13,4%	12	27,2%	18	23,7%	75	21,3%

28. Как Вы считаете, что могло бы предотвратить (не допустить повторности) совершения уголовного правонарушения в сфере семейно-бытовых отношений?

№		ст.96/99		ст.106		ст.120,121		Всего 882					
		муж	жен	муж	жен	муж	жен						
28.1	своевременное лечение от алкоголизма, наркомании, психических расстройств	34	40,5%	29	36,3%	23	34,3%	19	43,2%	14	18,4%	119	13,4%
28.2	трудоустройство и повышение материального благополучия	37	44%	31	38,8%	28	41,8%	20	45,5%	22	28,9%	138	15,6%
28.3	решение жилищных проблем	14	16,7%	16	20%	12	17,9%	8	18,2%	14	18,4%	64	7,2%
28.4	правильное планирование семейной жизни, материнства, отцовства	25	29,8%	17	21,3%	25	37,3%	7	15,9%	19	25%	93	10,5%
28.5	своевременный развод, разрыв отношений, отдаление от контактов	25	29,8%	17	21,3%	18	26,9%	10	22,7%	34	44,7%	104	11,7%
28.6	повышение культуры, правового воспитания	29	34,5%	18	22,5%	14	20,9%	16	36,4%	20	26,3%	97	10,9%
28.7	прохождение курсов психологической коррекции конфликтного поведения в семье, путем работы с психологом	30	35,7%	24	30%	23	34,3%	17	38,6%	10	13,2%	104	11,7%
28.8	прохождение курсов психического (психологического) лечения отклонений в сексуальном поведении	7	8,3%	5	6,3%	-	-	5	11,4%	23	30,3%	40	4,5%
28.9	применение более строгого наказания за насильственные правонарушения в сфере семейно-бытовых отношений, в целях предотвращения совершения тяжких преступлений	10	11,9%	11	13,8%	12	17,9%	11	25%	8	10,5%	52	5,8%
иной ответ:													
28.10	честное и справедливое расследование уголовных дел, исключив коррупционные составляющие, что предотвратило бы совершение мною преступления	1	1,2%									1	0,1%
28.11	пересмотреть сроки отбывания наказания, сократив срок для осужденных с 3 положительной степенью для перевода в колонию поселение либо сократить сроки на 6 месяцев. Это был бы хороший стимул исправиться и вернуться к детям.	1	1,2%									1	0,1%
28.12	если органы полиции будут эффективно защищать от домашнего насилия, то и убийств не будет			25	31,25%							25	2,8%
28.13	надо усилить законодательство в отношении домашних насильников,			15	18,75%							15	1,7%
28.14	организовать работу психолога с потерпевшим			8	10%							8	0,9%

Жубан

А.

28.15	После отбывания уголовного наказания работе мешали общественные мероприятия в рамках пробационного контроля, из-за чего пришлось уволиться, а после работу не смог найти. Это очень сильно повлияло на совершение противоправного деяния.					1	1,5%					1	0,1%
28.16	Нельзя жалеть, за насилие нужно только наказывать.					1	1,5%					1	0,1%
28.17	необходима регулярная работа участкового инспектора полиции							1	2,3%			1	0,1%
28.18	Необходимо закрыть букмекерские конторы, чтобы из-за таких зависимых людей							1	2,3%			1	0,1%
28.19	Надо принимать меры когда обращаются в полицию. Если бы было реагирование и принятие эффективных мер, не было бы тяжких преступлений							1	2,3%			1	0,1%
28.20	Строгое наказание в отношении домашних дебоширов							1	2,3%			1	0,1%
28.21	Думаю помог бы хороший психолог, чтобы помог мне относиться к этому с пониманием, с сожалением							1	2,3%			1	0,1%
28.22	Не надо терпеть, надо обращаться во все инстанции							1	2,3%			1	0,1%
28.23	Если бы УИП своевременно реагировали бы на вызовы на правонарушения домашних дебоширов, то и я бы не совершила преступления							1	2,3%			1	0,1%
28.24	перестать незаконно судить невиновных									11	14,4%	11	1,2%
28.25	укрепление института семьи, снизить эмансипированность женщины. Жены должны быть хранительницей очага, и не поддавать под влияние интернета.									1	1,3%	1	0,1%

Жубан

Л.А.

ПРИЛОЖЕНИЕ Б

Результаты социологического опроса жертв насилия в сфере семейно-бытовых отношений

1. Ваш пол: 1.1 жен. - 100

1.2 муж. -

2. Ваш возраст:

2.1	до 18 лет	1,1%
2.2	с 18 до 24 лет	5,6%
2.3	с 25 до 29 лет	24,4%
2.4	с 30 до 34 лет	23,3%
2.5	с 35 до 39 лет	16,7%
2.6	с 40 до 50 лет	22,2%
2.7	свыше 50	6,7%

3. Место Вашего проживания:

3.1	г.Астана	7,8%
3.2	Акмолинская область	12,2%
3.3	Актюбинская область	15,6%
3.4	Атырауская область	6,7%
3.5	г.Алматы	7,8%
3.6	Карагандинская область	10%
3.7	Костанайская область	16,7%
3.8	Павлодарская область	20%
3.9	СКО	1,1%
3.10	г.Шымкент	2,2%

5. Ваше образование:

5.1	неполное среднее	11,1%
5.2	общее среднее	17,8%
5.3	среднее специальное	51,1%
5.4	незаконченное высшее	5,6%
5.5	высшее	14,4%

Жубан

за Л.А.

4. Жителю какой местности Вы относитесь?

4.1	городской	87,8%
4.2	сельской	12,2%

6. В какой семье Вы выросли?

6.1	в полной семье (с обоими родителями)	60%
6.2	с родителем и отчимом (матчехой)	12,2%
6.3	только с одним родителем	16,7%
6.4	без обоих родителей (у родственников, в детском доме и др.)	11,1%
6.5	иной ответ:	

7. Ваше семейное положение:

7.1	состою в законном браке	35,6%
7.2	состою в гражданском браке (сожительствую)	14,4%
7.3	в разводе, но продолжаю проживать вместе с бывшим супругом(ой)	2,2%
7.4	в разводе и не проживаю вместе с бывшим супругом(ой)	23,3%
7.5	не состою в браке и не проживаю вместе, но имею общего ребенка (детей)	16,7%
7.6	не замужем (холост)	5,6%
7.7	вдова (вдовец)	2,2%
7.8	иной ответ:	

8. Ваше социальное положение:

8.1	учащаяся(ийся), студент	2,2%
8.2	служащая(ий) гос. или частных организаций	20%
8.3	предприниматель, самозанятое лицо	4,4%
8.4	квалифицированный рабочий	15,6%
8.5	неквалифицированный рабочий	6,7%
8.6	безработная(ый)	22,2%
8.7	домохозяйка	23,3%
8.8	пенсионер	3,3%
8.9	иной ответ: инвалид	2,2%

9. Если Вы работаете, каков Ваш среднемесячный доход?

9.1	менее 100 000	22,2%
9.2	от 100 000 до 140 000	20%
9.3	от 150 000 до 190 000	7,8%
9.4	от 200 000 до 240 000	5,6%
9.5	от 250 000 и выше	2,2%
9.6	не имею дохода	35,5%
9.7	Иной ответ: пособие менее 100 000 пособие 100 000 и выше	5,5% 1,1%

10. Какому из видов насилия Вы подверглись?

10.1	физическому насилию	70%
10.2	психологическому насилию	73,3%
10.3	экономическому насилию	12,2%
10.4	сексуальному насилию	11,1%
10.5	иной ответ:	

11. Со стороны кого Вы подверглись насилию?

11.1	супруга(и)	45,6%
11.2	бывшего супруга(и)	23,3%
11.3	сожителя(цы)	16,6%
11.4	бывшего сожителя(цы)	10%
11.5	родителя (отца, матери)	5,6%
11.6	отчима (мачехи)	2,2%
11.7	брата, сестры	3,3%
11.8	сына, дочери	1,1%
11.9	иной ответ:	

12. В каком месте в отношении Вас совершено насилие со стороны агрессора?

12.1	в квартире, в индивидуальном доме	86,7%
12.2	в подъезде или во дворе жилого многоквартирного дома, во дворе индивидуального дома	14,4%
12.3	в жилье родственников	6,7%
12.4	на улице	12,2%
12.5	по месту Вашей работы	4,4%
12.6	в личном автотранспорте	4,4%
12.7	в общественном транспорте	-
12.8	иной ответ:	ответ:

13. Как часто Вы подвергались насилию со стороны агрессора?

13.1	почти каждый день	22,2%
13.2	систематически (3-4 раза в неделю)	24,4%
13.3	регулярно (1-2 раза в неделю)	16,7%
13.4	часто (1-2 раза в месяц)	27,8%
13.5	иной ответ: редко	7,7%

14. Предшествовал ли насилию конфликт с агрессором?

14.1	да	84,4%
14.2	нет	15,5%
14.3	иной ответ:	

15. Если конфликты были, как долго они длились?

15.1	от 1 до 6 месяцев	32,2%
15.2	от 6 месяцев до 1 года	10%
15.3	от 1 года до 3 лет	20%
15.4	от 3 до 6 лет	11,1%
15.5	от 6 до 10 лет	12,2%
15.6	10 лет и свыше	3,3%
15.7	конфликтов не было	5,5%
15.8	иной ответ:	
	1 раз	5,6%

16. В чём состояла основная причина конфликтов с агрессором?

		агрессора(ом)	Ваша(ми)
16.1	конфликтов не было	2,45%	6,6%
16.2	безработица	7,3%	20%
16.3	материальное неблагополучие, из-за низкого дохода	7,3%	20%
16.4	злоупотребление алкоголем, употребление наркотиков	19,2%	
16.5	участие в азартных играх или иных развлечениях	3,6%	
16.6	совершение действий, унижающих честь и достоинство (грубые, нецензурные и оскорбительные выражения)	16,8%	
16.7	агрессия, угрозы, жестокое обращение	11%	
16.8	подозрение в измене, измена, ревность	10,6%	
16.9	желание разорвать отношения, развестись, отказ от развода	4%	40%
16.10	недовольство жилищными условиями	2,8%	13,3%
16.11	вынужденность совместного проживания с родственниками и их вмешательство в семейную жизнь	4,9%	
16.12	не участие в ведении хозяйства, не выполнение семейных обязанностей	3,6%	
16.13	разногласия по поводу содержания, воспитания детей	3,6%	
16.14	отсутствие детей		
16.15	не желание рождения детей		
16.16	физические недуги, психические расстройства членов семьи		
16.17	чрезмерная увлеченность или зависимость от интернет пространства (соц.сети, виртуальные игры и т.д.)	2%	
16.18	иной ответ: _____		

Жубанд

за Л.А.

17. Имелись ли факты насилия в отношении Ваших детей со стороны агрессора?

17.1	да, факты физического насилия	17,8%
17.2	да, факты психологического насилия	37,8%
17.3	да, факты сексуального насилия	-
17.4	да, факты экономического насилия	2,2%
17.5	нет, насилия в отношении детей не было	41,1%
17.6	детей нет	10%
17.7	иной ответ:	
	не было	1,1%

18. Каково отношение агрессора к алкоголю/ наркотикам?

18.1	не употребляет совсем	20%
18.2	пьёт умеренно	24,4%
18.3	систематически злоупотребляет алкоголем	41,1%
18.4	страдает хроническим алкоголизмом	12,2%
18.5	страдает наркоманией	13,3%
18.6	страдает таксикоманией	3,3%
18.7	иной ответ:	

19. Состоит ли агрессор на учёте?

19.1	не состоит и не состоял ранее	80%
19.2	да, состоит на учёте в наркологическом диспансере	11,1%
19.3	да, состоит на учёте в психоневрологическом диспансере	3,3%
19.4	да, состоит на профилактическом учёте и контроле в органах полиции	11,1%
19.5	иной ответ:	
	ранее состоял на учёте в психоневрологическом диспансере	1,1%

20. Как Вы считаете, в чём состояла причина преступного насилия со стороны агрессора?

20.1	длительные или острые конфликты	26,7%
20.2	Ваше конфликтное поведение с агрессором	4,4%
20.3	моральная распущенность на почве постоянных пьянок	38,9%
20.4	деградация агрессора на фоне наркотической зависимости	17,8%
20.5	склонность к физическому насилию, имеющийся опыт применения насилия	26,7%

20.6	паразитическое существование (отсутствие занятости работой)	20%
20.7	внезапно возникшее стрессовое состояние	14,4%
20.8	нездоровая ревность, подозрение в измене, измена	24,4%
20.9	психические отклонения агрессора	14,4%
20.10	злоба из-за перенесенного насилия в жизни	8,9%
20.11	болезненная адаптация после отбытия наказания в местах лишения свободы	5,6%
20.12	отсутствие здорового досуга, хорошей организации быта	11,1%
20.13	сексуально-извращенное (деформированное) влечение	-
20.14	иной ответ:	

21. К кому Вы обратились за помощью?

21.1	в полицию	63,3%
21.2	в кризисный центр (приют)	75,5%
21.3	к психологу	18,9%
21.4	к близким родственникам	22,2%
21.5	к подругам, друзьям, знакомым	13,3%
21.6	иной ответ:	

22. Почему Вы решили обратиться за помощью?

22.1	чтобы отдалить агрессора на время, чтобы одумался	18,9%
22.2	чтобы скрыться от агрессора и избежать насилия в дальнейшем	47,8%
22.3	чтобы привлечь агрессора к ответственности, т.к. безнаказанность может стать причиной ещё более жестокого насилия	23,3%
22.4	чтобы получить профессиональную помощь (психологическую, юридическую, социальную, образовательную)	44,4
22.5	чтобы получить безопасное место для проживания, т.к. больше нигде жить	57,8%
22.6	иной ответ:	

23. Имел ли эффект факт обращения в органы полиции и вынесение ими защитного предписания, или установление судом особых требований к поведению правонарушителя?

23.1	я не обращалась в полицию	28,9%
23.2	да, агрессор больше не совершает насильственных действий	31,1%

23.3	нет, т.к. агрессор стал преследовать (следить, контролировать, звонить, отправлять сообщения) и угрожать, что причинит еще больший вред при повторном обращении в полицию	28,9%
23.4	агрессор продолжил совершать насилие	16,7%
23.5	иной ответ: развелась – 1,1%	

24. Если Вы подвергались преследованию со стороны агрессора, как долго это длилось?

24.1	менее 1 месяца	21,1%
24.2	от 1 до 6 месяцев	13,3%
24.3	от 6 месяцев до 1 года	5,6%
24.4	от 1 года до 3 лет	12,2%
24.5	от 3 лет и более	6,7%
24.6	не подвергалась преследованию	40,1%

25. Если Вы подвергались преследованию со стороны агрессора, в чём конкретно это выразалось?

25.1	неоднократное слежение	17,8%
25.2	наблюдение за местом проживания, работы, или случайного нахождения	20%
25.3	попытки установить контакт, в т.ч. с помощью телекоммуникаций или других средств связи или через третьих лиц	30%
25.4	ненадлежащее использование личных данных	2,2%
25.5	стремление к физической близости	12,2%
25.6	проявление угроз причинением вреда жизни, физической неприкосновенности, здоровью или свободе преследуемого лица либо близкого ему лица	18,9%
25.7	не подвергалась преследованию	45,5%
25.8	иной ответ: попытка суицида	1,1%

26. Если насилие со стороны агрессора исходит не впервые, почему Вы не обращались за помощью ранее?

26.1	из-за мягких законов, считала, что все равно ничего бы не помогло бы	28,9%
26.2	было стыдно говорить о проблемах в семье	30%
26.3	верил(а), что агрессор изменит свое поведение, исправится	41,1%
26.4	из-за боязни мести со стороны агрессора	25,6%
26.5	из-за незначительности причиненного вреда	4,4%
26.6	из-за материальной и жилищной зависимости от агрессора	15,6%

26.7	из-за нежелания разрушить семью, лишить детей отца (матери)	26,6%
26.8	совершено впервые	8,9%
26.9	обращалась в полицию, но ничего не менялось	6,6%
26.10	надеялась разрешить самостоятельно	1,1%
26.11	иной ответ:	

27. Имело ли место семейно-бытовое насилие в Вашем детстве (юношестве)?

27.1	да, в отношении меня оказывалось физическое насилие в семье	13,4%
27.2	да, в отношении меня оказывалось психологическое насилие в семье	20%
27.3	да, в отношении меня оказывалось экономическое насилие в семье	3,3%
27.4	да, в отношении меня оказывалось сексуальное насилие	3,3%
27.5	был(а) свидетелем постоянного насилия между близкими людьми	12,2%
27.6	нет, не был(а) жертвой насилия в семье	58,9%
27.7	иной ответ:	

Жубанды

28. Как Вы считаете, смогло бы привлечение агрессора к принудительным «общественным работам» положительно повлиять на его поведение и пресечь насилие в дальнейшем?

28.1	да, «общественные работы» помогли бы изменить поведение агрессора	23,3%
28.2	думаю, что «общественные работы» помогли бы изменить поведение агрессора только на какое-то время	15,6%
28.3	скорее всего нет, т.к. такое наказание не решило бы внутрисемейных проблем	35,6%
28.4	нет, такое наказание только усугубило бы его агрессивное поведение к членам семьи и близким	25,6%
28.5	иной ответ:	

29. Как Вы считаете, смогло бы изменить поведение агрессора знание о том, что уголовная ответственность за преступное насилие в отношении лица, состоящего в семейно-бытовых отношениях будет более строгая, чем в отношении других лиц?

29.1	да, смогло бы	61,1%
29.2	нет, не смогло бы	37,8%
29.3	иной ответ:	
	затрудняюсь ответить	1,1%

30. Как Вы считаете, смогло бы изменить поведение агрессора знание о том, что примирение в случае совершения им преступного насилия в отношении лица, состоящего в семейно-бытовых отношениях допускается только «однократно»?

30.1	да, смогло бы	41,1%
30.2	нет, не смогло бы	57,8%
30.3	иной ответ: затрудняюсь ответить	1,1%

31. Как Вы считаете, было бы эффективным ужесточение ответственности за «побои» и «умышленное причинение лёгкого вреда здоровью», путём установления уголовной ответственности, предусматривающей арест на 30 и более суток, ограничение свободы, лишение свободы? В настоящее время предусмотрена административная ответственность в виде письменного предупреждения и адм. ареста на 5-10 суток.

31.1	да, такое ужесточение ответственности было бы эффективным за «побои» и «умышленное причинение лёгкого вреда здоровью»	77,8%
31.2	да, было бы эффективным, но только за «умышленное причинение лёгкого вреда здоровью»	12,2%
31.3	нет, было бы не эффективным	8,9%
31.4	иной ответ: надо увеличить срок ареста	1,1%

32. Как Вы считаете, требуется ли введение ответственности за преследование со стороны агрессора?

«Преследование - неоднократноповторяющееся (не менее трёх раз) действие, в виде незаконного слежения, либо нежелательных визитов, либо навязчивой попытки установления контакта, в том числе с использованием сетей телекоммуникаций, или путем иного вмешательства в личную жизнь против желания преследуемого лица, сопровождаемое угрозой применения насилия.»

32.1	да, требуется введение уголовной ответственности	77,8%
32.2	да, требуется введение административной ответственности	18,9%
32.3	нет, введение ответственности не требуется	3,3%
32.4	иной ответ:	

33. Считаете ли Вы достаточным законодательное регулирование вопроса противодействия насилию в сфере семейно-бытовых отношений?

33.1	да, считаю достаточным	18,9%
33.2	считаю недостаточным, т.к. жертвы семейно-бытового насилия не защищены должным образом, а агрессоры остаются безнаказанными	80%
33.3	иной ответ: каждый сам решает с кем ему взаимодействовать	1,1%

34. Как Вы считаете, что могло бы предотвратить совершение преступного насилия?

34.1	своевременное лечение от алкоголизма, наркомании, психических расстройств	48,9%
34.2	прохождение курсов психологической коррекции конфликтного поведения в семье, путем работы с психологом	53,3%
34.3	прохождение курсов психического (психологического) лечения отклонений в сексуальном поведении	8,9%
34.4	трудоустройство или более высокий доход	26,7%
34.5	решение жилищных проблем	21,1%
34.6	правильное планирование семейной жизни, материнства, отцовства	28,9%
34.7	повышение культурно-правового воспитания	21,1%
34.8	своевременный развод, разрыв отношений, отдаление от контактов	20%
34.9	ужесточение ответственности за насилие в семейно-бытовой сфере	38,9%
34.10	законодательно предусмотреть специальные программы по развитию семейного благополучия (открыть центры, куда могут обратиться супружеские пары)	26,6%
34.11	повсеместное внедрение и развитие идеологии сохранения семейных ценностей (сфера образования, СМИ)	23,3%
34.12	иной ответ:	

Жубан

35. Как Вы считаете, необходимо ли законодательно предусмотреть дополнительный вид наказания в виде привлечения агрессора к принудительной психокоррекции поведения?

за Л.А.

35.1	да, необходимо	89,8%
35.2	нет, необходимости нет	9,1%
35.3	иной ответ:	
	только добровольно	1,1%

36. Как Вы считаете, требуется ли открытие специальных центров для содержания агрессоров, в отношении которых вынесено защитное предписание или особое требование к поведению, в целях его временного отдаления от семьи?

36.1	да, требуется	81,8%
36.2	нет, не требуется	17%
36.3	иной ответ:	
	возможно, в индивидуальных случаях	1,1%

37. Просим Вас указать свои предложения по организации эффективного государственного противодействия насилию в сфере семейно-бытовых отношений.

37.1	введение в учебный процесс организаций образования всех уровней курсов (предметов, дисциплин) о сохранении семейных ценностей, в частности, правильному планированию создания семьи и родительства; обучению построению правильных взаимоотношений в семье между супругами, между родителями и детьми	5
------	---	---

Жубандыкова Л.А.

Жубандыкова Л.А.

Жубандыкова Л.А.

37.2	увеличение грантов на обучение семейных психологов, с обязательным трудоустройством в центрах, специализируемых на работе с семьями	1
37.3	повсеместное открытие центров благополучия семей, где смогут найти профессиональную помощь психолога молодые люди, планирующие создание семьи, семейные пары, и родители с детьми, в целях сохранения здоровых взаимоотношений	3
37.4	предусмотреть уголовную ответственность за насилие в сфере семейно-бытовых отношений	13
37.5	повысить заработную плату, улучшить материальное благополучие семей	1
37.6	разъяснительная работа со СМИ	1
37.7	ужесточение ответственности представителей правоохранительных органов за неказание своевременной помощи.	1
37.8	необходимо эффективное комплексное лечение в наркологических диспансерах	1

Жубандыкова Л.А.

Жубандыкова Л.А.

Жубандыкова Л.А.

Жубандыкова Л.А.

Жубандыкова Л.А.

Жубандыкова Л.А.

ПРИЛОЖЕНИЕ В

Результаты анкетирования сотрудников полиции в рамках диссертационного исследования на тему: «Уголовно-правовые и криминологические аспекты противодействия насилию в сфере семейно-бытовых отношений»

Период проведения: июнь-июль 2022 г.

Способ проведения: Google формы

Приняло участие: 1790 чел.

Таблица В.1 – Ваша выслуга в правоохранительных органах составляет

До 5 лет	548 ответов	27,7%
От 6 до 10 лет	496 ответов	30,6%
От 11 до 15 лет	400 ответов	22,3%
От 16 до 20 лет	214 ответов	12%
Свыше 20 лет	132 ответа	7,4%

Таблица В.2 – Подразделение

По защите женщин от насилия	98	5,5%
По делам несовершеннолетних	265	14,8%
Участковые инспектора полиции	911	50,9%
Следствие (дознание)	516	28,8%

Таблица В.3 – Область, город республиканского значения

г. Нур-Султан	129	7,2%
г. Алматы	68	3,8%
г. Шымкент	72	4%
Алматинская обл.	118	6,6%
Актюбинская обл.	44	2,5%
Акмолинская обл.	158	8,8%
Атырауская обл.	142	7,9%
ВКО	336	18,8%
Жамбылская обл.	82	4,6%
ЗКО	106	5,9%
Карагандинская обл.	69	3,9%
Костанайская обл.	103	5,8%
Кызылординская обл.	47	2,6%
Мангыстауская обл.	120	6,7%
Павлодарская обл.	74	4,1%
СКО	55	3,1%
Туркистанская обл.	67	3,7%

Таблица В.4 – Какой вид преступного насилия, по Вашим наблюдениям, преобладает в сфере семейно-бытовых отношений?

Физическое	1183	49,2%
Психологическое	751	31,2%
Экономическое	297	12,3%
Сексуальное	169	7,3%

Таблица В.5 – Какие взаимоотношения, по Вашим наблюдениям, чаще всего подвергаются преступному насилию в сфере семейно-бытовых отношений?

Между супругами	1234	68,9%
Между родителями и детьми	172	9,6%
Между бывшими супругами	546	30,5%
Между сожителями	654	36,6%
Между лицами, проживавшими совместно	285	15,9%
Между близкими родственниками	118	6,6%
Между лицами, имеющими общего ребенка (детей)	186	10,4%

Таблица В.6 – Согласно Вашей практики, в отношении кого чаще всего совершается преступное насилие в сфере семейно-бытовых отношений?

Женщины	1627	90,9%
Дети	294	16,4%
Мужчины	143	8%
Пожилые члены семьи	113	6,3%
Лица, с ограниченными возможностями	59	3,3%

Таблица В.7 – К какой возрастной группе в большинстве случаев, можно отнести лицо, совершающее преступное насилие в сфере семейно-бытовых отношений?

До 18 лет	128	7,2%
От 19 до 30 лет	708	39,6%
От 31 до 40 лет	1225	68,4%
От 41 до 50 лет	439	24,5%
От 51 до 60 лет	49	2,7%
Свыше 60 лет	17	0,9%

Таблица В.8 – Как Вы считаете, преобладают ли в общей доле лиц, совершающих преступное насилие в сфере семейно-бытовых отношений, ранее судимые?

Да, преобладают	793	44,3%
Нет, их количество мало	757	42,3%
В моей практике никогда не фигурировали ранее судимые лица	240	13,4%

Таблица В.9 – В какой микросреде, по Вашим наблюдениям, находилась значительная часть несовершеннолетних, совершивших уголовные правонарушения в сфере семейно-бытовых отношений?

Устанавливались строгие требования о соблюдении правил и приказов	282	15,8%
Предоставлялась свобода выбора в принятии решений	263	14,7%
Царили отношения взаимного равнодушия и антипатии	320	17,9%
Постоянно употребляли спиртные напитки	836	46,7%
Вели аморальный, антиобщественный образ жизни	472	26,4%
Имели место оскорбления, ссоры, драки	515	28,8%

Таблица В.10 – Каковы по Вашему мнению основные причины и условия возникновения преступности в сфере семейно-бытовых отношений?

Низкий уровень образования отсутствие воспитания и культуры	684	38,2%
Незанятость/ безработица	837	46,8%
Низкий уровень материального обеспечения	726	40,6%
Плохие жилищные условия	442	24,7%
Пьянство, алкоголизм, наркомания, игромания	955	53,4%
Кризис личной жизни, утрата личной перспективы	189	10,6%
Стереотипные установки и убеждения	68	3,8%
Ухудшение семейных взаимоотношений, конфликты, развод	483	27%
Психологические отклонения и расстройства	173	9,7%
Иное мнение:		
Из-за потери семей, казахского семейного института, семейной иерархии и потери наших мужчин и женщин из национального кода, из-за игнорирования национальных ценностей, из-за пренебрежения страной к воспитанию сыновей нравственно и духовно сильных.		0,1%

Таблица В.11 – Какие мотивы насильственных преступлений в большинстве случаев имеют место в сфере семейно-бытовых отношений?

Желание утвердить свой авторитет	430	24%
Вымещение злобы	665	37,2%
Желание причинить боль, страдания, ущерб	278	15,5%
Ревность или месть за супружескую измену	786	44%
Желание пресечь аморальное поведение потерпевшего	248	13,9%
Желание избавиться от забот	75	4,2%
Корысть	127	7,1%
Месть за насилие	97	5,4%
Пресечение насилия	89	5%
Воспрепятствование уходу или желание вернуть в семью	161	9%

Таблица В.12 – Как Вы считаете, влияют ли религиозные воззрения на взаимоотношения в сфере семейно-бытовых отношений?

Религиозные нормы очень часто противоречат действующим в обществе нормам морали и права, в результате коллизий которых возникают преступления в сфере семейно-бытовых отношений	331	18,5%
Они являются второстепенным источником преступлений в сфере семейно-бытовых отношений	268	15%
Экономические проблемы, противоречие религиозных норм и противопоставление их действующему светскому праву – одна из основ преступности в сфере семейно-бытовых отношений	123	6,9%
Никак не влияют	633	35,4%
Затрудняюсь ответить	435	24,3%

Таблица В.13 – На сколько влияние «западных ценностей» повлияло на ослабление традиционного воспитания в семье и рост правонарушений в сфере семейно-бытовых отношений?

«Западные ценности» действительно явились фактором влияющим на разрушение традиционных семейных устоев	764	42,7%
Никак не повлияло	519	29%
Затрудняюсь ответить	507	28,3%

Таблица В.14 – Как Вы считаете, требуется ли пересмотр круга лиц, отношения между которыми относятся к семейно-бытовым, согласно Закона РК «О профилактике бытового насилия» (супруги, бывшие супруги, лица, проживающие или проживавшие совместно, близкие родственники, лица, имеющие общего ребенка (детей)?

Считаю необходимо оставить без изменения	982	54,9%
Исключить бывших супругов	315	17,6%
Исключить лиц, проживавших совместно	243	13,6%
Исключить близких родственников, не проживающих совместно	434	24,2%

Таблица В.15 – Как Вы считаете, требуется ли исключение наказания в виде «предупреждения» за адм. правонарушения предусмотренные ст.73-1 «Умышленное причинение легкого вреда здоровью», ст.73-2 «Побои» КРКоАП?

Считаю надо исключить	923	51,6%
Исключения не требуется	625	34,9%
Затрудняюсь ответить	242	13,5%

Таблица В.16 – Какова роль кризисных центров в оказании помощи жертвам семейно-бытового насилия?

Их деятельность распространена и действенна: они активно сотрудничают с органами полиции и оказывают эффективную помощь жертвам бытового насилия, поэтому жертвы часто обращаются к ним	673	37,6%
Их очень мало, поэтому масштабы их работы не могут охватить всех жертв бытового насилия, обратившихся к ним лично или при содействии сотрудников полиции	541	30,2%
В моей практике не встречалось ни одного факта обращения к ним	576	32,2%

Таблица В.17 – Ваше мнение о необходимости внедрения в административное и уголовное законодательство принудительных мер, в виде психотерапии или психокоррекционных программ для лиц, неоднократно привлекавшихся к административной ответственности или совершившими уголовные правонарушения в сфере семейно-бытовых отношений

Считаю необходимым	1186	66,3%
Нет потребности в этом	257	14,4%
Затрудняюсь ответить	347	19,4%

Таблица В.18. – Как Вы относитесь к вопросу о запрете применения ст.68 УК РК (Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением) к составам уголовных правонарушений, относимым к сфере семейно-бытовых отношений?

Считаю необходимо установить запрет	454	25,4%
Считаю необходимым установление запрета на примирение только по решению суда и только «однократно»	725	40,5%
Запрет не требуется	362	20,2%
Затрудняюсь ответить	249	13,9 %

Таблица В.19 – Ваше мнение о необходимости дополнения ч.2 ст. 99 УК РК (Убийство), ч.2 ст. 105 УК РК (Доведение до самоубийства), ч.2 ст. 106 УК РК (Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью), ч.2 ст. 107 УК РК (Умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью), ч.2 ст. 120 УК РК (Изнасилование), ч.2 ст. 121 УК РК (Насильственные действия сексуального характера) *квалифицирующим признаком*: «совершенное в отношении лица, состоящего с виновным в семейно-бытовых отношениях»

Считаю необходимым	989	55,3%
Дополнений не требуется	385	21,5%
Затрудняюсь ответить	416	23,3%

Таблица В.20 – Ваши предложения по совершенствованию мер по противодействию насилию в сфере семейно-бытовых отношений

Создание специального органа, координирующего деятельность государственных органов и общественных институтов по профилактике и противодействию насилию в сфере семейно-бытовых отношений с ведением специального учета для данной категории правонарушений	758	42,3%
Ужесточение Законодательства В Отношении Правонарушений В Сфере семейно-бытовых отношений	826	46,1%
Предусмотреть и обеспечить работу центров для содержания лиц, совершающих правонарушения в сфере семейно-бытовых отношений	455	25,4%
Иной ответ:		
Ввести прохождение суд-мед экспертизы сразу, в день обращения жертвы в ОВД.		0,3%
вернуть в компетенцию полиции полномочия на привлечение к арестам (1-10 суток) и принудительному мед.лечению		0,7%
Исключить право потерпевшего отказаться от заявления, примириться		0,3%
Необходим комплекс мер: подключать местные исполнительные органы, руководителей и коллектив правонарушителя, психологов, наркологов, центра занятости для его трудоустройства.		0,1%
Увеличить количество инспекторов ПДН и УИП.		0,1%

ПРИЛОЖЕНИЕ Г

Анализ статистических сведений

Таблица Г.1 – Удельный вес уголовных правонарушений, совершенных в сфере семейно-бытовых отношений, в разрезе видов преступных деяний и годов совершения

Отчётный период	Убийство (ст.99)			Пригот. и покуш. на убийство			Убийство, совер. в сост. аффекта (ст.101/98)			Убийство, совер. при превыш. пределов необх. обороны (ст.102/99)			Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (ст.106/103)		
	Всего зарег.	СБО	%	Всего зарег.	СБО	%	Всего зарег.	СБО	%	Всего зарег.	СБО	%	Всего зарег.	СБО	%
2008	1642	336	22,2	-	-	-	23	10	43,4	45	14	31,1	1892	328	17,3
2009	1604	320	19,9	-	-	-	20	12	60	34	9	26,4	1750	291	16,6
2010	1387	269	19,3	-	-	-	19	11	57,8	21	9	42,8	1642	240	14,6
2011	1420	282	19,8	-	-	-	12	10	83,3	20	6	30	1854	286	15,4
2012	1301	285	21,9	-	-	-	-	-	-	35	11	31,4	2465	278	11,2
2013	1151	218	18,9	-	-	-	12	5	41,6	42	15	35,7	2826	231	8,17
2014	941	188	19,9	-	-	-	14	6	42,8	31	3	9,6	2616	205	7,8
2015	862	82	9,5	-	-	-	8	3	37,5	16	2	12,5	2271	196	8,6
2016	861	93	10,8	-	-	-	6	4	66	9	4	44,4	2167	219	10,1
2017	942	87	9,2	-	-	-	6	4	66	6	2	33,3	2050	181	8,8
2018	823	144	17,4	120	12	10	6	6	100	10	6	60	2198	350	15,9
2019	747	116	15,5	98	13	13,2	7	3	42,8	9	3	33,3	2106	393	18,6
2020	631	115	18,2	193	23	11,9	6	5	83,3	10	3	30	1931	413	21,3
2021	579	141	24,3	185	20	10,8	7	4	57,1	3	1	33,3	1820	374	20,5
2022	520	108	20,7	123	13	10,5	3	1	33,3	11	7	63,3	1840	368	20
10.2023	388	85	21,9	99	13	13,1	4	3	75	4	3	75	1540	261	16,9

Примечание – «-» - отсутствуют данные в отчете 1М КПСУиСУ Ген.прокуратуры РК

Таблица Г.2 – Удельный вес уголовных правонарушений, совершенных в сфере семейно-бытовых отношений, в разрезе видов преступных деяний и годов совершения

часть 2

Отчётный период	Умышл. Прич-ние средней тяжести вреда здоровью (ст.107/104)			Истязание (ст.110)			Прич.тяжк. вреда здоров. при превыш. предел. необх. обороны (ст.112/109)			Угроза (ст.115/112)			Изнасилование (ст.120)			Насильственные действия секс-го характера (ст.121)		
	Всего зарег.	СБО	%	Всего зарег.	СБО	%	Всего зарег.	СБО	%	Всего зарег. г.	СБО	%	Всего зарег. г.	СБО	%	Всего зарег.	СБО	%
2008	1923	168	8,7	-	-		33	11	33,3	83	-	-	1298	2	0,15	344	0	0
2009	1853	160	8,6	-	-		25	8	32	87	-	-	1378	3	0,21	354	0	0
2010	1846	128	6,9	-	-		23	3	13,04	98	-	-	1387	0	0	353	3	0,8
2011	1969	125	6,3	-	-		28	2	17,1	120	-	-	1762	1	0,05	374	0	0
2012	45365	105	0,23	-	-		45	6	13,3	206	-	-	4026	1	0,02	535	1	0,18
2013	68457	126	0,18	-	-		69	5	7,2	439	-	-	5064	3	0,05	651	1	0,15
2014	73920	144	0,19	-	-		53	2	2,7	440	-	-	4531	3	0,06	602	0	0
2015	5977	119	1,9	11	0	0	77	7	9,09	756	10	1,3	2339	1	0,04	467	2	0,42
2016	5051	122	2,4	5	0	0	62	6	9,6	688	12	1,7	1634	1	0,06	364	5	1,37
2017	3755	117	3,1	11	1	9,09	44	11	25	320	7	2,1	1317	3	0,2	376	0	0
2018	3566	314	8,8	3	0	0	34	10	29,4	323	26	8,04	1130	6	0,5	320	9	2,8
2019	3139	356	11,3	10	2	20	54	21	38,8	295	36	12,2	1050	27	2,57	362	9	2,4
2020	2658	354	13,3	32	6	18,75	46	14	30,4	210	25	11,9	598	32	5,3	283	24	8,4
2021	2572	359	13,9	16	7	43,75	53	23	43,3	216	14	6,4	536	14	2,6	300	18	6
2022	2525	321	12,7	19	2	10,5	49	15	30,6	136	10	7,3	386	14	3,6	247	13	5,2
10.2023	2284	255	11,1	16	3	18,7	38	14	36,8	148	9	6,08	390	8	2,05	247	9	3,6

Примечания:

1. «-» - отсутствуют данные в отчете 1М КПСУиСУГен.прокуратуры РК

2. Статистические данные по статьям «Умышленное причинение лёгкого вреда здоровью» и «Побои» отсутствуют в отчётах 1М КПСУиСУГен.прокуратуры РК, за указанные периоды

Таблица Г.3 – Коэффициент преступности, имеющей место в сфере семейно-бытовых отношений в разрезе регионов Республики Казахстан за период с 2017 по 2023 годы

Адм. -терр. ед.	2017	Числ. насел.	Кп*	2018	Числ. насел.	Кп*	2019	Числ. насел.	Кп*	2020	Числ. насел.	Кп*	2021	Числ. насел.	Кп*	2022	Числ. насел.	Кп*	2023	Числ. насел.	Кп*
г. Астана	18	972692	1,8	44	1030577	4,2	57	1078384	5,2	74	1136156	6,5	61	1184411	5,1	70	1295711	5,4	52	1354556	3,8
Абай	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	5	611888	0,8	25	610198	4,09
Акмолинская	20	734369	2,72	41	738942	5,5	46	738587	6,2	62	736735	8,4	77	735566	10,4	66	785708	8,4	67	788013	8,5
Актюбинская	41	845679	4,84	35	857711	4,08	47	869637	5,4	38	881651	4,3	40	894333	4,4	29	916750	3,16	29	928159	3,12
г.Алматы	22	1751308	1,25	35	1801993	1,9	43	1854656	2,3	43	1916822	2,24	40	1977258	2,02	37	2101485	1,7	35	2161902	1,61
Алматинская	45	1983465	2,26	92	2017278	4,5	105	2038935	5,1	126	2055724	6,1	131	2077967	6,3	91	1478496	6,1	75	1505896	4,9
Атырауская	7	607528	1,15	6	620684	0,9	20	633791	3,15	5	645280	0,77	9	657110	1,3	19	681241	2,7	26	693079	3,7
В-Казахстанская	43	1389568	3,09	182	1383745	13,1	157	1378527	11,3	161	1369597	11,7	141	1363797	10,3	103	732966	14,05	75	730238	10,2
Жамбылская	20	1115307	1,79	40	1117218	3,5	32	1125440	2,8	42	1130099	3,7	37	1139192	3,2	38	1209665	3,1	47	1218158	3,8
Жетысу	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	14	698757	2	33	698726	4,7
З-Казахстанская	10	641513	1,55	23	646927	3,5	27	652325	4,1	39	656844	5,9	27	661316	4,08	26	683327	3,8	31	688127	4,5
Карагандинская	50	1382734	3,61	98	1380537	7,09	121	1378532	8,7	118	1376882	8,5	110	1375938	7,9	88	1134966	7,7	80	1134855	7,04
Кызылординская	4	773143	0,51	19	783157	2,4	16	794335	2,01	20	803531	2,4	16	814588	1,9	18	823251	2,1	21	833666	2,5
Костанайская	56	879134	6,36	95	875616	10,8	104	872795	11,9	75	868549	8,6	78	864550	9	86	835686	10,2	53	832234	6,3
Мангыстауская	9	642824	1,4	13	660317	1,9	14	678199	2,06	16	698796	2,2	18	719571	2,5	20	745909	2,6	22	767106	2,8
Павлодарская	50	757014	6,6	68	754854	9	88	753853	11,6	98	752169	13	101	751012	13,4	89	756511	11,7	88	754944	11,6
С-Казахстанская	31	563300	5,5	44	558584	7,8	57	554517	10,2	62	548755	11,2	61	543735	11,2	55	539111	10,2	47	534104	8,7
г.Шымкент	-	912300	-	17	952169	1,7	41	1009085	4,06	28	1038152	2,6	25	1074466	2,3	30	1162308	2,5	34	1192199	2,8
Туркестанская	17	1966336	0,86	46	1977028	2,3	55	1983969	2,77	63	2016037	3,1	71	2044742	3,4	48	2088510	2,2	52	2119226	2,4
Улытау	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	6	220913	2,7	29	221421	13
Всего	443	17918214	2,47	898	18157337	4,9	1030	18395567	5,5	1070	18631779	5,7	1043	18879552	5,5	938	19503159	4,8	921	19766807	4,6

* Коэффициент преступности, рассчитывается по формуле:

$$Кп = (К \text{ преступлений} * 100 \text{ тыс. населения}) / \text{Количество всего населения}$$

ПРИЛОЖЕНИЕ Д

Статистика судебных органов

Таблица Д.1 – Форма №1 "Отчет о работе судов первой инстанции по рассмотрению уголовных дел" Приложение 3 к таблице А "Движение уголовных дел, связанных с бытовым насилием"

Всего	Годы										Из числа оконченных дел													
	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2020	2021	2022	2023	2020	2021	2022	2023	2020	2021	2022	2023	2020	2021	2022	2023	
1988	477	284	290	334	344	257	346	344	344	257	346	344	344	257	346	344	344	257	346	344	344	257	346	344
1780	1625	45	32	26	19	7	26	19	19	7	26	19	19	7	26	19	19	7	26	19	19	7	26	19
521	402	35	20	20	15	7	22	15	15	7	22	15	15	7	22	15	15	7	22	15	15	7	22	15
121	39	17	23	14	17	3	8	17	17	3	8	17	17	3	8	17	17	3	8	17	17	3	8	17
4252	2142	347	347	375	384	273	384	384	384	273	384	384	384	273	384	384	384	273	384	384	384	273	384	384
2316	458	282	287	337	349	258	345	349	349	258	345	349	349	258	345	349	349	258	345	349	349	258	345	349
762	125	97	81	126	125	89	119	125	125	89	119	125	125	89	119	125	125	89	119	125	125	89	119	125
46	36	3	5	1	0	0	1	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
12	10	2	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
1823	1664	49	32	26	19	7	26	19	19	7	26	19	19	7	26	19	19	7	26	19	19	7	26	19
1067	1044	5	10	4	1	0	3	1	1	0	0	3	1	1	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0
534	411	39	20	20	15	7	22	15	15	7	22	15	15	7	22	15	15	7	22	15	15	7	22	15
5	1	1	2	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
126	43	17	23	15	17	3	8	17	17	3	8	17	17	3	8	17	17	3	8	17	17	3	8	17
4408	2170	370	364	392	411	282	419	411	411	282	419	411	411	282	419	411	411	282	419	411	411	282	419	411
2607	1709	124	137	145	169	128	195	169	169	128	195	169	169	128	195	169	169	128	195	169	169	128	195	169
172	14	10	22	32	38	24	32	38	38	24	32	38	38	24	32	38	38	24	32	38	38	24	32	38

Таблица Д.2 – Форма №10. О числе лиц, в отношении которых вынесены судебные акты в разрезе годов

Отчётный период	Число осужденных	лишение свободы	пожизненное лишение свободы	штраф	исправ. работы	условное осуждение	общ. работам	огранич. свободы	арест
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
2017									
Убийство (ст.99)	779	762	17	-	-	-	-	1	-
Убийство, совершенное в состоянии аффекта (ст.101)	7	1	-	-	-	-	-	6	-
Убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны (ст.102)	10	2	-	-	-	-	-	2	-
Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (ст.106)	2062	898	-	-	-	88	-	1068	-
Умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью (ст.107)	150	8	-	1	-	1	-	110	-
Истязание (ст.110)	1	-	-	-	-	-	-	1	-
Причинение тяжкого вреда здоровью при превышении пределов необходимой обороны (ст.112)	8	1	-	-	-	-	-	6	-
Изнасилование (ст.120)	260	219	-	1	-	26	-	10	-
Насильственные действия сексуального характера (ст.121)	134	129	-	-	-	2	-	-	-
Понуждение к половому сношению, мужеложству, лесбиянству или иным действиям сексуального характера (ст.123)	2	-	-	-	-	-	-	2	-
Оскорбление (ст.131)	142	-	-	80	-	-	39	1	-
Угроза (ст.115)	6	-	-	-	-	-	6	-	-
2018									
Убийство (ст.99)	745	736	6	-	-	-	-	2	-
Убийство, совершенное в состоянии аффекта (ст.101)	11	2	-	-	-	1	-	8	-
Убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны (ст.102)	0	-	-	-	-	-	-	-	-
Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (ст.106)	2020	670	-	-	-	117	-	1227	-
Умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью (ст.107)	179	7	-	6	-	1	11	151	-
Истязание (ст.110)	3	2	-	-	-	-	-	1	-
Причинение тяжкого вреда здоровью при превышении пределов необходимой обороны (ст.112)	17	1	-	1	-	-	-	13	-
Изнасилование (ст.120)	175	149	-	-	22	-	-	3	-
Насильственные действия сексуального характера (ст.121)	146	135	1	-	-	6	-	2	-
Понуждение к половому сношению, мужеложству, лесбиянству или иным действиям сексуального характера (ст.123)	3	-	-	1	-	-	-	2	-
Оскорбление (ст.131)	129	-	-	74	-	-	51	4	-
Угроза (ст.115)	17	-	-	11	-	-	6	-	-
2019									
Убийство (ст.99)	701	695	1	-	-	-	-	4	-
Убийство, совершенное в состоянии аффекта (ст.101)	8	3	-	-	-	-	-	5	-
Убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны (ст.102)	17	9	-	-	-	1	-	6	-
Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (ст.106)	2186	766	-	-	-	143	-	1274	-
Умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью (ст.107)	179	4	-	14	-	-	13	144	-
Истязание (ст.110)	2	2	-	-	-	-	-	-	-
Причинение тяжкого вреда здоровью при превышении пределов необходимой обороны (ст.112)	20	13	-	-	-	-	-	6	-
Изнасилование (ст.120)	352	132	-	-	-	39	-	3	-
Насильственные действия сексуального характера (ст.121)	155	145	2	-	-	7	-	1	-
Понуждение к половому сношению, мужеложству, лесбиянству или иным действиям сексуального характера (ст.123)	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Оскорбление (ст.131)	127	-	-	91	-	-	33	1	-
Угроза (ст.115)	10	-	-	6	-	-	4	-	-
2020									
Убийство (ст.99)	647	550	3	-	-	-	-	1	-
Убийство, совершенное в состоянии аффекта (ст.101)	12	2	-	-	-	-	-	10	-
Убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны (ст.102)	12	6	-	-	-	-	-	5	-
Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (ст.106)	1942	733	-	-	-	77	-	1130	-
Умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью (ст.107)	167	10	-	3	-	-	6	145	-
Истязание (ст.110)	20	-	-	-	-	-	-	20	-
Причинение тяжкого вреда здоровью при превышении пределов необходимой обороны (ст.112)	17	5	-	-	-	-	1	9	-
Изнасилование (ст.120)	228	195	-	-	-	30	-	-	-

Продолжение таблицы Д.2

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Насильственные действия сексуального характера (ст.121)	136	132	1			2		1	
Понуждение к половому сношению, мужеложству, лесбиянству или иным действиям сексуального характера (ст.123)	2	2							
Оскорбление (ст.131)	102			76			22	1	
Угроза (ст.115)	4			3			1		
2021									
Убийство (ст.99)	667	610	14					1	
Убийство, совершенное в состоянии аффекта (ст.101)	8	1						6	
Убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны (ст.102)	12	8						4	
Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (ст.106)	1793	674				49		1067	
Умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью (ст.107)	232	16		2	1		10	198	
Истязание (ст.110)	9	5						4	
Причинение тяжкого вреда здоровью при превышении пределов необходимой обороны (ст.112)	20	10						9	
Изнасилование (ст.120)	238	216	3			14			
Насильственные действия сексуального характера (ст.121)	152	140	6			5		1	
Понуждение к половому сношению, мужеложству, лесбиянству или иным действиям сексуального характера (ст.123)	1	1							
Оскорбление (ст.131)	121			79			38		
Угроза (ст.115)	4			4					
2022									
Убийство (ст.99)	504	517	6					1	
Убийство, совершенное в состоянии аффекта (ст.101)	4	1				1		1	
Убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны (ст.102)	13	6						3	
Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (ст.106)	1774	667				93		970	
Умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью (ст.107)	222	15		1		1	12	165	
Истязание (ст.110)	5	2						3	
Причинение тяжкого вреда здоровью при превышении пределов необходимой обороны (ст.112)	6	1						4	
Изнасилование (ст.120)	206	189	1			12		2	
Насильственные действия сексуального характера (ст.121)	197	190	4			3			
Понуждение к половому сношению, мужеложству, лесбиянству или иным действиям сексуального характера (ст.123)	3	1						2	
Оскорбление (ст.131)	129			68			21		
Угроза (ст.115)	5			2			2		
2023									
Убийство (ст.99)	455	447	7					1	
Убийство, совершенное в состоянии аффекта (ст.101)	10	5						5	
Убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны (ст.102)	11	6						5	
Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (ст.106)	1719	723				77		910	
Умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью (ст.107)	269	27		5			7	226	
Истязание (ст.110)	6	3						3	
Причинение тяжкого вреда здоровью при превышении пределов необходимой обороны (ст.112)	16	8						8	
Изнасилование (ст.120)	165	150	1			13		1	
Насильственные действия сексуального характера (ст.121)	170	161	5			4			
Понуждение к половому сношению, мужеложству, лесбиянству или иным действиям сексуального характера (ст.123)	3	1	2						
Оскорбление (ст.131)	212			155		49			
Угроза (ст.115)	4	1		1		2			

ПРИЛОЖЕНИЕ Е

Акты внедрения

Утверждаю
Председатель Комитета
по законодательству и
судебно-правовой реформе
Мажилиса Парламента
Республики Казахстан
С.В. Имашева
« 8 » 2024 г.

АКТ

внедрения результатов научно-исследовательской деятельности

1. Наименование НИОКР: научное исследование «Признание общественной опасности деяний «Побои» и «Умышленное причинение лёгкого вреда здоровью», как видов физического насилия, требующих уголовно-правовых механизмов защиты».

2. Краткая аннотация: в исследовании осуществлен анализ статистических сведений КПСиСУ Генеральной прокуратуры РК по административным и уголовным правонарушениям за период с 2018 по 2023 годы, норм Кодекса об административных правонарушениях и Уголовного кодекса Республики Казахстан (в части хронологии внесённых изменений в видах и сроках ответственности), уголовного законодательства стран ближнего зарубежья (Армении, Азербайджана, Белорусии, Грузии, Киргизии, Литвы, Молдовы, Российской Федерации, Узбекистана, Украины), изученных материалов уголовных правонарушений, результатов социологического опроса лиц, пострадавших от семейно-бытового насилия (в кризисных центрах Восточно-Казахстанской, Карагандинской, Павлодарской, Костанайской и Алматинской областей), сотрудников полиции (подразделений местной полицейской службы, следствия и дознания), осужденных, совершивших тяжкие и особо тяжкие насильственные преступления в сфере семейно-бытовых отношений.

3. Вид выходного результата: проект предложений о внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Республики Казахстан, в части введения ранее декриминализованных статей «Побои» и «Умышленное причинение лёгкого вреда здоровью».

4. Заказчик НИОКР, основание выполнения: работа проведена в рамках диссертационного исследования на тему: «Уголовно-правовые и криминологические аспекты противодействия насилию в сфере семейно-бытовых отношений».

5. Исполнитель работы: докторант Костанайской академии МВД Республики Казахстан имени Ш. Кабылбаева, магистр юридических наук, подполковник полиции Жубандыкова Ляззат Абилкаировна.

6. Дата и сведения о приёме результатов исследования: «12» марта 2023 года приняты в работу Мажилиса Парламента Республики Казахстан (исх. №ЖТ-2024-03249963).

7. Сведения о внедрении НИОКР: внедрено в нормотворческую деятельность.

8. Сведения об эффективности внедрения НИОКР: предложения были рассмотрены на заседании рабочей группы при Комитете законодательства и судебно-правовой реформе, решением которого вошли в основу проекта Закона по внесению изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам оптимизации Уголовного, Уголовно-процессуального и Уголовно-исполнительного кодексов.

**Член Комитета по законодательству
и судебно-правовой реформе**

А. Құспан

Жубандь

А.

Утверждаю
Председатель Комитета
по законодательству и
судебно-правовой реформе
Мажилиса Парламента
Республики Казахстан

С.В. Имашева

« 3 » 2024 г.

АКТ

внедрения результатов научно-исследовательской деятельности

1. Наименование НИОКР: научное исследование «Преследование, как общественно опасное деяние».

2. Краткая аннотация: в исследовании осуществлен анализ национального законодательства и зарубежных стран (УК штата Калифорнии США, Канады, Германии), результатов социологического опроса лиц, пострадавших от семейно-бытового насилия, обратившихся за помощью в кризисные центры Восточно-Казахстанской, Алматинской, Карагандинской, Костанайской, Павлодарской, Атырауской, Мангыстауской областей изученных материалов уголовных правонарушений.

3. Вид выходного результата: проект предложений о внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Республики Казахстан, в части введения новой статьи, предусматривающей уголовную ответственность за деяние «Преследование».

4. Заказчик НИОКР, основание выполнения: работа проведена в рамках диссертационного исследования на тему: «Уголовно-правовые и криминологические аспекты противодействия насилию в сфере семейно-бытовых отношений».

5. Исполнитель работы: докторант Костанайской академии МВД Республики Казахстан имени Ш. Кабылбаева, магистр юридических наук, подполковник полиции Жубандыкова Ляззат Абилкаировна

6. Дата и сведения о приеме результатов исследования: «7» декабря 2023 года приняты в работу Мажилиса Парламента Республики Казахстан (исх. №ЖТ-2023-02535804).

7. Сведения о внедрении НИОКР: внедрено в нормотворческую деятельность.

8. Сведения об эффективности внедрения НИОКР: предложения были рассмотрены на заседании рабочей группы при Комитете законодательства и судебно-правовой реформе, решением которого

признаны актуальными и заслуживающими внимания для совершенствования уголовного законодательства Республики Казахстан.

**Член Комитета по законодательству
и судебной-правовой реформе**

А. Құспан

Жубан,

.А.

Утверждаю
Заместитель начальника
Следственного департамента
МВД Республики Казахстан
полковник полиции
Аисов С.С.

**АКТ
внедрения результатов научно-исследовательской деятельности**

1. Наименование НИОКР: материалы диссертационного исследования «Уголовно-правовые и криминологические аспекты противодействия насилию в сфере семейно-бытовых отношений».
2. Краткая аннотация: в материалах диссертационного исследования раскрыта социально-правовая природа феномена семейно-бытового насилия, осуществлен анализ национальной и зарубежной научно-теоретической базы (научные исследования и их результаты), ретроспективный анализ нормативно-правовой базы Республики Казахстан, в т.ч. хронологический анализ внесенных изменений и дополнений в нормы уголовного, административного законодательства, сравнительный анализ с законодательством стран ближнего и дальнего зарубежья, регламентирующего вопросы противодействия насилию в сфере семейно-бытовых отношений; эмпирического материала, состоящего из статистических данных КПСиСУ Генеральной прокуратуры РК, Верховного суда РК, Следственного департамента, Комитета административной полиции, Комитета уголовно-исполнительной системы МВД РК, территориальных подразделений ОВД, результатов социологических опросов сотрудников ОВД, осужденных и жертв семейно-бытового насилия, анализа изученных материалов об административных и уголовных правонарушениях, насильственного характера, часто совершаемые в сфере семейно-бытовых отношений. Работа включает предложения научно-обоснованных мер совершенствования уголовного законодательства Республике Казахстан и оптимизации деятельности субъектов профилактики семейно-бытового насилия.
3. Вид выходного результата: материалы диссертационного исследования.
4. Заказчик НИОКР, основание выполнения: работа проведена в рамках диссертационного исследования на тему: «Уголовно-правовые и криминологические аспекты противодействия насилию в сфере семейно-бытовых отношений».

5. Исполнитель работы: докторант Костанайской академии МВД Республики Казахстан имени Ш. Кабылбаева, магистр юридических наук, подполковник полиции Жубандыкова Ляззат Абилкаировна
6. Дата и сведения о приёме результатов исследования: «17» апреля 2024 года.
7. Сведения о внедрении НИОКР: внедрено в служебную деятельность Управления организации работы дознания Следственного департамента МВД Республики Казахстан.
8. Сведения об эффективности внедрения НИОКР: представленные материалы диссертационного исследования использовались при обобщении деятельности органов следствия по пресечению уголовных правонарушений, совершаемых в сфере семейно-бытовых отношений, а также при разработке мер по профилактике и предупреждению семейно-бытовых преступлений. Предложения диссертанта по совершенствованию уголовного законодательства в части предотвращения семейно-бытового насилия будут использованы Следственным департаментом МВД Республики Казахстан при разработке проектов нормативных правовых актов.

**Заместитель начальника
Управления организации работы дознания
Следственного департамента МВД
Республики Казахстан
полковник полиции**

Тасмагамбетов Н.О.

Жубан

.А.

УТВЕРЖДАЮ
Первый проректор
Академии правоохранительных
органов при
Генеральной прокуратуре
Республики Казахстан

К. Сейтенов

«20» июня 2022 г.

А К Т

**внедрения результатов научно-исследовательской деятельности
«Международный опыт по противодействию и предупреждению семейно-
бытового насилия»**

1. Наименование НИОКР: экспресс-исследование «Международный опыт по противодействию и предупреждению семейно-бытового насилия (на примере практики стран Центральной Азии и СНГ)».

2. Краткая аннотация: в исследовании осуществлен сравнительный анализ карательных и ресторативных методов решения проблем по предотвращению насилия в семье в виде правовых, социальных и предупредительных мер.

3. Вид выходного результата: анализ опыта Турции, Азербайджана и Малайзии по противодействию и предупреждению насильственной преступности в сфере семейно-бытовых отношений.

4. Заказчик НИОКР, основание выполнения: межведомственный научно-исследовательский институт Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан по поручению Совета Безопасности Республики Казахстан

5. Исполнитель работы: докторант 1 курса Костанайской академии МВД РК имени Ш. Кабылбаева подполковник полиции Жубандыкова Л.А.

6. Дата и сведения о приемке результатов исследования:
«20» июня 2022 г. Академия правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан.

7. Сведения о внедрении НИОКР: в нормотворческую деятельность.

8. Сведения об эффективности внедрения НИОКР: результаты экспресс-анализа опыта Турции, Азербайджана и Малайзии по противодействию и предупреждению насильственной преступности в сфере семейно-бытовых отношений рассмотрены в рамках научной деятельности Академии правоохранительных органов.

Ведущий научный сотрудник
МНИИ АПО при ГП РК

К. Баетов

АКТ
внедрения научно-исследовательской работы

1. Наименование научно-исследовательской работы: «Противодействие насилию в семье: теоретические и практические аспекты»
2. Вид выходного результата: Научно-практическое пособие «Профилактика насилия в семье»
3. Заказчик: Инициатива научно-исследовательского центра Костанайской академии МВД РК им. Ш. Кабылбаева
4. Исполнитель (и) работ: Костанайская академия МВД РК имени Ширакбека Кабылбаева, Научно-исследовательский центр
5. Основание выполнения научного исследования: решение Ученого совета Костанайской академии МВД РК имени Ширакбека Кабылбаева; протокол № 5 от 23.12.2020 г.
6. Дата и сведения о приемке результатов научного исследования: 28 декабря 2022 года
7. Сведения о внедрении: внедрение в практику подразделений местной полицейской службы
8. Сведения об эффективности внедрения в оперативно-служебную (служебно-боевую) деятельность подразделений (категорий сотрудников и военнослужащих), а также в учебно-воспитательный процесс организаций образования МВД: для использования сотрудниками местной полицейской службы в практической деятельности

**Начальник Местной полицейской службы
Управления полиции г. Костанай
подполковник полиции**

Жусупов Т.Н.

Утверждаю
Начальник Актюбинского
юридического института
МВД Республики Казахстан
имени М. Букенбаева
кандидат юридических наук
полковник полиции

Мухаметкалиев Н.Ж.
2024 г.

АКТ

внедрения результатов научно-исследовательской деятельности

1. **Наименование НИОКР:** материалы диссертационного исследования «Уголовно-правовые и криминологические аспекты противодействия насилию в сфере семейно-бытовых отношений».
2. **Краткая аннотация:** в материалах диссертационного исследования раскрыто комплексное исследование исторических и социальных факторов, формирующих текущее состояние семейно-бытового насилия в Казахстане; результаты анализа международно-правовых актов, зарубежного законодательства и правоприменительной практики на предмет сопоставления с казахстанской моделью противодействия семейно-бытовому насилию; обоснование подхода к выделению семейно-бытового насилия в отдельную категорию уголовных правонарушений, с уточнением специфики уголовной ответственности за такие деяния; предложения новых механизмов уголовно-правовой защиты от актов семейно-бытового насилия; результаты криминологического анализа динамики, уровня и структуры насилия в семье с рекомендациями по совершенствованию практики предупреждения и правоприменения в данной сфере. Основой выработки предложений стали: эмпирический материал, состоящий из статистических данных КПСиСУ Генеральной прокуратуры РК, Верховного суда РК, Следственного департамента, Комитета административной полиции, Комитета уголовно-исполнительной системы МВД РК, территориальных подразделений ОВД, результатов социологических опросов сотрудников ОВД, осужденных и жертв семейно-бытового насилия, анализа изученных материалов уголовных дел об уголовных правонарушениях, совершенных в сфере семейно-бытовых отношений.
3. **Вид выходного результата:** материалы диссертационного исследования.
4. **Заказчик НИОКР, основание выполнения:** работа проведена в рамках диссертационного исследования на тему: «Уголовно-правовые и криминологические аспекты противодействия насилию в сфере семейно-бытовых отношений».

5. **Исполнитель работы:** докторант Костанайской академии МВД Республики Казахстан имени Ш. Кабылбаева, магистр юридических наук, подполковник полиции Жубандыкова Ляззат Абилкаировна
6. **Дата и сведения о приёме результатов исследования:** «18» марта 2024 года.
7. **Сведения о внедрении НИОКР:** внедрено в учебный процесс Центра по подготовке сотрудников по защите женщин от насилия Актюбинского юридического института МВД Республики Казахстан имени М. Букенбаева.
8. **Сведения об эффективности внедрения НИОКР:** представленные материалы диссертационного исследования о противодействии насилию в сфере семейно-бытовых отношений вошли в основу учебной программы и научно-теоретического фонда Центра по подготовке сотрудников по защите женщин от насилия.

**Начальник
Центра по подготовке сотрудников
по защите женщин от насилия
к.п.н., полковник полиции**
«15» 05 2024 г.

А. Саттарова

Жубан,

А.